

Русь

№ 3 (5), 2006

Общественная организация
«Русь»

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

2006, № 3 (5)

Кишинев

Общественная организация
“Русь”

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

С. Суляк, главный редактор (Молдавия),

доктор истории П. Шорников,

заместитель главного редактора (Молдавия),

М. Алмаший (Украина),

М. Горняк (Сербия),

доктор исторических наук М. Губогло (Россия),

М. Дронов (Россия),

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия),

кандидат филологических наук В. Падык (Украина),

доктор философии А. Плишкова (Словакия),

кандидат филологических наук Д. Поп (Украина),

доктор лингвистических наук профессор Ю. Рамач (Сербия),

доктор хабилитат истории Н. Руссев (Молдавия),

протоиерей о.Димитрий Сидор (Украина),

М. Силадий (Сербия),

доктор истории Н. Тельнов (Молдавия),

протоиерей о.Николай Флоринский (Молдавия),

Р. Шапка (Канада).

© Общественная
организация «Русь», 2006

© Издательский дом
«Татьяна», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЙСКО-МОЛДАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ»

М. ГУБОГЛО Этносоциология и этнополитология в орбите социологического знания	5-13
В. КОСТЕЦКИЙ Полотна Ильи Глазунова и изучение русской словесности, истории и культуры в школе	14-23
Н. ПЕТРОВА Молодежь России и Молдавии в годы Великой Отечественной войны	24-34
Е. ПЧЕЛОВ Российские дворяне молдавского происхождения	35-47
Е. БОЛТУНОВА Дмитрий и Антиох Кантемиры в Петербурге первой четверти XVIII в.	48-54
С. ПОЖАР На перекрестке музыкальных судеб	55-64
Н. ЮРЧЕНКО Образцы русского провинциального классицизма в Кишиневе: жилые дома первой трети XIX в.	65-73
Л. ТОМА Жизнь и творчество Дмитрия Севастьянова	74-80

История

С. СУЛЯК Ими гордится Молдавия	81-148
М. ДРОНОВ Из наследия Венелина	149-150

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Юлиян РАМАЧ
Можлівосци нашого народного языка 151-157

ЗНАМЕНИТЫЕ РУСИНЫ

А. НИКОЛАЕНКО
Учитель и его ученики 158-175

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННОКИ О РУСИНАХ

И. ФРАНКО
Формальный и реальный национализм 176-189

А. САХАРОВ
Рюрик и судьбы российской государственности 190-194

АРХИВ

План мероприятий по решению проблем украинцев-русинов
..... 195-197

ПУБЛИЦИСТИКА

Крепнут связи между русинами 198-199

Обращение о помощи в строительстве храма 200-201

Сведения об авторах и членах редколлегии 202-207

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В этом номере мы наряду с другими материалами продолжаем публикацию докладов, прозвучавших на конференции «Российско-молдавские отношения: история и современность. К 350-летию первого обращения Молдавии о присоединении к России».

Как вы уже заметили, состав нашей редколлегии расширился. Открывает номер нашего журнала работа известного российского социолога и этнолога, нашего земляка и члена редколлегии журнала «Русин» Михаила Губогло.

С этого номера мы ввели новую рубрику «Архив», в которой будем публиковать документы, касающиеся истории русинов.

Михаил ГУБОГЛО

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ В ОРБИТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

На пороге нового тысячелетия социология и смежные дисциплины столкнулись с новыми проблемами в осмыслении меняющейся реальности, в том числе в оценке феномена этничности, в понимании места и роли языка в ее системе, а также в политических и социальных процессах, в утверждении принципов российского федерализма и основ местного самоуправления, в толковании генезиса и сущности национализма и конфликтов, в характеристике роли лингвизма и этнической мобилизации в стремлении народов к сохранению самобытности и соучастию в деле построения элементов гражданского общества. Немалый вклад в прояснение перечисленных проблем внесли развивающиеся на основе классической социологии и на стыке традиционных наук гибридные по-своему происхождению новые междисциплинарные направления - относительно молодая этносоциология и еще более юная этнополитология. Каждая из них, в отличие, например, от социолингвистики, ориентированной преимущественно на анализ языка в социальном контексте, под особым углом зрения заново открывала для себя политику и практику развития и взаимодействия языков и культур в многоэтничном государстве, как одну из центральных проблем существования и политизации этничности.

Четыре фундаментальных понятия — **общество** (как гражданское общество), **государство** (как система политических институтов и взаимоотношений между ними), **народ** (как этническая общность) и **язык** (как важнейшее средство коммуникаций) занимают ключевое предметообразующее положение соответственно в предметной области социологии, политологии, этнологии и языкознания. Однако ни одна из названных фундаментальных наук, несмотря на свой самостоятельный статус, на богатые традиции и общепризнанные очертания границ, не обладает монопольным правом на изучение только «своего» феномена.

Расширяющаяся на глазах «контрабанда», т.е. преодоление границ устоявшихся научных дисциплин, придает особую актуальность различным формам связи языка (языков), обслуживающего (-их) общество, государство или этническую общность.

Основанием и оправданием для междисциплинарных интерференций служат: во-первых, взаимосвязанность изучаемых явлений, во-вторых, относительная аморфность и гетерогенность предметной области и проблематики каждой науки, в-третьих, возникновение в сопредельных, приграничных областях проблемных пустот, заполнение которых неизбежно ведет к гибридизации.

Взаимное перенесение теорий, понятий и методов через дисциплинарные границы, с одной стороны, вносит коррективы в структуру каждой науки, а с другой - приводит к созданию новых научных направлений, которые в силу нарастающей специализации приобретают гибридный характер.

Первичная гибридизация

Под первичной гибридизацией (скрещиванием) в исследованиях тех или иных процессов и проблем понимается не хронологический, а науковедческий аспект, когда проблемное ядро нового научного направления возникает на стыке предметных областей двух ранее самоопределившихся наук. Если представить себе полный набор бинарных направлений между науками, изучающими каждое из четырех избранных для анализа явлений (общество - государство - народ - язык), то теоретически можно получить, как это представлено на схеме 1, матрицу, состоящую из 16 клеток. При этом 4 клетки, расположенные на диагонали, идущей сверху вниз и слева направо, представляют наименования базовых наук. Речь идет соответственно о социологии, политологии, этнологии и о языкознании.

6 клеток заняты бинарными научными направлениями, обладающими определенной автономией. Таковы, в частности, **этнолингвистика**, в рамках которой изучаются сложные проблемы на стыке между этнологией и лингвистикой, лингвополитология, сегодня еще не в полной мере занятая проблемами разработки и реализации языковой политики, социоллингвистика, ориентированная на анализ языка в социальном контексте, этнополитология, набирающая обороты на рубеже веков в деле изучения взаимоотношений между государством и населяющими его народами, этносоциология, в предметной области которой внимание сосредоточено на анализе социальных, в том числе трансформационных процессов среди различных народов (этносов) и этнических процессов в различных социальных и социально-профессиональных группах. Наконец, в приграничных районах наук, изучающих гражданское общество и государство, развивается **политическая социология**, в лоне которой ведутся исследования политической социализации, политического менталитета, культуры и поведения.

С приведенными наименованиями корреспондируют их двойники, наименования-близнецы, которыми в приведенной схеме заполнены

оставшиеся еще 6 клеток. Так, например, ряд авторов придерживаются мнения, что социолингвистика едва ли не синонимична социологии языка, а лингвополитология - политической лингвистике. Контурь политической антропологии, изучающей институты управления и их функционирования в различных этнических средах и выявляющей этнические факторы в менталитете, в политической культуре и поведении людей, близки к границам предметной области этнополитологии, этносоциологию нередко именуют социологией этноса (этнической общности), а иногда - социологией национальных отношений (см. схему 1).

Схема 1

Генезис и становление междисциплинарных направлений как итог первичной гибридизации

Ключевые понятия	общество	государство	этнос	язык
	Новые междисциплинарные направления, имеющие гибридный характер			
общество	социология	социология политики	социология этноса	социология языка (речевого поведения)
государство	политическая социология	политология	этнополитология	политическая лингвистика
этнос	этносоциология	политическая антропология	этнология	антропологическая лингвистика
язык	социо-лингвистика	лингво-политология	этно-лингвистика	языкознание

Социолингвистика

Потребности политики и практики по «выяснению отношений» между языком, этносом и обществом, в том числе по выявлению и характеристике социальной обусловленности, ситуативной и социально-профессиональной вариативности существования языка, в частности в речевом поведении его носителей, привели к возникновению социолингвистики. Она отпочковалась от классического языкознания, в лоне которого она сначала зарождалась, а затем, напитавшись социологическими методиками, утвердилась в статусе самостоятельной на-

учной дисциплины, с целью установления регулярных и меняющихся соответствий между этноязыковой и социальной структурами.

Несмотря на обилие социолингвистической литературы, сосредоточенной на систематизации данных о внешней истории языков народов России, социетальная основа и тайна их функционального развития и взаимодействия остается не до конца разгаданной. Романисты порой тоньше, чем социолингвисты, подмечают психологические и политические нюансы, относящиеся к предметной области этнополитической социолингвистики. Так, например, одной из форм сопротивления местного литовского населения присутствию войск и журналистов Советского Союза было почти поголовное нежелание отвечать по-русски. Любой вопрос, заданный на русском языке на улице ли, в магазине, на рынке, встречал непроницаемый, как стенка, стандартный ответ: «Не супранту» (не понимаю). И насмешку во взгляде. А чаще всего откровенную неприязнь. Это было самой безопасной формой вражды. За насмешливый взгляд и за незнание русского языка даже при Сталине в Сибирь не отправляли.

Этносоциология

Параллельно с социолингвистикой в 1970-е-1980-е гг. зародилась, самоутвердилась, добилась значительных успехов и широкого общественного признания **этносоциология** - пограничное научное направление, самоопределившееся в изучении обширного круга проблем, находящихся на стыке между этнологией, изучающей историю, культуру и языки народов мира, и социологией как «учением об обществе», сосредоточившейся, согласно новейшим определениям, на изучении общества.

В процессе социализации и специализации («обретения самих себя») этносоциологи сосредоточили свое внимание на изучении социальных процессов в разных этнических средах и этнических процессов - в социальных и социально-профессиональных группах. При этом этносоциология, для которой репрезентативные опросы естественны, как дыхание, значительно опережала социолингвистику по части накопления эмпирического материала и публикаций, посвященных анализу конкретных этносоциологических ситуаций, и, увы, не менее серьезно отставала в деле легитимизации своего статуса в системе других наук в качестве самостоятельной научной дисциплины.

Неопределенность границ, статуса, концептуально-методологической основы, а также понятийно-терминологического арсенала вызвала сомнения и неуверенность академического истеблишмента относительно самоутверждения и самоопределения этносоциологии как самостоятельной дисциплины. Это нашло отражение, в частности, даже

в определении своего отношения к этносоциологии члена-корреспондента РАН В.А. Тишкова, от позиции и поддержки которого в немалой мере зависит, быть или не быть этносоциологии, как продуктивному направлению, дополняющему номенклатуру новых направлений в системе гуманитарного знания. «В рамках нашего института, например, - свидетельствовал в одном случае В.А. Тишков, отвечая на вопрос о различии и единстве между этнографией и этнической социологией, - очень трудно приживалась этническая социология, т.е. изучение этничности методами социологического опроса». Однако в целом В.А. Тишков не отрицал высокого статуса, достигнутого этносоциологией в системе отечественного обществоведения. «Нужно отдать должное, - резюмировал он ее основные достижения, - родоначальникам этого направления (Ю.В. Арутюняну, М.Н. Губогло и Л.М. Дробижевой), которые утвердили это направление в такой степени, что оно стало почти отдельной дисциплиной на стыке двух наук - этнологии и этносоциологии»¹.

Специализация в изучении функционирования и взаимодействия языков в социальном контексте, в том числе в рамках триады: общество - государство - народ (этнос), состояла в том, что **социолингвисты** предпочитали обозревать языковую жизнь с высоты птичьего полета и создавать абстрактно-теоретические схемы, в то время как **этносоциологи**, подобно кротам, взрыхляли почву локальной социолингвистической реальности. Соответственно итоги исследований первых грешили абстрактными культурно-историческими схемами и излишним академизмом, а добытый трудами вторых эмпирический материал не всегда оказывался востребованным для теоретических обобщений.

Вторичная гибридизация

Вслед за первичной наступала очередь вторичной гибридизации, т.е. скрещивания теории и подходов социолингвистики и этносоциологии путем взаимообмена накопленного опыта.

Необходимость перекрестного скрещивания этнополитического ракурса с этносоциологическим была, в частности, продиктована тем, что в реальной языковой жизни народов России **политология предположений** (например, выпуск книг, газет, журналов, распределение количества эфирного времени, соотношение школ с различными языками обучения) не всегда и не везде корреспондировала с **социологией спроса** (кто, где, когда, что, на каком языке слушает, разговаривает, пишет, читает, смотрит и т.д.).

1. Социальная антропология: профессия и призвание. Интервью с профессором Валерием Тишковым. Журнал социологии и социальной антропологии. Т. IV (16). СПб., 2001. С. 13.

В основе гибридизации отраслей знания, изучающих связи языка, лежит чрезмерная привязанность языка к социуму и к различным формам его существования. Суть ее проявилась в том, что этнополитологи вместе с юристами, увлеченные виртуально-романтическим языковым законотворчеством, убедились в тщетности усилий по управлению языковой жизнью без этносоциологической экспертизы языковой ситуации в стране и языковых ситуаций в конкретных районах и регионах. Жизнь показала, что большинство принятых законов о языке и языках, а также программ по их реализации, оказалось невыполнимым, т.к. не было основано на знании и на учете ее величества «Потребности». Между тем, выявление языковых потребностей было невозможно без помощи социологии. Точно так же этносоциология, хорошо осведомленная о языковых потребностях различных групп населения, не имела опыта квалифицированного представления в законотворческие органы своих обоснованных рекомендаций. Возникшую на этой основе «ничейную территорию» можно было культивировать, только соединив усилия каждой дисциплины.

Наличие неразрывной связи между реально существующими языком и этносом, особенно в сфере культуры, никогда не подвергалось сомнению в этнологической науке, за исключением некоторых постмодернистских течений. Однако признание этой связи не всегда означало продуктивное ее осмысление, понимание основных форм, масштабов и механизмов ее проявления. Именно по этой причине отечественная наука оказалась в целом не готовой понять связь между языком и государством, что нашло отражение, в частности, в том, что в ряду причин развала Советского Союза оказалась и несостоятельность языковой политики и, прежде всего, непонимание связи между языком с одной стороны и между обществом, государством и этносом - с другой. Между тем, ставшее необычайно популярным клише «этнический парадокс современности» точнее было бы именовать «языковым парадоксом современности», так как в противостоянии народов как этнических общностей нивелирующим процессам глобализации одну из главных ролей играет стремление к сохранению самобытности.

Тщетность этноязыкового волюнтаризма

В начале 1990-х годов в ходе наполнения суверенитета республик реальным содержанием и конституционного процесса 1993-1995 гг. в некоторых из них утверждалась правовая основа по созданию благоприятных условий для расширенного функционирования языков титульных национальностей. В то же время имели место случаи самоотстранения республиканских элит от проявления заботы о русском языке

ке, что создавало основу для дискриминации русского языка и русскоязычного населения для использования местного законотворчества, для создания этнократических режимов. Так, например, составляя 21,9% населения Башкортостана, башкиры в 1995 г. занимали 73,3% должностей в «высшей» политической элите и правительственных кругах. В то же время русские, удельный вес которых (39,3%) был почти в два раза больше, чем башкир, занимали в том же году в тех же структурах 20% должностей.

Смещение акцента на языки титульных национальностей республики при некоторой позитивности несло в себе опасность изоляционизма. Законодатели и лидеры некоторых республик сняли с себя ответственность за создание достойных условий в деле развития, распространения и использования русского языка как единого государственного языка во всех субъектах Российской Федерации в том числе и в республиках, вступили в явное противоречие с естественной тенденцией становления русского языка национальным достоянием не только русского, но и всех остальных народов России.

Всероссийская перепись населения 2002 г., выявив, что 98% граждан России свободно владеют русским языком, а в ряде случаев даже лучше, чем языком своей национальности, подтвердила предсказанный еще накануне распада СССР этносоциологами факт о том, что русский язык стал национальным достоянием народов России, и поэтому идеологема «русский язык - язык межнационального общения» потеряла свой смысл.

Сегодня, на заре нового тысячелетия, не снимается с повестки дня вопрос: какова вина ученых, не сумевших своевременно и аргументированно убедить политиков в смертельной опасности, таящейся в лингвизме и этницизме, с помощью которых была развернута борьба за развал страны, за низвержение статуса, имиджа и широкомасштабного распространения русского языка среди всех нерусских народов великой страны? Вопрос остается открытым: виновны ученые, не сумевшие убедить политиков, или виновны политики, не внявшие рекомендациям ученых?

Могущество русского языка как социального капитала

Принципиальным достижением отечественной этносоциологии и родившейся в ее недрах социологии языка, или этнополитической социолингвистики как нового научного направления, было признание могущественной роли русского языка как «языка единства и единства языков», как важнейшего средства, внедряющего естественным путем в ментальность советских людей, выражаясь современной терминологией, толерантность, доверительность и солидарность.

Сегодня, в начале второго постсоветского десятилетия, русский язык снова выступает одним из центральных вопросов в политической жизни постсоветского пространства. В одних случаях вытеснением русского языка из культурно-бытовой жизни республики Прибалтики решают кадровые вопросы, связанные с созданием моноэтнических режимов. В других случаях, как, например, в Республике Молдова, отказ правящей элиты в оказании поддержки в освоении и употреблении русского языка означает стремление нейтрализовать пророссийские социокультурные ориентации русскоязычного населения. В третьих случаях, как, например, в Приднестровье и Гагаузии, именем русского языка народы отстаивают свои права на синхронное сохранение и развитие своей самобытности и социальной энергии. В четвертых, как, например, в Кыргызстане, Армении, Казахстане, частично в Узбекистане, нынешние элиты, убедившись в бесперспективности оттеснения русского языка из важных сфер жизнедеятельности, меняют политику вытеснения русского языка на лояльное или даже аффирмативное к нему отношение. Жизнь берет свое.

Этнополитология

Политизация языка на рубеже 1980-1990-х гг. стала не только катализатором, но и последствием этнизации политики. Возросший в связи с этим общественный интерес к социологии языка и этничности, проявляющийся на стыке предметных областей этнологии и политологии, привел к серии междисциплинарных исследований и публикаций, которые в свою очередь послужили основанием для вывода о зарождении этнополитологии как гибридной по происхождению, междисциплинарной по характеру научной дисциплины, не без оснований претендующей на самостоятельный статус.

И если этносоциология сыграла роль предвестника социальных перемен в сфере этногосударственных и межэтнических отношений, этнополитология стала непосредственной наблюдательницей, взяв на себя роль мониторинговых исследований.

В советские времена не было недостатка в публикациях, посвященных языковой жизни народов и языковой политике, осуществляемой государством в качестве неотъемлемой составной части национальной политики. Однако даже самые авторитетные специалисты в этой области при определении сущности, содержания, целей и задач языковой политики не выходили за рамки функционирования самого языка. При этом внимание акцентировалось скорее на языке «вне человека», а не на «речевом поведении человека».

Чрезмерная политизация языка стала одним из важных индикато-

ров этнополитической жизни Российской Федерации в 1990-е годы. Язык стал не только вдохновляющим и притягательным манифестом и действенным инструментом этнической мобилизации, но и важным фактором влияния органов власти и этнических лидеров на характер межнациональных отношений. Так возникла двоякая потребность изучения особой роли языка в современных этнополитических процессах, наполненных взрывоопасными социально-политическими деформациями и коллизиями. С одной стороны, перед этнополитологией встали задачи изучения правовых основ и организационных мер по реализации такой этнической политики, ядром которой выступала деятельность по созданию приоритетных условий для представителей титульных национальностей, а идеологическим символом - борьба за расширение сфер функционирования языков, которым в республиках законодательно придавался статус государственного языка.

С другой стороны, продолжала оставаться актуальной задача этносоциологического исследования языковой жизни народного большинства, в т.ч. реальных языковых ситуаций, характер и облик которых имел исторически сложившуюся обусловленность, не всегда корреспондирующую с целями, задачами и амбициями политических лидеров и этнических мобилизаторов.

Процессы фрагментации, дробления и интеграции наук выступают в наши дни одним из показателей прироста знаний и прогресса научного познания. Указанные тенденции специализации исследовательских интересов тесно связаны с гибридизацией, устойчиво номинируемой междисциплинарным подходом или пограничной областью знания. Между тем, в историографии гибридизации и гибридных отраслей знания нет их однозначной оценки. Чем моложе отрасль знания, тем меньше вероятность быть удостоенной обзорной работы. В условиях ускоряющегося нарастания объема научных знаний в настоящее время нелегко быть специалистом одновременно в двух или более науках. Освоить огромную библиографию и обширное наследие каждой науки не под силу одному человеку.

Анализируя и оценивая значение смежных дисциплин, чаще всего думают, что они служат разграничению наук, в то время как на самом деле они скорее «работают» на сближение, чем на разъединение. Таков принципиальный вывод, вытекающий из анализа становления и утверждения этносоциологии и этнополитологии как новых междисциплинарных направлений, обязанных своим гибридным характером содружеству социологии с другими отраслями гуманитарного знания при изучении взаимосвязанных проблем общества - государства - этноса - языка.

Виктор КОСТЕЦКИЙ

ПОЛОТНА ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА И ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В ШКОЛЕ

В 1986 году издательство «Русский язык» (Москва) выпустило книгу для чтения с комментариями на английском языке «Река времен»(11). В предисловии составитель, автор исторических справок и комментария доктор филологических наук В.Г. Китаев ссылается на предсмертное стихотворение Г.Р. Державина, который, будучи современником Крестьянской войны под предводительством Пугачева, подданным пяти русских императоров, свидетелем побед Суворова и поражения нашествия Наполеона на Россию, поэтом, пережившим век классицизма и приветствовавшим триумф юного Пушкина, писал в 1816 году:

Река времен в своем стремленьи

Уносит все дела людей

И топит в пропасти забвенья

Народы, царства и царей...

В противовес этим размышлениям великого поэта о событиях минувшего времени и о судьбах исторических деятелей в памяти человечества В.Г. Китаев говорит о людской памяти, сопротивляющейся забвению, не позволяющей «реке времен» бесследно унести «дела людей», если эта память питается высокой литературой и искусством, отразившими то или иное историческое событие.

Включенные в книгу для чтения произведения – отрывки из «Слова о полку Игореве» (в поэтических переложениях В.А. Жуковского, Н.А. Заболоцкого, А.Н. Майкова), глава 40 «Посольство Ермака» из романа А.К. Толстого «Князь Серебряный», глава «Евпатий Неистовый» из книги В.Г. Яна «Батый» - подкрепляются зрительным рядом, соответственно представленным полотнами всемирно известного русского живописца, народного художника СССР Ильи Глазунова: «Князь Игорь», «Иван Грозный», «Штурм града».

Практика обращения к картинам И. Глазунова в учебниках и учебных пособиях по русскому языку и культуре в последнее время заметно активизировалась. Для примера можно назвать весьма своеобразный учебник русского языка, изданный в 1996 году в Словакии, -

«Встреча с Россией»(7). Его авторы, Е. Колларова и Л.В. Трушинова, посчитали важным, кроме исторических полотен («Князь Игорь», «Князь Олег и Игорь»), и не только в качестве фоновых, поместить портреты Андрея Рублева и Сергея Михалкова, и этнографически выверенную картину «Русская красавица в кокошнике», и программное полотно «Вечная Россия».

Почему творчество Ильи Глазунова все более привлекает внимание дидактов? Какой образовательно-воспитательный эффект правомерно ожидать от привнесения в учебные издания его картин?

Ответы на эти (и другие) вопросы уместно начать с обращения к последнему упомянутому нами эпическому полотну. Картина «Вечная Россия» отразила весь жизненный опыт художника, его многолетние раздумья о судьбе России, его «нерушимую верность трем императивам, что лежат в основе его творчества и гражданского служения: Бог, Совесть и Россия»(9). Не случайно профессор одного из американских университетов признавался, что картина «Вечная Россия» служит ему главным пособием в преподавании истории России. Думается, к картине вполне можно отнести надпись Ярослава Смелякова на «Истории России» Соловьева:

История не терпит суесловья,
Трудна её народная стезя.
Её страницы, залитые кровью,
Нельзя любить безумною любовью
И не любить без памяти нельзя.

Известно, что первоначально полотно называлось «Сто веков». «Срок отсчитан от предполагаемого исхода древних ариев со своей прародины, что послужило началом распада первичной этнолингвистической общности и появления самостоятельных народов и языков»(4). Собственно, зрительный ряд на композиции Глазунова и открывается символом былой прародины – помещенной в левом верхнем углу Полярной мировой горой, – Священной горой, согласно древнейшим книгам человечества «Ригведе» и «Авесте», от которых, как считает И. Глазунов, берет начало российская история*.

В центральной части композиции – исторический путь России: от принятия христианства до начала XX века. От древних храмов и стен Кремля берет начало гигантское шествие, своеобразный, как отмеча-

* И. Глазунов вообще ратует за пересмотр древнейшей истории, за утверждение в ней, к примеру, сведений об Одоакре, правителе Рима, по происхождению – русине с острова Ругин; о византийском императоре Юстиниане (иначе – Управды), славянине из деревни Ведряны (3), – человеке, среди прочего стимулировавшего строительство Храма св. Софии в Константинополе.

ют критики, «крестный ход, возглавляемый реальными историческими личностями, причисленными за свои высокие деяния к лику святых»(4). В их числе Сергей Радонежский, князь Владимир, патриарх Гермоген, Серафим Саровский, Иоанн Кронштадский, которые определяли вехи в истории России, брали на себя миссию сплочения народных сил в годы великих испытаний. Рядом с ними – выдающиеся государственные деятели, полководцы, ученые, писатели и художники, прославившие страну в разные времена, – в целом около 300 исторических лиц.

И, наконец, правая часть – этапы революционного процесса, происходившего в Советской России.

Представленные на картине исторические фигуры и памятники можно сгруппировать в соответствии с рубрикацией, принятой во многих учебных пособиях по развитию речи и книгах для чтения по русскому языку и культуре (например, хрестоматия «Читаем о России по-русски»(16):

1. **Деятели церкви, митрополиты, патриархи** (святой апостол Андрей Первозванный, святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, святые Михаил, Зосима, Аввакум, патриархи Тихон и Фотий, Ксения Блаженная и др.).

2. **Русские князья** (Игорь, Святослав, Олег, Ярослав Мудрый, Дмитрий Донской, Глеб, Михаил, княжна Ольга и др.).

3. **Российские цари, императоры** (цари – Иван Грозный, Иван III, Михаил Федорович; императоры – Петр I, Павел I, Николай II, Александр III и др.).

4. **Полководцы, адмиралы, генералы, маршалы** (Суворов, Александр Невский, Кутузов, Нахимов, Ушаков, Корнилов, Богдан Хмельницкий, Скобелев, Жуков, Победоносцев, Багратион).

5. **Сражения, войны** (триумф Золотой Орды, Куликовская битва, поединок Пересвета, Полтава, Бородино, империалистическая война, Рейхстаг, памятник Победы).

6. **Выдающие ученые** (Ломоносов, Менделеев, Циолковский, Пирогов, Забелин, Ключевский и др.).

7. **Русские философы** (Бердяев, Соловьев, Леонтьев).

8. **Поэты и писатели** (Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Гоголь, Толстой, Державин, Жуковский, Карамзин, Бунин, Блок, Горький, Маяковский, Грибоедов, Чехов, Есенин, Тургенев, Тютчев, Белинский, Герцен, Некрасов, Гончаров и др.).

9. **Художники** (Суриков, Васнецов, Иванов, Крамской, Левитан, Нестеров, Врубель, Федоров, Репин).

10. **Русские театральные деятели, актеры** (Волков, Станиславский, Ермолова).

11 **Композиторы** (Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков, Рахманинов).

12. **Сподвижники, меценаты** (Третьяков, Дягилев).

13. **Иконы** (А. Рублев. Троица, Николай Чудотворец, Успенье Божьей матери, София Премудрость Божья, Георгий Победоносец, Владимирская Божья мать, Покрова Богородицы, Казанская Божья мать).

14. **Храмы** (Святой Софии в Константинополе, Святой Софии в Киеве, Святой Софии в Новгороде, Покрова на Нерли, Василия Блаженного, Христа Спасителя, Кижи).

Как и в случае с памятником М.О. Микешина «Тысячелетие России» в Новгороде, уместить в одном произведении всех людей, удостоившихся олицетворять Отечество и его славу, невозможно, следовательно, нужен был строгий выбор. И, несмотря на тенденцию в выборе фигур для картины, «разве одни не попавшие, не сподобившиеся могли бы составить Россию без тех, кто сподобился и попал?»(13,19). Важно, что эпические полотна Глазунова по своему содержанию отвечают до сих пор остающейся открытой для реализации Концепции общего и филологического образования(см.: 15); соотносятся с программами экспериментальных учебных курсов для русской национальной школы «Выдающиеся люди Отечества», «Подвижники благочестия», «История русской философии и общественной мысли»(см.: 12). Полотна художника «покрывают» и основное содержание куррикулума «История, культура и традиции русского народа» для русских школ Молдовы.

Страноведчески ориентированное пособие для факультатива по развитию русской речи на материале картины И. Глазунова «Вечная Россия» будет «выстроено» в соответствии с перечисленными рубриками и завершаться словарем, содержащим краткие сведения обо всех изображенных на картине лицах, памятниках, символах, например:

Княгиня Ольга (ок. 890-969) – жена киевского князя Игоря. Правила в малолетство сына Святослава и во время его походов. Подавила восстание древлян. Около 957 года приняла христианство. Первая русская святая православной церкви.

Перун – бог грозы в индоевропейской и славяно-русской мифологии, выполняющий оплодотворяющие, очистительные и контролирующие функции. Его действия воспринимаются органами чувств: его можно увидеть в ударе молнии, услышать в грохоте камней и почувствовать в лезвии топора. В IX-X вв. на Руси – покровитель князя и дружины, глава языческого пантеона.

Сами же разделы правомерно «открыть» перечнем персонажей, относящихся к тому или иному разделу. В дальнейшем – «приблизить»

одно-два лица/символа через тексты – как публицистического, так и художественного жанра.

Например:

Раздел 13. Иконы

Владимирская Божья Матерь
(репродукция)

- А.Рублев. Троица
- Николай Чудотворец
- Успенье Божьей Матери
- София Премудрость Божья
- Георгий Победоносец
- Владимирская Божья Матерь
- Покрова Богородицы
- Казанская Божья Матерь

I. М.Волошин. Владимирская божья Матерь (отрывок)

...

В раскаленных горнах Византии,

В злые дни гонения икон

Лик её из огненной стихии

Был в земные краски воплощен.

Но из всех высоких откровений,

Явленных искусством, – он один

Уцелел в костре самосожжения

Посреди обломков и руин.

От мозаик, золота, надгробий,

От всего, чем тот кичился век, –

Ты ушла по водам синих рек

В Киев княжеских междоусобий.

И с тех пор в часы народных бед

Образ твой над Русью вознесенный

В тьме веков указывал нам след

И в темнице – выход потаенный.

...

Верный страж и ревностный блюститель

Матушки Владимирской, – тебе –

Два ключа: золотой в её обитель,

Ржавый – к нашей горестной судьбе.

26 марта 1929 г.

II. А.К. Пушкин. Послания Максимилиана Волошина («Наше наследие», 1989, № 1)

«Владимирская Богоматерь» – ... последнее поэтическое свершение М.Волошина... Икону Владимирской Богоматери поэт увидел впер-

вые весной 1924 года в Историческом музее. По воспоминаниям Т.В. Шмелёвой, он приходил «на свидание с иконой» несколько дней подряд, стоял перед нею часами. Вернувшись из поездки в Москву и Ленинград домой, Волошин писал: «Лишь два момента подлинной жизни... я пережил и унес с собою отсюда: Лик Владимирской Богоматери и рукопись Аввакума» (письмо к С.А. Толстой-Есениной от 24 мая 1924 года). Фоторепродукция иконы стояла с весны 1925 года на рабочем столе Максимилиана Александровича; «все эти дни живу в сиянии этого изумительного лица», – писал он С.З. Федорченко 9 апреля.

Посвящено это стихотворение Александру Ивановичу Анисимову (1877– ок.1932), искусствоведу и реставратору. Работая в комиссии по охране культурных и художественных сокровищ России, он руководил расчисткой иконы Владимирской Богоматери от поздних наслоений и посвятил ей отдельную монографию (Прага, 1928 г.). В 1921 – 1929 годах А.И. Анисимов возглавлял отдел церковных ценностей в Историческом музее в Москве. Осенью 1930 года ученый был арестован и погиб в лагере на Медвежьей горе в Карелии. Сбылись, увы, слова Волошина о «горестной судьбе», поставленные в конце «посылки».

Раздел 14. Храмы

Храм Покрова на Нерли
(репродукция)

- Святой Софии в Константинополе
- Святой Софии в Киеве
- Святой Софии в Новгороде
- Покрова на Нерли
- Василия Блаженного
- Христа Спасителя
- Киж

I. В. Солоухин [О расположении храма Покрова на Нерли] – см.: Камешки на ладони (13,88-89)

II. Ирина Снегова. Покров на Нерли

Октябрь – октябрём, а трава-то, трава!

И белым по зелени храм Покрова.

Свечой на ладони – на голом дугу –

Прямой на ветру, гнуцим реку в дугу.

Мерцает в излучине, будто из туч

Сквозит к нему некий единственный луч.

Пропорций беспспорность иль магия лет? –

Струющийся в небо естественный свет!

И сколько б ни шёл ты назад – допоздна

Идет за тобою его белизна.

*Как жизнь, что, отстав, и в последней дали
Всё светит нам вслед, как Покров на Нерли.*
1973

Надлежащий дидактический эффект можно ожидать и при таком отборе текстового материала, когда в письмах, мемуарах, воспоминаниях содержится оценка одного лица другим, представленными в одном или смежных разделах учебного пособия. Например, в рамках раздела «Русские театральные деятели, актеры» – фрагмент из книги К. Станиславского «Моя жизнь в искусстве» (М., 1972) об актрисе Марии Николаевне Ермоловой; в рамках смежных разделов – воспоминания Ф. Шаляпина (Повести о жизни. Пермь, 1969 г.) об И. Левитане.

Дальнейшая организация пособия будет определяться дидактически выверенной системой пред-, при- и послетекстовых заданий и словарной работой – прежде всего семантизацией безэквивалентной лексики (историзмов, фольклорной лексики), архаизмов и т.д.: *шелом (шлем), копьё, стремя, половцы, куряне, свет светлый, буй-тур, русичи, терем, палаты, лапти, латы и т.п.* Завершаться пособие будет материалом для обобщающих уроков по целостному анализу картины «Вечная Россия».

На занятиях по истории уместно прибегнуть к прочтению и комментированию композиционных особенностей и содержания картин «Мистерия XX века», «Великий эксперимент», – составляющих вместе с «Вечной Россией» своеобразный триптих, к которому примыкает и более поздняя картина «Россия, проснись», а также две совсем новые – «Разгром храма в пасхальную ночь» и «Рынок нашей демократии»(8).

Кроме названных полотен эпического звучания правомерно обратить внимание дидактов на портретную галерею Глазунова и прежде всего – на портреты писателей и поэтов: А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А. Блока, Ксении Некрасовой, поражающие психологической тонкостью и глубиной. Так, в картине «Накануне дуэли» запоминаются сине скорбные глаза А.С. Пушкина – невольника чести, чьи «последние мгновения ... отравлены... коварным шепотом насмешливых невежд». «Прочтение» такого портрета в школе сделает изучение стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта» «осязаемым» для учащихся. И, разумеется, многочисленные портреты Ф.М. Достоевского, любимого писателя Ильи Глазунова, певца «униженных и оскорбленных», провозгласившего, что красота спасет мир, и лучший из портретов: «большая совесть наша», «Могучий, как своды новгородских храмов, лоб. Глубоко запавшие всевидящие глаза. Писатель погружен в глубокое раздумье, за ним встают петербургские каменные громады. Его образ созвучен борению сумеречных облаков, вздыбленных суровым северным ветром»(10, 3).

Наиболее ярко дидактические возможности творчества Глазунова обнаруживаются в его книжных иллюстрациях, в образах «людей-идееносцев», символизирующих борьбу добра и зла, света и мрака. В этом смысле надежным подспорьем учителю-словеснику могут служить иллюстрации к включенным в школьную программу шедеврам русской литературы: трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», поэме М.Ю. Лермонтова «Мцыри», драме А.Н. Островского «Гроза», поэме Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос», повести Н.С. Лескова «Очарованный странник». И, конечно, графические работы, иллюстрирующие произведения Ф.М. Достоевского. «Внутренний смысл картин-иллюстраций к «Преступлению и наказанию», «Идиоту», «Бесам», «Подростку», «Братьям Карамазовым» – в изображении душевного состояния героев, находящихся в крайнем напряжении, на пороге роковых моментов их жизни» (10, 5). Не случайно критики называют Глазунова «Достоевским живописи». Так, иллюстрации к детально изучаемому в школе роману «Преступление и наказание» представлены не только портретами (Раскольников, Порфирия Петровича, Лужина), в которых художник строго следует словесному описанию, но и отображением ключевых сцен романа (Соня читает Раскольникову Новый завет – о воскресении Лазаря; Раскольников и Соня на берегу реки, у острога, когда «сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого») – сцен, традиционно включаемых в экзаменационные работы.

Многие из иллюстраций, первоначально отображающие страницы отдельных произведений (например, «Задонщины»), могут быть расценены и как самостоятельные работы. Важно помнить, что большинство исторических полотен художника посвящены переломным моментам в жизни русского народа, когда явно проявлялись его отличительные признаки, его величие, заключающееся, по словам известного историка В.О. Ключевского, в способности «подниматься на ноги после падения» (2, 231). Это и «Князь Игорь» (герой, идущий против сил тьмы), и «Два князя» (суровое становление русской державы), и «Канун перед Куликовской битвой».

Особый интерес для рецепции художественного текста представляют иллюстрации И. Глазунова к отдельным стихотворениям и стихотворным циклам. Рассмотрение на уроке графических работ к «Пророку» Пушкина, к стихам Блока («Полынья», «У камина», «Незнакомка»), к его циклу о Прекрасной даме убедит учащихся в том, что «живопись – это поэзия, которую видят, а поэзия – это живопись, которую слышат» (Леонардо да Винчи).

О тонком восприятии и зрительном видении И. Глазуновым современной поэзии можно судить по графическому оформлению им выпу-

щенного в 1975 году сборника стихов Анатолия Сафронова «Возвращение». Поэт признавался, что близкий и любимый им художник целиком понял «настрой книги, ее глубинные тона, ее корни...»(14,5). И действительно, все иллюстрации прямо передают поэтический текст, его художественные средства.

Здесь и

*«Лунный свет, как серебро, расплавлен,
Льётся над поверхностью воды,
И блестят, как зеркала в оправе,
Семикаракорские труды»(14,16-17),*

и

*«Донской излучины свеченье
И негасимый лунный свет;»(там же, 54-55),*

и

*«... только тихое горенье
Шуршащих листьями костров»(там же, 90-92),*

и – предельно зримо –

*«Смотри Россию на вокзалах,
И что увидел – береги;
Она ещё не всё сказала,
Не все раскрыла тайники»(там же, 84-88).*

В то же время многие поэтические строки сборника могут быть отнесены к отдельным циклам картин И. Глазунова и даже к творчеству художника в целом. Например,

*«Память – это как клятва, навечно, –
Желтым пламенем жалит и жжёт...
Потому и живёт бесконечность
Что в ней долгая память живёт!»(там же, 52),*

или

*«Как можно жить, не зная точно,
Откуда ты и кто ты сам?»(там же, 10),
или призывное «За корни!»(там же, 50).*

«За корни!» – это и исторические полотна И. Глазунова, и его иллюстрации, и его портретная галерея.

«За корни!» – это и отношение художника к русскому языку, и его неоднократные выступления в защиту русского Слова от «колониальности» (против употребления «артгалереи» вместо «искусства»), «саммита» вместо «встречи», неуместных сочетаний с предлогом *от* типа «Новости от Залётнова»(см.: 3).

«*За корни!*» – это «открытие» современным школьникам их исторической Родины, ее древних городов – Загорска, Углича, Ростова Великого, Ярославля, Владимира, Суздаля, Новгорода, Пскова, Костромы...

Не случайно в одном из недавно опубликованных интервью Глазунов расценивает свою работу как Служение, Долг Отечеству и признается, что мечтает быть достойным повторить великие слова своего предшественника, гениального Васнецова: «Я хотел бы, чтобы моё искусство было свечой, зажженной перед ликом Божиим»(1,3).

Один из выразителей русского национального возрождения, Н.К. Рерих, завещал нам: «Из древних прекрасных камней сложите ступени грядущего». Художник И. Глазунов всей своей деятельностью слагает эти ступени. А обращаясь на занятиях по русскому языку, истории и культуре к творчеству художника, слагаем их и мы, и наши ученики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Глазунов И.* Наш путь – вернуться к правде // Аргументы и факты. 2006, № 23.
2. *Глазунов И.* Фотоальбом. Составитель И.В. Долгополов. М., 1978
3. *Глазунов И.* Я выразил себя в своих работах. // Литературная газета. 2005. № 24.
4. *Демин В.Н.* Гиперборея. Исторические корни русского народа. М., 2005.
5. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 12 томах, М., 1982.
6. *Задонщина.* Сборник. Иллюстрации И.Глазунова. М., 1982.
7. *Колларова Е., Трушинова Л.В.* Встречи с Россией. Учебник русского языка для I и II классов средних школ. Братислава, 1996.
8. *Лайне С.В.* Искусство XX века. Россия и Европа.М., 2005.
9. *Новиков В.* Илья Глазунов // Наш современник. № 6. М., 2000 (электронный вариант).
10. *Образы Ф.М. Достоевского в иллюстрациях И. Глазунова.* Составитель Н.А. Виноградова-Бенуа. М., 1986.
11. *Река времен.* Книга для чтения с комментариями на английском языке. Составитель В.Б. Китаев. М., 1986.
12. *Русская школа.* Создателям русской национальной школы. Вып. I // Роман-газета. М., 1993.
13. *Солоухин В.* Камешки на ладони. М., 1977.
14. *Софронов А.* Возвращение. Стихи. М., 1975.
15. *Троицкий В.Ю.* Пути русской школы. М., 1994.
16. *Читаем о России по-русски.* Хрестоматия. Часть III. М., 2001.

Нина ПЕТРОВА

МОЛОДЕЖЬ РОССИИ И МОЛДАВИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

После распада СССР ряд вопросов, в том числе и участия молодежи в Великой Отечественной войне, долгое время оставался вне сферы изучения исследователей стран СНГ. Демократические преобразования в государствах б. СССР привлекли внимание к другим темам, как казалось исследователям, более востребованным временем. В то же время историки Европы, США, Австралии, приезжая в Россию с 90-х годов, кропотливо и внимательно изучают архивные документы, с которых был снят гриф “секретно” или “совершенно секретно”.

Общеизвестна истина, что молодежь – будущее любой страны. К. Маркс называл молодежь источником жизни народа¹. И с этим нельзя не согласиться. Поколение 30-40-х годов – это молодежь, вступившая в трудовую жизнь страны в мирные дни 30-х годов, вставшая на защиту Родины и отстаившая ее независимость в военные дни 40-х годов. Это поколение – героическое и самоотверженное, вместе со всем обществом испытывавшее крутые повороты в своей судьбе. Это поколение, которое своим трудом заложило фундамент безопасности СССР, внесло неопределимый вклад в дело Великой Победы над фашизмом. И о нем долгие годы мы говорили и писали с большой гордостью.

Молодежи России и Молдавии, двух бывших союзных республик, а ныне двух стран СНГ, были присущи такие качества, как деловитость, независимость суждений, умение работать, трудовой героизм, граничивший с подвигом и вошедший навсегда в историю первых пятилеток. Не будем забывать, что поколение молодежи 30-40-х годов – это поколение патриотов-интернационалистов, уверенных, что конечной целью будет мировая победа социализма. Они жили во имя будущего и творили его сами.

Поколение 30-40-х годов навсегда запомнило воскресный день 22 июня 1941 года, когда прозвучали слова о нападении Германии на Советский Союз. Узнав о том, что началась война, миллионы добровольцев разных национальностей пришли в военкоматы, партийные и советские организации с просьбой немедленно послать их на фронт. Приходили взрослые и совсем мальчишки, даже пионеры. Все они не

просили, а требовали поставить их в строй вооруженных защитников. С такими же заявлениями обращались целые организации, вузовские курсы, коллективы училищ. Только в Москве за первые три военных дня поступило 50 тыс. заявлений от добровольцев. Всего по всеобщей мобилизации в вооруженные силы в начале войны влилось 900 тыс. членов ВЛКСМ. На фронт ушло 80% состава комсомольской организации Москвы, 90% – Ленинграда, 75% – Сталинграда. Из большого количества заявлений, сохранившихся в архивах РФ, представляем вашему вниманию некоторые из них, сохраняя при этом стиль и пунктуацию авторов.

Одно – вторичное обращение, напечатанное на машинке.

*Кагановичский районный
Военный комиссариат г. Молотов
От сотрудника-комсомольца Отдельного
Лагерного пункта НКВД пос. Ераничи
Русинова Ильи Семеновича*

Заявление

Вторично посылаю заявление о принятии меня в ряды Рабоче-Крестьянской Армии и направить меня на фронт. Так как я желаю оказать помощь своим кровным братьям и сестрам, сражающимся с наглыми германскими фашистами.

Я клянусь, ... что я оправдаю доверие на боевом фронте, и буду сражаться в первых рядах фронта, с заклятыми германскими врагами, за свою любимую родину...

28.VI.-41.

подпись

Русинов².

Второе заявление – от школьника, учащегося 6-го класса, написано на листочке в клеточку из тетради, с трогательной припиской:

*В Березовский райком Комсомола
От ученика 6 класса "А" БСШ
Межевелова Геннадии Василича*

Заявление

Мне 14 лет, но я очень прошу вас послать меня на защиту нашего родного города Сталина. И зачислить меня в разведку. Я обязуюсь бить врага до последней капли крови.

16/XI-42 год

Подпись³

Мать согласна.

Уже 23 июня 1941 г. просил Прядко И.И. “принять во внимание... заявление от 22 июня”, так как, услышав сообщение о нападении Германии, и “вытерпеть не могу. Поэтому ...прошу комитет ВЛКСМ Вашего ходатайства перед Военкоматом, чтобы меня зачислили в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии”⁴. “Я хочу пойти защищать свою родину...”, – писал в заявлении от 26 июня 1941 г. Старков М.Е. –

Я комсомолец nichочу, чтобы гитлеровский сапог таптал нашей земли. Мой год рождения 1923 года 1 августа . Прошу моей прозбы неотказать, но убологотворить. К сему подписуюсь. М. Старков”⁵.*

Всего за период Отечественной войны в ряды армии и флота ушло свыше 3,5 млн. комсомольцев⁶.

В фонд обороны страны в 1941–1945 гг. на строительство танковых колонн и авиационных эскадрилий молодежь собрала 541 166 565 рублей. На средства, собранные трудящимися и молодежью было построено 150 боевых кораблей. На всесоюзных воскресниках заработано и сдано в фонд обороны страны 190 647 634 рубля⁷. На предприятиях Наркомата среднего машиностроения молодежь в возрасте до 25 лет составляла 55% от общего количества рабочих. На предприятиях Наркомата боеприпасов – 42%, авиационной промышленности – свыше 40% и т. д. 75% всех новых рабочих, пришедших на производство в дни войны, никакого опыта работы в промышленности не имели. Для них это был трудовой фронт⁸.

Война – это 1418 дней боев, миллионы погибших, раненых, пропавших без вести. 1418 дней и ночей напряженной работы на заводах, на шахтах, на полях. Каждый делал свое дело, все для Победы, и никто не думал, что совершает подвиг.

Так было в 1941–1945 годах. Так было в стране, которая называлась Союз Советских Социалистических Республик. Сейчас нет этой страны. Мы живем в Российской Федерации, бывшие союзные республики стали независимыми государствами. Пришло новое время, другие люди. Тех, кто участвовал в боях и остался жив, с каждым годом все меньше и меньше. Те, кто родился в год начала войны, – это тоже поколение пенсионеров, нынешних 40 и 50-летних в те грозные годы еще не было, но их сегодня большинство. Что знают они о прошлом? Что знают сегодня они и их дети о Великой Отечественной войне, они и те, кто еще совсем молоды, из каких источников формируются их знания, насколько они объективны и достоверны?

Ведь есть память. Живая память – живая история. И не для того, чтобы оплакать не вернувшихся с войны, оставшихся навсегда молодыми, мы беспокоим нашу память. Те, кто сложил свою голову за то, чтоб мы жили, уже оплаканы, а многих – и их, пожалуй, большинство – оплакивать уже некому.

Но память – она обязывает. О том, какое это емкое состояние, присущее только человеку, дал в 80-е годы XIX в. Владимир Даль в “Толковом словаре живого великорусского языка”. Позволю напомнить частично, что включал он в это понятие. “Память – способность помнить,

* Сохраняется орфография и пунктуация заявителя.

не забывать прошлого, свойство души хранить, помнить сознание о былом. Память относительно прошлого то же, что заключение, догадка и воображение относительно будущего... *Память внутренняя*, разумное понимание научной связи узнанного, усвоение себе навсегда духовных и нравственных истин..."

Задумаемся над прочитанным выше и зададимся вопросом, в первую очередь, к себе: всегда ли мы помним прошлое, храним ли мы его в своей душе, когда, в какие моменты обращаемся к нему? Почему в последнее время мы вспоминаем о Великой Отечественной войне от случая к случаю, а, вспоминая о ней, многие больше и чаще говорят о просчетах военачальников, о наших ошибках, муссируют тему "превентивности" войны, забывая подчас о решающей роли Советского Союза в разгроме фашизма?

Почему так остро переживают те, кого опалила война, неуважение к военной истории Отечества? Думаю, это объясняется их беспокойством, что в стране, победившей фашистское нашествие, растет сейчас (в силу издержек исторического воспитания) поколение Иванов, не помнящих своего родства. Во многих учебниках по истории нет описания массового героизма воинов и тружеников тыла. Нет даже цифр, какому числу воинов присвоено звание Героев Советского Союза. Наши молодые люди лучше знают героев Отечественной войны 1812 года, (то, что знают, это заслуживает одобрения), но не знают фамилий выдающихся героев Великой Отечественной войны, не знают названия городов-героев, ушла в небытие героика партизанской и подпольной борьбы, а вместе с ней и ее лидеры.

С 90-х годов все еще имеет место утверждение, что наше "общество, всем строем духовной жизни – и психологически, и идеологически – долгое время готовившееся к предстоящему нападению, испытало психологический шок, было на время парализовано и не способно к должному отпору"⁹. С этим трудно согласиться. О каком параличе идет речь?! Если иметь в виду Красную Армию, то все наличные силы были использованы для отражения нападения. С самого первого дня вторжения гитлеровских войск советские воины сражались героически, до последнего патрона. "Здесь, на границе, уже в первые часы боев родился тот героизм, который позволил Красной Армии выдержать тяжелые удары и превратности войны и закончить свой поход в поверженном Берлине"¹⁰, – такой вывод сделал профессор Гарвардского университета А.М. Некрич.

Забыты потрясающие факты. Напомним некоторые из них: бессмертный подвиг защитников Брестской крепости: почти целый месяц ее защитники сдерживали целую фашистскую дивизию. Многие не знают, что в первые часы войны семь русских летчиков: Л.Г. Бутелин,

С.М. Гудимов, Д.В. Кокорев, А.С. Данилов, И.И. Иванов, П.С. Рябцев, П. Игнатъев и украинец А.И.Мокляк – совершили воздушные тараны. 22 июня 1941 г. в бою на юго-западной границе русский летчик П.С. Чиркин направил свой горящий истребитель на танковую колонну врага. А 26 июня пошел на огненный таран Н.Ф. Гастелло. А всего за годы войны их было свыше 600.

Даже в России молодежь не знает, что за организация “Молодая гвардия”, которая действовала в Донбассе и объединяла в своих рядах русских, украинцев, молдаван, евреев и др., и что почти все ее члены погибли.

Самоотверженность молодежи во время войны не придумана, она действительно имела место и, вопреки “новаторским изысканиям” хулителей отечественной истории, признана всем миром, в том числе и нашими противниками. Гитлеровские полководцы Ф. Гальдер, Э. Манштейн, Ф. Паулус в своих воспоминаниях высоко оценили морально-боевые качества советских воинов.

Чтобы понять значение нашей Победы, надо помнить, что угрожало народам СССР. А под угрозой было поставлено все. Под временной оккупацией фашистской Германии оказалось около 2 млн. м² советской территории, на которой, по данным Госплана СССР, проживало до начала войны 88 млн. чел.¹¹

Молодое поколение, может быть, не знает, что по плану гитлеровской колонизации и германизации “восточного пространства” подлежали уничтожению, в первую очередь, славянские народы, евреи и цыгане. В одном из пунктов “Памятки немецкого солдата” было записано: “У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семье и прославишься навеки”¹². В захваченном приказе по 13-му Армейскому корпусу от 28 ноября 1941 г. было уточнение: “Уничтожайте мальчиков и девочек от 12 до 16 лет”¹³. Действовал также приказ генерал-фельдмаршала фон Рейхенау всем немецким войскам от 10 октября 1941 г., названный Гитлером “превосходным”, который констатировал, что “снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью”¹⁴. По гитлеровскому плану “Ост” во всех республиках СССР, подвергшихся временной оккупации, преднамеренно было истреблено более 7,4 млн. человек мирного населения, из них РСФСР потеряла 1 млн. 800 тыс. жителей, в том числе более 15 тыс. детей. Молдавская ССР потеряла 64 246 жителей, из них более 3 тыс. детей. В это число потерь не входят 240 тыс.

евреев и 25 тыс. цыган, которых румынские фашисты уничтожили между Днестром и Бугом при участии гитлеровцев и бандеровцев¹⁵.

На работы в Германию с временно оккупированных территорий РСФСР были угнаны 1 906 600 чел., из Молдавии – 47 242 чел. Общие итоговые данные о гибели мирного населения составляют более половины всех людских жертв Советского Союза, а именно 13,7 млн. чел. из 26,6 млн. чел.¹⁶

Каждая нация понесла невосполнимые утраты, при этом 2/3 павших были русские. По возрасту жертвами войны среди павших оказались в основном самые молодые и дееспособные люди. Их в числе 8,7 млн. погибших, умерших от ран и не вернувшихся из плена военнотружущих было более 6,4 млн. человек. При этом молодежь от 20 лет и моложе до 30 лет составила 4 984 300 чел., или 57%.¹⁷

“Для славы мертвых нет”, – писала Анна Ахматова. Надо, чтобы знали и помнили, что в историю битвы за Севастополь вошло имя командира разведвзвода 2-го Черноморского полка морской пехоты, уроженца Молдавии М.И. Андриенко и медсестры М. Лесовой, которая под Севастополем вынесла 21 раненого с оружием, получила 8 боевых наград¹⁸.

К сожалению, молодежь России не помнит отважных воинов из Молдавии, которые в едином строю громили врага. Это и Парфений Балуща, слесарь из Тирасполя, который освобождал Ржев, Калинин, Воронеж, в первых рядах форсировал Днепр и закончил войну в Берлине. Петр Царан, который ушел воевать 22 июня, защищал Ленинград, взрывал блиндажи и дзоты, уничтожил свыше 200 фашистов. В этом списке и капитан Владимир Бочковский, уроженец Тирасполя, который прошел всю войну. Его танковый батальон не знал поражений и дошел до Берлина. На четырех танках была надпись: “От трудящихся Советской Молдавии”. А сам капитан оставил свою надпись на рейхстаге. В. Бочковский – Герой Советского Союза, кавалер 13 правительственных наград. Этот список огромен¹⁹.

В дни юбилеев, посвященных Великой Отечественной войне, часто звучат слова: “*Никто не забыт, ничто не забыто*”. Эта фраза принадлежала Ольге Федоровне Берггольц, она высечена на мемориале Пискаревского кладбища в Ленинграде. Она вполне справедлива: в тех семьях, кого опалила Великая Отечественная война, никто не забыт. Но вот вторая половина фразы: “*ничто* (подчеркиваем ничто – Н.П.) *не забыто*” вызывает сомнение. Мало кто знает, что подвиги русских воинов Александра Панкратова, сержанта Вячеслава Васильковского и рядового Александра Матросова, одними из первых закрывших своими телами амбразуры вражеских дзотов, повторили бойцы других национальностей, всего свыше 470 воинов, в том числе молдаванин

И.И. Солтыс. Дружба народов союзных республик и областей РСФСР, временно оккупированных захватчиками, была важной основой партизанского движения.

В апреле 1970 г. в интервью для газеты “Комсомольская правда” маршал К.Г. Жуков высказал мнение, что “молодежь принесла главную жертву в войне... Это страшная минута - подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. И они поднимались. Многие из них только-только узнали вкус жизни... Мы, люди старшего поколения, этого не забудем. Важно, чтобы и молодые не забывали...” Но с начала 90-х годов XX века появились среди “исследователей” люди, которые все ставят под сомнение: а был ли подвиг? Идет “возня” вокруг таких имен, как Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, 28 панфиловцев и др. Среди этих “правдоискателей” доктор филологических наук Б. Соколов, активно изучающий историю Отечественной войны, доктор юридических наук Ю. Жук и другие.

В газете “Московский комсомолец” в рубрике “Билет в один конец” 21 июня 2006 года было опубликовано интервью корреспондента названной газеты с д.ю.н. Юрием Жуком под названием “Миру – миф”. Ученый согласен с тем, что “есть бесспорный подвиг. А с другой стороны – миф, обрастающий враньем, как снежный ком”. Ю. Жук считает, что при описании подвигов в годы войны были допущены преувеличения для поднятия боевого духа. “Политпропаганда – важное оружие, я это понимаю и принимаю, – согласен Ю. Жук. – На войне она оправдана. Но война давно закончилась. Пора написать ее историю...” То, что пора написать историю героизма тех, кто защитил нас всех, это верно. Но надо при этом быть объективными исследователями. Для этого требуется кропотливая работа в поиске и сравнении полученных материалов, нельзя в средствах массовой информации тиражировать непроверенные факты, ставя под сомнение историческую действительность в погоне за сенсацией. Дегероизация стала одним из направлений в изучении истории Великой Отечественной войны. И об этом можно только сожалеть.

Предвзятая редакция героической летописи 1941–1945 гг. наносит ущерб не только науке, но и разрушает сознание общества, деформирует воспитательный процесс. “Сущность духовной жизни маленького гражданина, – писал В.А. Сухомлинский, – должна заключаться в изумлении, восхищении, одухотворении красотой человека и красотой идеи и в стремлении, в жажде стать настоящим патриотом, настоящим борцом. Тот, кто живет в мире нравственных ценностей с малых лет, чувствует себя сыном Отечества”.

Развязывая против СССР войну, Германия не предполагала, что ей предстоит бороться не только с Советской Армией, но и с сопротивле-

нием народа. Действительность свидетельствует, что на временно оккупированных территориях в 1941–1944 гг. враг встретил ожесточенное сопротивление представителей всех народов и национальностей нашей страны, людей всех возрастов и профессий, мужчин и женщин. Общее число партизан вместе с их резервами насчитывало свыше 2,6 млн. человек, 220 тыс. действовали в условиях подполья²⁰.

Правда о войне, если ее брать не в усеченном, а в цельном виде, заключается не только в анализе отступлений, окружений, поражений, которые имели место, но и в героизме наших бойцов и командиров, глубокой вере народа, в том числе и молодежи, в победу. Известные слова: “Наше дело правое – победа будет за нами” – не были формальным лозунгом. Даже попав в окружение, многие соединения и части организованно или мелкими группами прорывались за линию фронта. Военнослужащие уходили в подполье, к партизанам или, оказавшись в плену, продолжали борьбу.

Одним из них был Борис Главан. Он родился в 1920 г. в селе Царьграде Сорокского уезда (Молдавия). Добровольцем ушел в истребительный батальон по борьбе с диверсантами, а в августе 1941 г. направлен в действующую армию. Воевал. Попал летом 1942 г. в окружение. Пробираясь по оккупированной территории, пришёл в г. Краснодар, куда переехала его мать (брат ушел в армию). Там вступил в комсомольско-молодежную подпольную организацию, участвовал в ее работе. 5 января был арестован. Перенес пытки, был казнен, сброшен в шурф вместе со своими друзьями Анатолием Поповым, И. Земнуховым, В. Третьякевичем и другими. Похоронен в г. Краснодоне²¹.

После оккупации Молдавии в августе 1941 г. молодежь, оставшаяся на родине, участвовала в борьбе против захватчиков. С осени 1941 до начала 1944 года основной формой народного сопротивления были диверсионная и агитационно-пропагандистская работа подпольных организаций. В конце марта 1943 г. на территории Белоруссии и Украины были сформированы 1-е и 2-е Молдавские партизанские соединения.

Из отчета ЦК ЛКСМ Молдавии (август 1941–1944 гг.) известно, что в ходе борьбы небольшие партизанские группы объединялись в крупные соединения. Около 2 тыс. представителей молодежи участвовали в партизанских отрядах. Из них 700 комсомольцев. Не все они дожили до освобождения Молдавии. 22 августа 1944 года, когда начались карательные экспедиции против партизан, прикрывая отход, погиб начальник штаба отряда им. Фрунзе комсомолец Федорчук. Командир этого отряда комсомолец Анисимов руководил группой прикрытия, обеспечил отход товарищей, чтобы избежать пленения, последней пулей застрелился²². В память о боевом содружестве партизан Белорус-

сии, Латвии, Молдавии и РСФСР на границе трех республик, возле деревни Прошки, был насыпан Курган Дружбы.

Деятельность советских партизан и подпольщиков была не только составной частью вооруженной борьбы советского народа против фашистских захватчиков на временно оккупированной территории СССР и важным фактором в достижении победы над фашистской Германией и ее союзниками, но и ярким проявлением патриотизма, самопожертвования и героизма. Это был настоящий “второй фронт”, война в тылу врага, где шло не только уничтожение живой силы, боевой техники противника, но и постоянное отвлечение сил с боевых фронтов на охрану тыла.

За годы войны из прифронтовой полосы и районов, которым угрожала оккупация было эвакуировано более 18 млн человек, в том числе сотни тысяч семей фронтовиков²³.

Особенно напряженно эвакуация проходила из западных пограничных районов. Значительная тяжесть этого дела легла на плечи молодежи. Эвакуационными работами было занято более 32 тыс. производственных молодежных групп, бригад и отрядов²⁴. Они круглосуточно проводили демонтаж, погрузку и отправку оборудования. Эшелоны с грузами и людьми шли на восток. В течение трех месяцев 1941 г. было перемещено более 1300 крупных, главным образом, военных предприятий²⁵. Только из Молдавии в глубь страны было эвакуировано около 300 тыс. человек. Отправлено свыше 4 тыс. вагонов с промышленным оборудованием, сельскохозяйственными машинами, зерном, продовольствием, около 1800 тыс. голов скота²⁶. И не просто были эвакуированы, но и обустроены на новом месте. Жители Среднего и Нижнего Поволжья, Урала и Сибири делили с ними не только неустроенность быта, но и веру в Победу над врагом. Людей разных национальностей в тяжелую пору военного лихолетья объединяло чувство братства и глубокого человеческого желания помочь людям, оказавшимся вдали от родных, обжитых мест. Это потом, через полвека этот духовный порыв попытались поставить под сомнения рассуждениями о старшем и младшем брате.

Массовый героизм молодежи в годы Великой Отечественной войны (на фронте и в тылу) был отмечен государственными наградами. 3,5 млн. комсомольцев – воинов армии и флота, 50 тыс. молодых партизан были награждены орденами и медалями. 3 тыс. комсомольцев (часть посмертно) стали Героями Советского Союза, 60 комсомольцев – дважды Героями²⁷.

Хотелось бы верить, что благодарные потомки не забудут их вклада в духовное сплочение россиян, всех народов СССР в годы Великой

Отечественной войны, в сплочение, которое позволило им выстоять и победить в смертельной схватке с гитлеровским фашизмом.

Взяв наиболее ценное из нашего героического и трагического опыта, из вековой дружбы народов, мы можем воспитывать молодежь на лучших традициях отечественной и мировой истории. Ей, этой молодежи предстоит строить будущее, а это невозможно, если она не знает прошлого своего народа. В архивах РФ хранятся солдатские письма и дневники, записи в потертых походных тетрадах, листки, написанные на поле боя, в окопе, за холмом, изрытым снарядами, под деревом, расщепленном осколками мины, под пулями. Они не лгали. Под разрывами снарядов не думали о том, какими словами и в какой форме выразить свои мысли. В беглых записях на войне человек раскрывал самое сокровенное²⁸. Задолго до Отечественной войны С.М. Киров говорил: “Давно, товарищи, одним королем было сказано, что если бы каждый солдат понимал, за что он воюет, на свете не было бы войн. Ни одно из правительств, – говорил он, – не могло бы толкать тогда свои армии на пролитие широких рек человеческой крови”²⁹.

Проблема соотношения прошлого и настоящего - это и есть проблема исторической памяти. Наличие ее у членов общества, степень ее сохранения является не только неотъемлемой частью политической культуры, но и проявлением благодарности тем, кто жил до нас, создавал и развивал нашу страну. В этом и проявляется воспитание общества историей. Перед историками наших дней в условиях строительства в России и Молдавии новых общественных отношений встает трудная задача: используя новые пласты архивных документов, дать правдивую картину прошлого, особенно всего, что связано с Великой Отечественной войной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 5. С. 332.
2. Российский Государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. М–1. Оп. 1. Д. 2350. Л. 1.
3. Там же. Д. 87. Л. 1.
4. Там же. Д. 2353. Л. 1.
5. Там же. Д. 2403. Л. 1.
6. Работа комсомольских организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945. Док. и мат. в 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 70.
7. РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 1. Д. 256. Л. 84–92.
8. Там же. Оп. 32. Д. 272. Л. 2, 3.
9. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1941–1964. М., 1993. С. 19.

10. Некрич А. 1941, 22 июня. 2-е изд., дополн. и перераб. М., 1995. С. 210.
11. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 231.
12. РГАСПИ. Ф. М–7. Оп. 1. Д. 2580. Л. 3.
13. Там же. Л. 6.
14. Там же. Л. 2.
15. Россия и СССР в войнах XX века... С. 231.
16. Там же. С. 232.
17. Там же. С. 236.
18. РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 6. Д. 278. Л. 10.
19. Там же. Л. 3, 4.
20. Венок Славы. М., 1983. Т. 8. с. 580.
21. РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 6. Д. 278. Л. 14, 15. См. “Молодая гвардия” (г.Краснодон) – художественный образ и историческая реальность. Сб. док. и мат-в. М., 2003. С. 56, 70 и др.
22. Там же. См. Л. 12, 13.
23. См.: Правда, 1982, 15 апреля.
24. РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 1. Д. 255. Л. 67.
25. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 41.
26. Великая Отечественная война, 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 456.
27. Работа комсомольских организаций... Указ. соч. С. 72.
28. РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 32. Д. 341.
29. Киров С.М. Статьи и речи. Т. III. С. 176–177.

Евгений ПЧЕЛОВ

РОССИЙСКИЕ ДВОРЯНЕ МОЛДАВСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Как известно, российское дворянство было по своему составу многонациональным. Способствовало этому прежде всего то, что с присоединением новых территорий к Российской империи местные элиты, как правило, входили в привилегированное сословие России, или «вливаясь» в него, или сохраняя свое автономное в нем положение. Именно поэтому среди дворян Российской империи мы видим многочисленных грузинских князей и дворян, потомков ордынских правителей, особую группу т.н. «князей татарских», более или менее автономные дворянские сообщества царства Польского, Великого княжества Финляндского и Остзейского края, князей калмыцкого, остяцкого, манчжурского и даже индийского происхождения. Не стали исключением и молдавские дворяне, сопричисленные к российскому дворянству после присоединения Бессарабии к России по условиям Бухарестского мира 1812 г.

Но прежде чем остановиться на наиболее примечательных потомках бессарабского дворянства в России и их вкладе в русскую историю и культуру, необходимо подчеркнуть, что русско-молдавские отношения имеют значительно более длительную историю. Первая династическая связь тогда еще Московского великого княжества с Молдавским княжеством относится к 1483 г., ко времени правления Ивана Великого в Москве и Стефана Великого в Молдавии. Символично, что именно эти два государя, чью роль в истории своих стран трудно переоценить, оказались связаны династическими узами. Старший сын и наследник Ивана III Иван Иванович («Молодой», 1458–1490) женился на дочери Стефана Великого Елене, которую в России стали называть Еленой Волошанкой. Этот брак, конечно же, не был случайным. Он был продиктован не только политическими обстоятельствами, но и уже существовавшими родственными отношениями: ведь Елена доводилась своему мужу троюродной сестрой, будучи по матери, Евдокии, внучкой московской княжны Анастасии Васильевны (дочери Василия I) и киевского князя Олелько (Александра) Владимировича, внука литовского великого князя Ольгерда. Племянница же Евдокии, жены Стефана Великого, и, следовательно, двоюродная сестра Елены Волошанки, киевская княжна Софья Семеновна была женой последнего тверского князя Михаила Борисовича. Сестра же Михаила Борисови-

ча Мария была первой женой Ивана III и матерью Ивана Молодого. Таким образом генеалогические связи Елены Волошанки охватывали и род Стефана Великого, и династии московских и тверских Рюриковичей, и литовскую династию Гедиминовичей. От брака Ивана Ивановича, который скончался в 1490 г., и Елены Стефановны родился сын Дмитрий (т.н. «Дмитрий Внук»). В феврале 1498 г. он был торжественно венчан на великое княжение Московское в Успенском соборе Московского Кремля шапкой Мономаха. Важно отметить, что это была первая коронационная церемония именно в этом храме и именно с «участием» этой знаменитой регалии – отсюда пошла вся дальнейшая традиция русских коронаций вплоть до коронации Николая II. Дед, Иван III, намеревался сделать внука Дмитрия наследником престола, но этим планам не удалось осуществиться. Уже в апреле 1502 г. на Елену Стефановну и ее сына была наложена опала, а новым наследником престола объявили Василия Ивановича, старшего сына Ивана III от его второго брака с Софьей Палеолог, будущего Василия III. Причиной резкого изменения династической ситуации были, конечно, не только интриги Софьи Палеолог. Елену Стефановну обвинили в ереси, в связях с еретиками-жидовствующими: сам Иван III, обращаясь к Иосифу Волоцкому, свидетельствовал, что его сноху «в жидовство» свели. Елену и Дмитрия заточили в тюрьму, где они и умерли: Елена в январе 1505 г., а ее сын в феврале 1509 г. В Московском Кремле сохранились их захоронения: Дмитрий погребен в Архангельском соборе рядом с отцом, а Елена Стефановна была похоронена в Вознесенском монастыре, но ее останки в 1929 г. перед разрушением этой обители перенесли в подвальную палату Архангельского собора. Зримым, вещественным памятником пребывания дочери Стефана Великого в России является уникальная шитая пелена, выполненная по ее заказу, – т.н. пелена Елены Волошанки (хранится в Историческом музее в Москве). На ней изображен крестный ход в Московском Кремле на Вербное воскресенье 8 апреля 1498 г. Среди персонажей, сопровождающих икону Богоматери, присутствуют Иван III, его внук Дмитрий, сын Василий, Софья Палеолог, а также, по всей видимости, и сама Елена Волошанка. Так, если бы не стечение обстоятельств, московский престол заняли бы потомки Стефана Великого, и, как знать, не пошла бы русская история по другому пути?

Брак Елены Стефановны отозвался в русской генеалогии еще одной интересной связью: к ее брату Ивану родословная легенда возводила происхождение дворянского рода Рахманиновых, давшего России и миру великого композитора. Так что историческая память о родственных узах московских князей и молдавских господарей сохранилась в сознании создателей генеалогических преданий.

В XVII в. самой яркой фигурой русско-молдавских отношений был, бесспорно, Николай Спафарий Милеску (1636–1706), происходивший из боярской семьи. Он получил образование в Константинополе (Стамбуле) и в Падуе, в 1653–1671 гг. находился на службе у молдавских и валашских господарей, выполняя дипломатические поручения в Константинополе, Стокгольме, Париже, а в 1671 г. был направлен иерусалимским патриархом Досифеем в Москву и остался в России. В Москве Спафарий служил переводчиком Посольского приказа. В 1675–1678 гг. талантливый дипломат возглавлял первое русское посольство в Пекин. Позднее он участвовал в Первом Азовском походе Петра I. Николай Спафарий оставил ряд работ исторического и религиозного характера, а по материалам своего дорожного дневника дал описание рек и других природных объектов в Сибири. Книги «Путевой дневник» (издана в 1882 г.) и «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай» (издана в 1906 г.) – первые в России описания Китая.

Помимо книг «вещественным» памятником деятельности Спафария является и замечательная красная шпинель (лал) – подарок китайского императора Канси русскому царю. Этот камень в 1762 г. увенчал корону императрицы Екатерины II, знаменитую Большую Императорскую корону, и входит ныне в число семи исторических камней Алмазного фонда России. Так что главный драгоценный камень Российской империи попал в Россию благодаря выходцу из Молдавии.

Другим знаменитым молдаванином, сыгравшим видную роль в культуре восточного славянства в XVII в., был, разумеется, выдающийся церковный деятель, киевский митрополит Петр Могила (сын молдавского господаря), но его «труды и дни» протекали на территории Речи Посполитой.

В начале XVIII в. свою судьбу с Россией связала семья молдавского господаря Дмитрия Кантемира, и с тех пор происходило периодическое пополнение русского дворянства выходцами из Молдавии. Сразу отмечу, что бессарабское дворянство так же, как и российское, было интернациональным по своим родовым корням: в его состав входили роды как собственно молдавского происхождения, так и греческого, татарского, польского и т.д. Например, столь известные бессарабские дворяне, как Крупенские, были по происхождению поляками, а князь Кантакузины возводили свой род к византийским императорам. Среди молдавского дворянства на русской службе нужно прежде всего назвать несколько княжеских родов, предки которых в разное время являлись господарями Молдавии и Валахии, и чье княжеское достоинство было официально признано в Российской империи. И первым по времени «выезда» в Россию следует считать князей Кантемиров.

По легенде, род **Кантемиров** происходит от знатного татарина, принявшего христианство в 1540 г. и поселившегося в Молдавии. На татарские корни указывает и сама фамилия Кантемиров, восходящая к антропониму «Хан Темир». Константин Федорович Кантемир (ум. в 1693 г.) был выдающимся государственным деятелем Молдавии, государственным подарком, умело лавировавшим между Речью Посполитой и Османской империей. Молдавскими государями были и оба его сына: Антиох (ум. в 1726 г.) и Дмитрий (1663–1723). Именно Дмитрий Константинович, высокообразованный и талантливый правитель, в апреле 1711 г. заключил союз с Петром I, а после неудачи Прутского похода с несколькими тысячами молдаван переселился в Россию, где за ним в июне того же года официально было подтверждено княжеское достоинство с титулом *светлости*. Дмитрий Константинович пользовался особым доверием Петра, он стал сенатором, тайным советником, а во время Персидского похода управлял походной канцелярией царя. Кантемир оставил целый ряд сочинений исторического, географического и философского содержания, за свои научные заслуги его избрала своим членом Берлинская Академия наук. Первым браком Дмитрий Константинович был женат на дочери валашского господаря княжне Кассандре Щербановне Кантакузен (ум. в 1713 г.), а уже в России в 1717 г. женился на княжне Анастасии Ивановне Трубецкой (ум. в 1755 г., во втором браке жена ландграфа Людвиг Гессен-Гомбургского, генерала-фельдцейхмейстера русской армии). Примечательны родственные связи Анастасии Ивановны: она доводилась единокровной сестрой знаменитому Ивану Ивановичу Бецкому, прославившемуся в царствование Екатерины Великой, которая, по некоторым предположениям, возможно, могла быть его дочерью. Из детей Дмитрия Константиновича (4 сына и 2 дочери от первого брака и 2 сына и дочь от второго) наиболее известен, конечно же, светлейший князь Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744), камергер и тайный советник, который прославился на двух поприщах: как дипломат (посол в Англии и Франции) и как поэт (реформатор силлабического стихосложения). Антиох был одним из первых студентов академического университета в Петербурге, некоторое время отдал службе в гвардии, в знаменитом Преображенском полку. Среди его литературных произведений – сатиры, оды, басни, переводы, в том числе «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля, первый русско-французский словарь. В начале 1740-х гг. Антиоха Дмитриевича чуть было не назначили президентом Петербургской Академии наук.

Дочь Дмитрия Константиновича от второго брака Смарагда-Екатерина (1719–1761) вышла замуж за князя Дмитрия Михайловича Голицына (1721–1793), действительного тайного советника, посла в Вене,

основателя Голицынской больницы в Москве. Ее портрет 1759 г. кисти Луи-Мишеля Ван-Лоо, хранящийся в собрании Музея изобразительных искусств им. Пушкина в Москве, считается одним из признанных шедевров коллекции.

Род Кантемиров завершился на потомках Антиоха Константиновича – его сын Константин Антиохович (ум. в 1776 г.), «помешавшись на том, что он владетель Молдавии и Валахии», 17 лет провел в Ревельской крепости, а его сын Дмитрий Константинович (1749–1820) также оказался лишенным рассудка. Все свое имение он завещал своей троюродной племяннице графине Булгари, но за это наследство разгорелась многолетняя тяжба.

Одно из имений Кантемиров очень известно в современной Москве – это Черная Грязь, выкупленное Екатериной II и сменившее название на Царицыно.

Второй княжеский род, натурализовавшийся в России, – князья **Кантакузины**. В Российской империи они были признаны в княжеском достоинстве в 1865 и 1892 гг. Князья Кантакузины возводили себя к императорам Византии (к этой семье принадлежал император Иоанн VI, правивший в 1347 – 1354 гг., впоследствии монах Иосафат). Византийские Кантакузины находились в родственных отношениях с прославленными династиями Ангелов, Комнинов и Палеологов, поэтому в гербе российских Кантакузиных присутствовали гербы и всех этих фамилий, а также гербы Молдавии и Валахии. Собственно князья Кантакузины произошли от Андроника Кантакузина, жившего во второй половине XVI в. Его сын Фома дважды возглавлял турецкое посольство в Россию при царе Михаиле Федоровиче. Четверо потомков Андроника в разное время были господарями Валахии и Молдавии [в том числе в конце XVII в. один из самых «неудачных» молдавских господарей Дмитрий Кантакузин (Думитрашко Кантакузино)]. Переселение разных семей рода Кантакузиных в Россию происходило в течение всего XVIII в., начиная с 1711 г., когда граф Священной Римской империи Фома Константинович стал генерал-майором русской службы [позднее комендант крепости Св. Анны (Ростова-на-Дону)], и вплоть до 1791 г., после заключения Ясского мира с Турцией. Кантакузины поддерживали Россию в войнах с Османской империей. Князь Родион Матвеевич в 1770 г. возглавлял отряд добровольцев в сражении при Кагуле, а затем сформировал гусарский Волошский полк, чьим шефом и полковником стал. Другие представители рода зарекомендовали себя также в основном на военной службе: Николай Родионович участвовал во взятии Измаила, в 1808 – 1818 гг. являлся атаманом бугских казаков, дослужился до генерал-майора; Григорий Матвеевич, полковник Преображенского полка, был ранен под Аустерлицем и убит

при Бородине; его брат Георгий Матвеевич – участник войн антинаполеоновских 1806–1807 и 1812–1813 гг., потом полковник и командир 1-го Бугского уланского полка; Родион Николаевич (1812–1880), генерал-майор, участник войны с Турцией 1828–1829 гг., подавления Польского восстания 1830–1831 гг. и Крымской войны. Дочь Георгия Матвеевича княжна Ольга Георгиевна Кантакузина (1830–1903) была женой видного дипломата, министра иностранных дел (1882–1895) Николая Карловича Гирса (1820–1895).

Родион Николаевич был женат на Марии Александровне Фроловой-Багреевой, по матери приходившейся внучкой известному государственному деятелю графу Михаилу Михайловичу Сперанскому. Поскольку род Сперанских пресекался, в 1872 г. единственный его правнук князь Михаил Родионович Кантакузин (1848–1894), действительный статский советник, шталмейстер, директор департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, получил право именоваться князем Кантакузиным графом Сперанским (с передачей двойного титула и фамилии старшему в роде). Его сын Михаил Михайлович (1875–1955) по окончании Пажеского корпуса служил в Кавалергардском полку, с 1907 г. – адъютант великого князя Николая Николаевича-младшего, впоследствии генерал-майор, эмигрировал в США. Его книга «Сага о Кантакузиных-Сперанских» (М.: Росс. фонд культуры, Росс. архив, 2004. 368 с.: ил., портр.) была недавно издана на русском языке. В 1992 г. в Париже вышла в свет книга французского исследователя Жана-Мишеля Кантакузена «Mille ans dans les Balcans» («Тысяча лет на Балканах»), где представлен большой фактический материал по истории рода Кантакузиных.

Третий господарский род – князя **Маврокордато**, греческого происхождения. Эта фамилия принадлежит к числу фанариотских семей. Предок князей Маврокордато – константинопольский купец Николай Маврокордато, живший в первой четверти XVII в. Его сын Александр (1641–1709), турецкий посланник в Вене, в 1698 г. получил от султана титул князя Молдавского. В свою очередь его сын Николай, внуки Иоанн и Константин и правнук Александр (Иванович) в XVIII в. были господарями Валахии и Молдавии. Впоследствии Александр бежал в Россию и был принят Екатериной II. Ему принадлежит первый проект освобождения Греции от турецкого владычества, идея, которую подерживала императрица. В 1851 и 1875 гг. титул молдавских князей был признан за родом Маврокордато в России. Из представителей этого рода упомяну князя Дмитрия Георгиевича (1849–1917), служившего на флоте, капитана 2-го ранга, участника Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., флота генерал-майора в 1913 г.; и его сыновей – Георгия Дмитриевича (1881–1934), в 1913 г. секретаря российского генераль-

ного консульства в Будапеште, после революции жившего в Югославии; и Николая Дмитриевича (1889–1918), служившего на флоте, участника первой мировой войны, убитого в Архангельске в годы революции.

После 1812 г. российскими подданными стали и князя **Дабижа**, один из представителей этого рода Евстратий Дабижа был господарем Молдавии в 1661–1665 гг. Княжеский титул за различными потомками этого рода утверждался в Российской империи четыре раза: в 1892, 1895, 1900 и 1906 гг. Из князей Дабижа наиболее известен Аристид Дабижа (ум. в 1899 г.) – российский дипломат и историк-любитель, чьи научные работы публиковались в «Киевской старине».

После 1821 г. в Россию приехала вдова князя Дмитрия **Мурузи** с детьми. Сам князь тайно помогал России при заключении Бухарестского договора, передав Н.П. Румянцеву сведения из секретной инструкции, полученной турецкой делегацией из Стамбула, за что и был казнен турками. Мурузи – купеческий стамбульский род греческого происхождения, известный с начала XVIII в. Он также относился к числу фанариотских семей. Князь Константин Мурузи занимал господарский престол Молдавии в 1777–1782 гг., а его сын Александр в начале XIX в. тоже был господарем Молдавии и Валахии. Княжеский титул рода Мурузи был признан в Российской империи в 1893 и 1905 гг. Мурузи служили как на военном, так и на гражданском поприще. Князь Александр Александрович (1872–1954), выпускник Пажеского корпуса, генерал-майор, участник Русско-японской и первой мировой, начальник Севастопольской авиационной школы, воевал в гражданскую, затем в эмиграции. Его брат Константин (1875–1932) – дипломат, переводчик произведений Толстого на французский язык; в свою очередь его сын Павел (1915–) – писатель и историк, чьи книги в жанре исторической беллетристики стали в последние годы активно издаваться в России.

В том же 1821 г. в Россию перебрались и князя **Ханджери**. Этот фанариотский род также не отличался древней родословной. Предок князей Ханджери, оружейный мастер, жил во второй половине XVII в. Он особенно славился изготовлением ханджаров (особых кинжалов), откуда и произошла фамилия Ханджери (изображения ханджаров впоследствии украсили и их герб). Сын Иоанна Георгий Ханджери был придворным медиком турецкого султана, а другой сын, Самуил, в 1763 г. был даже избран константинопольским (вселенским) патриархом. Сын Георгия Константин Ханджери занимал высокие должности в турецкой администрации княжеств: великий камараш княжества Молдавского (1788), великий спатарий княжества Валахского (1791), великий драгоман флота (1795 г.). В 1797 г. Константина назначили ва-

лашским господарем (Константин V), но уже спустя 14 месяцев он был убит по приказу султана. Семья Константина породнилась с другими господарскими родами: Гика, Маврокордато, Каллимахи. Один из сыновей Константина – князь Александр в начале греческого восстания 1821 г. бежал в Россию и поселился в Одессе. Его сын князь Григорий Александрович (1791–1847), участник греческого восстания, служил в Коллегии иностранных дел, действительный статский советник, другой сын, князь Телемах Александрович (1797–1854), также дипломат, действительный статский советник, в отставке жил в Москве, где занимался филологическими исследованиями. Его сын Николай принял прусское подданство и был камергером прусского двора. На нем род Ханджери закончился. Княжеское достоинство Ханджери не было официально признано в Российской империи, но Николай Телемахович добился его признания в Пруссии. Теперь об этом роде напоминает только сорт ложноплатанового клена «Князь Ханджери».

В начале XIX в. ненадолго связали свою судьбу с Россией и представители фанариотского рода князей **Ипсиланти**, чья генеалогия восходит к XV в. В 1807 г. после казни турками Александра Ипсиланти (1726–1807), бывшего господаря Валахии (1774–1782, 1796–1797) и Молдавии (1786–1788), его сын Константин (1760–1816), также господарь Молдавии (1799–1801) и Валахии (1802–1806, 1806–1807), эмигрировал в Россию. Его сыновья поступили на русскую военную службу. Александр (младший) (1792–1828) участвовал в Отечественной войне 1812 г., был адъютантом Александра I, в 1817 г. стал генерал-майором. Он возглавил тайное общество гетеристов и вместе с братьями и соратниками по борьбе в 1821 г. начал в Молдавии восстание против Турции, которое переросло затем в Греческую освободительную революцию. Александр Ипсиланти (несмотря на то, что официальные круги России не поддержали его) стал настоящим героем русской молодежи и одной из самых известных в России личностей первой половины XIX в.

После присоединения Бессарабии к России первым губернатором этого края (правда, ненадолго) был назначен действительный статский советник Скарлат **Стурдза**, оказавшийся в России после Ясского мира 1791 г. История этого боярского рода восходит к началу XV в. Его представители занимали высокие посты в системе государственного управления, а в 1822 г. после окончания эпохи фанариотов достигли господарского трона. Двое из рода Стурдза были молдавскими господарями: Ион (Иоанн) – в 1822–1828 гг. и его сын Михаил – в 1834–1849 гг., потомки этой ветви остались в Румынии. Внучкой господаря Иоанна была княжна Пульхерия Николаевна Стурдза, по мужу Кешко, мать сербской королевы Наталии (1859–1934) [дочь полковни-

ка русской службы Петра Кешко, вышедшая замуж в 1875 г. за сербского князя Милана Обреновича (1854–1901), который впоследствии вззошел на сербский королевский престол (1882–1889)].

Российская ветвь рода (титула не имевшая) просуществовала недолго. К ней принадлежал сын Скарлата и княжны Султаны Мурузи Александр Скарлатович Стурдза (1791–1854). Он служил в министерстве иностранных дел и получил известность благодаря своим сочинениям религиозно-политического характера. В 1818 г. по поручению Александра I для Аахенского конгресса Стурдза написал «Записку о нынешнем положении Германии», где особенно обрушился с критикой на немецкие университеты, которые, по его мнению, являлись рассадниками атеизма и революционных идей. Это произведение вызвало бурю негодования, и имя Стурдзы стало синонимом реакционера. К другим его религиозно-философским сочинениям относятся «Рассуждение об учении и духе православной церкви», «Вера или ведение», «Идеал и подражание в изящных искусствах» и др. Стурдза был знаком с Пушкиным, оставившим о нем две известные эпиграммы. Сестра Александра Скарлатовича Роксана Эдлинг увлекалась мистикой и была одной из заметных фигур тогдашнего общества.

Поскольку российская ветвь рода пресеклась, то фамилия Стурдза была передана в род князей Гагариных. Дочь Александра Скарлатовича Мария (1820–1854) в 1838 г. вышла замуж за князя Евгения Григорьевича Гагарина (1820–1854). Сыну от этого брака князю Григорию Евгеньевичу (1840–1921) и потомкам его, «которые будут владеть заповедным именем Мансырь (в Бессарабии), учрежденным дедом его тайным советником Александром Скарлатовичем Стурдзой», в марте 1848 г. было разрешено именоваться князьями Гагариными-Стурдза и «принять соединенный герб обеих фамилий».

В 1983 г. один из потомков рода Стурдза опубликовал в Париже книгу под названием «Великие династии Греции, Албании и Константинополя. Исторический и генеалогический словарь».

Потомки валашских и молдавских господарей из рода **Гика** (албанского происхождения, известен с XVII в.) также оказались связанными с Россией. Княгиня Елена Михайловна Гика (1828–1888), племянница господаря Григория Гика, была замужем за генерал-лейтенантом князем Александром Александровичем Кольцовым-Масальским (жила в Европе). Под псевдонимом Comtesse Dora d'Istria она приобрела известность как писательница (в основном на французском языке). Ей, в частности, принадлежит книга «Gli Albanesi in Rumenia», повествующая об истории рода князей Гика (2-е изд., 1873).

Уже упоминалось, что вместе с Дмитрием Кантемиром в Россию прибыло несколько тысяч молдаван. Это была первая, крупная волна

молдавского «вливания» в русское дворянство. Среди потомков этого «призыва» также немало выдающихся деятелей.

Херасковы – Андрей Хереску, потомок валашских бояр, и его зять князь Матвей Фомич Кантакузен, в 1711 г. переселились в Россию. Фамилия «Хереску» изменилась в «Херасков». Сын Андрея, Матвей Андреевич Херасков служил капитаном в гвардии, а его сын (один из трех) от княжны Друцкой-Соколинской (потомки рода древнерусского князя Даниила Галицкого) Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807), действительный тайный советник, крупный поэт, издатель, директор Московского университета, масон, остался в русской культуре не столько благодаря своей забытой поэтической эпопее «Россияда», рассказывающей о деяниях Петра Великого, сколько русскому духовному гимну «Коль славен наш Господь в Сионе» и введением русского языка в качестве языка преподавания в Московском университете (впервые в истории высшей школы России).

Абаза (от тюркского «болван») – в 1711 г. молдавский боярин Илья Андреевич Абаза принял русское подданство в польском городе Яворове и перешел на русскую службу с чином полковника. Его праправнук Александр Аггеевич (1821–1895), гофмейстер, действительный тайный советник, член Государственного совета (где дважды был председателем департамента государственной экономии), в 1871–1874 гг. занимал пост государственного контролера, а в 1880–1881 гг. – министра финансов; он активно поддерживал проект «конституции» М.Т. Лорис-Меликова. Его сестра Прасковья Аггеевна в 1836 г. вышла замуж за композитора Алексея Федоровича Львова (1799–1870), автора гимна «Боже, Царя храни!». Двоюродный брат Александра Аггеевича Николай Саввич (1837–1901), действительный тайный советник, член Государственного совета, сенатор, тамбовский вице-губернатор (1868–1871), рязанский губернатор (1874–1880), главноуполномоченный Красного Креста и заведующий санитарным отделом Дунайской армии во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (он окончил медицинский факультет Харьковского университета).

Гликерия Максимовна Абаза – мать известного украинского писателя Михаила Михайловича Коцюбинского (1864–1913) и, соответственно, бабушка революционного деятеля Юрия Михайловича Коцюбинского (1896–1937, женат на дочери Г.И. Петровского, расстрелян), Оксаны Коцюбинской, жены комкора В.М. Примакова (1897–1937).

Бантыш – с 1711 г. поселились в России и потомки молдавских бояр Бантыши, родственники Кантемиров: матерью Дмитрия Константиновича Кантемира была Анна Федоровна Бантыш (ум. в 1677 г.). Николая Константиновича Бантыша (1703–1739) привезла в Россию

мать, здесь он женился на Анне Степановне Зертис-Каменской (ум. в 1770 г.). «Она была дочь Степана Константиновича Зертис-Каменского, молдавского уроженца, бывшего при гетмане Мазепе переводчиком восточных языков, и родная сестра московского архиепископа Амвросия (в миру Андрей), убитого в Москве, во время чумы, 16 сентября 1771 г.». Николай Константинович присоединил к своей фамилии фамилию жены и от него пошли Бантыш-Каменские. Этот род дал России двух выдающихся историков: сына Николая Константиновича Николая Николаевича (1738–1814), действительного статского советника, управляющего Московским главным архивом министерства иностранных дел (знаменитый МГАМИД); и внука – Дмитрия Николаевича (1788–1850), тобольского и виленского губернатора, тайного советника, автора целого ряда ценных исторических сочинений, в том числе «Словаря достопамятных людей русской земли».

Приехавший с Кантемиром Джордже Стефан Спатарул в России стал Юрием Степановичем **Мечниковым** (буквальный перевод должности). Его потомок – великий ученый, нобелевский лауреат Илья Ильич Мечников (1845–1916), по матери он происходил из еврейского рода Неваховичей.

Кантемировским переселенцам из Молдавии давали земли в Харьковской губернии. Так Россия «приобрела» уроженцев этого края юриста, профессора Николая Андреевича **Гредескула** (1864–1930), товарища председателя I Государственной Думы (от фракции кадетов), и историка античности, академика Владислава Петровича **Бузескула** (1858–1931).

Среди ученых с молдавскими корнями нужно назвать и астронома Ивана Егоровича **Кортацци** (1837–1903, из дворян Бессарабской губ.). Участник обороны Севастополя, адъютант-астроном Пулковской обсерватории, чуть было не ставший ее директором, директор Морской обсерватории в Николаеве, выполнил ряд важных астрономических наблюдений, создал каталог 5954 звезд в зоне склонений от -2° до $+1^\circ$. Сын И.Е. Кортацци – Георгий Иванович (1866–1932), генерал-майор Генштаба, участник Русско-японской, первой мировой и гражданской (на стороне белых) войн, умер в эмиграции в Париже.

Молдавская по происхождению и фамилия **Апостол**, представитель которой переселился на Украину во времена Богдана Хмельницкого, и потому фамилия воспринимается как украинская. Однако, гетман Украины (1727–1734 гг.) Данило Павлович Апостол был молдаванином и по отцу, Павлу Апостолу, и по матери, происходившей из боярского рода Катарджи. Потомки гетмана «передали» свою фамилию в род Муравьевых, и так получилась известная фамилия «Муравьев-Апостол».

При Анне Иоанновне в России осели и молдаване **Булацели** (фамилия от молдавского «булат»). Этот скромный род небогатых помещиков породнился с Домом Романовых. В 1863 г. на Марии Ильиничне Булацель (1844–1909) женился принц Николай Петрович Ольденбургский (1840–1886), троюродный брат Александра III и правнук Павла I. Поскольку этот брак был морганатическим, Мария Ильинична получила титул графини Остенбург.

Можно упомянуть еще многие другие молдавские фамилии русского дворянства, но в заключение хотел бы назвать еще четырех деятелей, чьи имена связаны с политической историей России второй половины XIX – начала XX в. Это Александр Николаевич **Бузни** (1860–1933), выпускник Киевского университета, народоволец, в 1907 г. надворный советник, служивший в Тамбове по Акцизному ведомству. Лев Аристидович **Кассо** (1865–1914), доктор права, тайный советник, печально знаменитый министр народного просвещения в 1910–1914 гг. Александр Александрович **Червен-Водали** (отец бессарабский дворянин, мать англичанка), член ЦК кадетской партии, депутат IV Государственной Думы, министр внутренних дел правительства Колчака в Омске, расстрелян в 1920 г. (его сестра Александра Александровна с 1890 г. была женой народовольца, биолога, впоследствии академика Алексея Николаевича Баха). И, наконец, прославленный белый генерал Антон Васильевич **Туркул** (1892–1957), генерал-майор, командир Дроздовской дивизии.

Все эти примеры со всей ясностью демонстрируют главное – потомки молдавских господарей и дворян внесли большой и разнообразный вклад буквально во все сферы российской истории и особенно яркий – в русскую, а вместе с тем и мировую, культуру.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Алексеев Ю.Г. Государь всяя Руси. Новосибирск, 1991.

Борисов Н.С. Иван III. М., 2000.

Дворянские роды Российской империи / Под ред. *С.В. Думина*. Т. 3. М., 1996 (Дабижа, Кантемиры, Кантакузины, Маврокордато, Мурузи).

Лобанов-Ростовский А.Б. Российская родословная книга. Т. 1. СПб., 1895 (Апостолы, Бантыш-Каменские, Кантемиры).

Любимов С.В. Родословия князей Ханджери, баронов Черкасовых и баронов Соловьевых. Тула, 1914.

Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи. М., 2004.

Наследие Дмитрия Кантемира и современность. Кишинев, 1976.

Петров П.Н. История родов русского дворянства. Т. 1–2. М., 1991 (Кантемиры, Гагарины-Стурдза, Кантакузины, Херасковы).

Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886 (Абаза, Кантакузины).

Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и ВСЮР. М., 1997.

Рыхляков В.Н. Булацели. СПб., 1993.

Сементковский Р.И. А.Д. Кантемир: Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893.

Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003.

Стати В. Штефан Великий – воевода Молдовы. Кишинев, 2004.

Унбегаун Б.-О. Русские фамилии /Общ. ред. Б.А. Успенского. М., 1995.

Фомин С.В. Кантемиры в изобразительных материалах. Кишинев, 1988.

Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской Империи 1802 – 1917 гг. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002.

ПОДПИСКА 2007

На международный исторический журнал «Русин»

объявлена подписка по Республике Молдова.

Подписной индекс - **31808.**

Подписаться на журнал можно в любом
отделении связи Республики Молдова.

Екатерина БОЛТУНОВА

ДМИТРИЙ И АНТИОХ КАНТЕМИРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Князя Дмитрий и Антиох Кантемиры не были обделены вниманием советской и российской историографии. В советские времена были опубликованы несколько биографий князя Дмитрия¹.

Сатиры его сына Антиоха Кантемира были напечатаны лишь спустя два десятилетия после его смерти – в 1762 г. Однако следует сказать, что и в период, предшествовавший опубликованию, его произведения отнюдь не пребывали в забвении. Период рукописного существования сатир Антиоха Кантемира немало способствовал их распространению как в России, так и за границей. Относительно полное собрание сочинений, переводов и частной переписки Антиоха Кантемира появилось уже в середине XIX в. в двухтомнике под ред. П.А. Ефремова².

В целом жизни, творчеству и философским взглядам князя Антиоха еще в XIX в. был посвящен целый комплекс серьезных исследований³. В советские времена эта тема пережила настоящий бум⁴, во многом благодаря оценке В.Г. Белинского, заявившего, что «Кантемир начал собою историю русской светской литературы»⁵. В 1990-е гг. число публикаций в российской историографии о жизни и деятельности как Дмитрия, так и Антиоха Кантемиров было весьма незначительным. Однако, несомненно, в последние годы следует отметить новый всплеск академического интереса к этой теме: появляются новые интересные исследования⁶, публикуются произведения Кантемиров⁷.

Как известно, Дмитрий Константинович Кантемир в 1710 г. был назначен султаном господарем Молдавии с условием подготовки молдавской армии к войне с Россией и оказания поддержки остаткам разгромленной при Полтаве шведской армии Карла XII. Однако Дмитрий Кантемир, стремившийся к освобождению Молдавии от османского ига, направил в Россию тайного посла Штефана Луку, вступившего в переговоры с Петром I о совместной борьбе с Турцией. Как результат, в 1711 г. был составлен проект договора о добровольном вхождении Молдавии в состав России на правах автономии и об установлении на ее территории наследственной монархии Кантемиров. Господарь стремился оказать активную поддержку армии Петра I в период Прутского похода 1711 г.

Поход, однако, обернулся провалом, а турецкое правительство потребовало выдачи молдавского господаря, который вместе с семьей скрывался в русском лагере. Кантемир выдан не был и после заключения мира вместе с семьей и значительной группой сторонников (по разным данным – до 4 тыс. человек) покинул Молдавию. В августе 1711 г. он был пожалован титулом светлейшего князя, землями и имениями, домом в Москве и ежегодной пенсией в 6 тыс. руб. Первоначально Дмитрий Кантемир проживал в Харькове, в своих курских и украинских поместьях.

В 1713 г. после смерти двух младших сыновей и жены князь переехал в Москву⁸. Однако его приезды в новую столицу империи становились все более частыми. Именно здесь он встретил свою будущую жену - княжну Анастасию Ивановну Трубецкую. В январе 1719 г. Д. Кантемир женился (при этом свадебный венец над его головой держал сам император Петр I) и окончательно переехал с семьей в Санкт-Петербург.

Судя по сохранившейся «Росписи лиц, определенных для проживания на Дворцовой набережной», относящейся к 1715 г., Петр I хотел видеть князя Дмитрия Кантемира в Санкт-Петербурге гораздо раньше. Согласно этому положению, князь Кантемир вместе с придворным доктором Робертом Арескиным, «торговым иноземцем Занетом», «гвардии полковником князем Долгоруковым», графом Иваном Алексеевичем Мусиным-Пушкиным и «корабельным мастером Склеяевым»⁹ должен был возвести дом на берегу Невы, напротив Петропавловской крепости.

Появление здесь дома Кантемиров источники фиксируют, однако, лишь в 1721 г. Согласно указу Петра Великого о застройке нынешней Дворцовой набережной 1721 г., а также изображению «Панорамы набережной Невы, 1728-1729 гг. (О. Эллигер, по рисунку Х.Марслиуса 1725 г.)», среди комплекса зданий значится и этот дом. По правую руку от резиденции Кантемира в располагалось здание первого Санкт-Петербургского почтамта, так называемого Почтового двора. Здание было мазанковым, двухэтажным, стояло на берегу Красного канала, и его ответвления – небольшой гавани, где зимой отстаивались суда, прибывшие в столицу. По сути это была еще и первая гостиница в городе. Во втором этаже почтамта находился большой парадный зал, в котором Петр I часто устраивал балы и ассамблеи¹⁰.

Интересно, что, согласно позднейшим источникам, а именно гравиюре «Застройка Дворцовой набережной от Летнего сада до Зимнего дворца» неизвестного художника (1740-е гг. из коллекции Ф.В. Берхгольца, Национальный музей Швеции), Почтовый двор отсутствует, а по правую сторону от дома Кантемиров располагается Красный ка-

нал, на берегу которого стоял дом старшей дочери Петра I Анны и ее мужа герцога Голштинского, а также Летний сад и Летний дворец Петра I.

По левую сторону от дома князя Кантемира располагались дома целого ряда петровских сторонников. Это была весьма пестрая «компания». Соседями князя были придворный кохмейстер, владелец первого в Санкт-Петербурге Питейного заведения Ягана Фелтин, камер-юнкер, а затем камергер императрицы Екатерины I Данило Чевкин, активный участник Всешутейшего и Всепьянейшего собора знаменитый петровский поп Битка, (священник Иоанн Хрисанфов, по другим данным – Христофоров) шотландец, доктор медицины Оксфордского университета, придворный лекарь Петра I Роберт Арескин, заведовавший всем хозяйством Петра I и Екатерины I «домашний расходчик» гофинтендант Петр Мошков, корабельный мастер любимец Петра I Федосий Склеяев и его подмастерье Гаврила Меншиков, гвардейцы – майоры Андрей Ушаков, Василий Корчмин, Андрей Иванов, подполковник Преображенского полка князь Василий Долгоруков, а также адмирал Корнелиус Крюйс, глава Адмиралтейства генерал-адмирал граф Федор Апраксин. Примечательно также и то, что здесь располагалась еще одна резиденция Петра I. Монарх проживал на набережной Адмиралтейского острова сначала в 1-м, а затем во 2-м Зимнем доме.

Таким образом, князь Дмитрий Кантемир жил по соседству с императором Петром Великим, высшими военными, адмиралтейскими и придворными чинами, гвардейцами, придворным врачом, священником и корабельными мастерами.

Теперь посмотрим, как протекала жизнь семейства внутри этого дома. Камер-юнкер будущего мужа царевны Анны Петровны герцога Голштинского Ф.В. Берхгольц так описывает первую встречу с Дмитрием Кантемиром: «его высочество (герцог Голштинский – прим. авт.) отправился к нему (князю Кантемиру – прим. авт.) на своей барке... Когда мы приехали, князь встретил нас у моста своего дома (стоящего близко к реке), и так как он говорит довольно хорошо по-латыни и вообще очень приятный и живой человек, то его королевскому высочеству не нужно было переводчика»¹¹.

Современники были поражены красотой жены князя Дмитрия Кантемира. Вот, что сообщает все тот же Ф.В. Берхгольц: «Войдя туда, где стояла княгиня Валашская, я был поражен красою и стана и лица: она, бесспорно, одна из прекраснейших женщин во всем Петербурге... Она, блондинка, высока ростом, имеет прекрасные руки и чудный цвет лица. На веке левого глаза у нее маленькое черное пятно, издали похожее на мушку, но оно нисколько не вредит красоте и живо-

сти ее глаз, напротив, делает их еще более выразительными»¹². Далее он продолжает: «Так как за большим столом приборов не хватало для всех (гостей ждал обед – прим. авт.), я с майором Эдером и двумя или тремя валашскими офицерами поместился за другой, поставленный возле большого. Заняв место несколько прежде майора..., я выбрал себе лучшее, то есть то, с которого мог видеть княгиню, и когда явился мой товарищ со словами: «Приятель, подвигайся дальше», я, разумеется, поблагодарил его и указал на ожидавшее его порожнее место, объявив, что вовсе не так глуп, чтобы уступить приятную позицию, занятую мною»¹³.

Современники оставили сообщения о частых обедах в доме молдавского господаря, где «за столом сидели очень долго, потому что обед, по здешнему обычаю, состоял из множества горячих и холодных блюд»¹⁴. При этом «бокалы, которые были распиты, разносили четыре сына князя, довольно тщательно наблюдавшие за тем, чтобы все пили поровну. Эти молодые князья... служат в гвардии – трое рядовыми и один унтер-офицером»¹⁵. Следует отметить, что среди них находился и будущий писатель, поэт, дипломат Антиох Кантемир, который в возрасте 12 лет поступил на службу в гвардию.

Интересно, что описанная процедура абсолютно совпадает с тем, что было принято в гвардии. Вот как один из иноземцев описывает прогулку по Летнему саду: «Вскоре после того появились дурные предвестники, а именно человек шесть гвардейских гренадеров, которые несли на носилках большие чаши с самым простым хлебным вином (водкой – прим. авт.); запах его был так силен, что оставался еще, когда гренадеры уже отошли шагов на сто и повернули в другую аллею... Очень многие стали ускользать, как будто завидели самого дьявола... За чашею с вином всюду следуют майоры гвардии, чтобы просить пить тех, которые не трогаются увещеваниями простых гренадеров»¹⁶.

В доме господаря все время звучала музыка, причем самого разного порядка – от менуэтов в исполнении специально приглашенных музыкантов царицы до песен «казака, игравшего на бандуре»¹⁷. Вообще домашнее музицирование было неотъемлемой частью жизни этого дома, в источниках есть упоминания о желании сестры Антиоха Кантемира подобрать мелодию к одному из стихотворений брата¹⁸.

Современники указывали и на пристрастие господаря к танцам, продолжавшимся в этом доме целыми вечерами.

В доме было много известных людей. Так, частным гостем здесь был выпускник Славяно-латинской академии И. Ильинский (впоследствии переводчик Санкт-Петербургской Академии наук), под влиянием которого Антиох Кантемир составил свой первый труд «Симфо-

нию на Псалтырь» - алфавитный указатель к стихам из псалмов. С весны по зиму 1726 г., в свой первый приезд в Петербург, у Кантемиров жил молодой В.К. Третьяковский, писатель, будущий академик Академии наук. Он же преподавал русский язык и стихосложение юному Антиоху.

В целом жизнь князя Дмитрия Кантемира в Петербурге вне официальных дел протекала вполне в соответствии с общепринятыми нормами. Кантемир был вполне востребован в кругу близком к императору, часто бывал в гостях у Петра I¹⁹ и А.Д. Меншикова²⁰, активно участвовал в ассамблеях²¹, балах²², пирушках²³, присутствовал на званных обедах²⁴. Князь не пропускал маскарады. Интересно, что, активно используя принцип осмеяния, Дмитрий Кантемир во время маскарадных представлений любил переодеваться турком²⁵. Еще один иностранец при дворе Петра I граф Г.Ф. Бассевич описал это событие так: «Наибольшее внимание обращало на себя турецкое судно князя Валахского, одевавшегося то муфтием, то великим визирем, окруженным прекрасной и многочисленной турецкой свитой»²⁶.

Согласно предположению исследовательницы О.Е. Кошелевой, князь Кантемир, вероятно, был владельцем одного из «вольных домов» Санкт-Петербурга, то есть недорогой распивочной²⁷.

После смерти князя Дмитрия Кантемира в 1723 г. его многочисленное имущество перешло к детям. Его сын Антиох, будущий известный писатель, поэт, дипломат, прожил в петербургском доме на набережной еще несколько лет, до 1728 г. О его жизни в северной столице России известно, к сожалению, не так много. Антиох служил в гвардии в течение первых трех лет в нижнем чине. В последний год пребывания в Санкт-Петербурге он получил первый офицерский чин поручика.

Вероятно, служба в самом привилегированном полку оказала сильное влияние на политические взгляды и на жизнь молодого князя. Как известно, в 1730 г. при вступлении на престол Анны Ивановны Антиох Кантемир принял деятельное участие в борьбе против «верховников» (членов Верховного тайного совета), пытавшихся ограничить самодержавие. Он собирал подписи офицеров Преображенского полка против проекта верховников и сопровождал А.М. Черкасского и Н.Ю. Трубецкого во дворец императрицы.

В начале 1730-х г. князь Антиох Кантемир начал активную дипломатическую карьеру, отправился в Европу, покинув Россию и дом на Дворцовой набережной столицы, который вскоре обрел новых хозяев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабий А.И.* Дмитрий Кантемир. М., 1984; *Ермуратский В.Н.* Дмитрий Кантемир. Кишинев, 1983.

2. Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира (под ред. П.А. Ефремова). Т.1-2. СПб., 1867-1868.

3. См., например: *Александренко В.Н.* К биографии князя А. Д. Кантемира. Варшава, 1896; Он же. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Т.1. Варшава, 1897; Антиох Дмитриевич Кантемир. Его жизнь и сочинения: Сборник историко-литературных статей (сост. В.И. Покровский) М., 1910; *Глаголева Т.М.* Материалы для полного собрания сочинений кн. А.Д. Кантемира // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 11. Кн. 1. 1906; *Дружинин В.* Три неизвестные произведения князя Антиоха Кантемира // Журнал Министерства народного просвещения. № 12. 1887; *Майков Л. П.* Материалы для биографии кн. А.Д. Кантемира, СПб., 1903; *Пумпянский А.Д.* Кантемир // История русской литературы. Т. 3. М.-Л., 1941; *Сементковский Р.И.* А.Д. Кантемир: Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893; *Шимко И.* Новые данные к биографии кн. А.Д. Кантемира. СПб., 1891;

4. См., например: *Алексеев М.П.* Монтескье и Кантемир // Вестник Ленинградского университета. № 6. 1955; *Благой Д.Д.* Антиох Кантемир // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1944. Т. 3. Вып. 4. С. 121-131; *Бобынз Г.Е.* Философские воззрения Антиоха Кантемира. Кишинев, 1981; *Западов А.В.* Поэты XVIII века А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков. Лит. Очерки. М., 1984; *Кумок М.В.* Российский посланник в Англии А.Д. Кантемир // Вопросы истории. 1987. N 2.

5. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1955. С. 614, 624.

6. Антиох Кантемир и русская литература (Отв. ред. А.С. Курилов). М., 1999; *Жудин И.М.* Семья Кантемира и Дмитровка. Орел, 2005; *Салова С.А.* А.Д. Кантемир - переводчик анакреонтики Уфа, 2004; *Салова С.А.* Утро русской анакреонтики: А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков. М., 2005; *Чиркова З. К.* Проклятие визиря: ист. М., 2006; *Щеглов Ю.К.* Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004; *Кантемир А.Д.* Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. М., 2004; *Кантемир Д.К.* Избранные философские произведения. Кишинев, 2003.

7. *Кантемир А.Д.* Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. М., 2004; *Кантемир Д.К.* Избранные философские произведения. Кишинев, 2003.

8. Современники восторженно описывали подаренное Дмитрию Кантемиру Петром I подмосковное имение Черная Грязь (будущее Царицыно), где стоял дом «на китайский манер, с отлогими крышами на два ската, с галереями по которым можно ходить перед окнами вокруг всего строения, со многими маленькими башнями со всех сторон открытыми и обтянутыми только парусиною для свежести воздуха и защиты от солнца. Он весь деревянный, но так как раскрашен и стоит на высоком месте, то издали кажется великолеп-

ным» (Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 гг. Перевод с немецкого И. Аммон. Ч. 1. // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 426).

9. *Соловьева Т.А.* Дворцовая набережная. СПб., 2005. С. 7.

10. *Кани П.Я.* Прогулка от Летнего дворца от Зимнего дворца по Дворцовой набережной. СПб., 1996. С. 67.

11. *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. С. 162-163.

12. Там же. С. 166-167.

13. Там же. С. 167.

14. Там же. С. 167.

15. Там же. С. 168-169.

16. Там же. С. 140.

17. Там же. С. 168.

18. *Огаркова Н.А.* Церемонии, празднества, музыка русского двора XVIII – начало XIX вв. СПб, 2004. С. 138.

19. *Меншиков А.Д.* Повседневные записки делам князя А.Д.Меншикова (1716-1720, 1726-1727 гг.) // Российский архив. Т. 10. М., 2000. С. 239

20. Там же. С. 286.

21. *Берхгольц Ф.В.* Указ. соч. С. 352, 384.

22. Там же. С. 335.

23. Там же. С. 204, 261.

24. Там же. С. 232.

25. Там же. С. 320.

26. *Бассевич Г.Ф.* Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времен Петра Великого // Юность державы. М., 2000. С. 397.

27 *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004. С. 375.

Журнал
консервативной мысли
"Золотой Лев":
www.zlev.ru

Сергей ПОЖАР

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ СУДЕБ

У молдавского писателя-классика Георге Асаки есть любопытные наблюдения о чувствах, объединяющих людей и подвигающих их к добродетели. «Два европейских путешественника, – пишет он в своих «Исторических новеллах», – встречаются на другом континенте; один рожден в Турине, другой в Лондоне. Они – европейцы, и общее это именование рождает меж ними взаимную приязнь, можно сказать, своего рода патриотизм, из которого вытекает похвальное стремление быть полезными друг другу». А вот, читаем далее, «швейцарцы: один из итальянского кантона, другой из французского, третий из немецкого. Политическая связь, благодаря которой они пользуются взаимной поддержкой и защитой, заменяет им общность языка, внушает одинаковую любовь и готовность к самопожертвованию для счастья родины, не тождественной в этом случае одной нации»¹.

Не казалось ли и вам когда-либо, будто судьба рано или поздно сводит на бесконечных тропах планеты соотечественников, соплеменников и даже просто тех, кто интуитивно полюбил какой-то определенный клочок земли? Их встречи вроде бы нарочно просчитаны Всевышним. Не знаю, общие ли воспоминания, невольный ли отпечаток среды, а может, некие глубинные подсознательные факторы или кое-что непознанное пока из области психологии или генетики, но таких людей, как правило, тянет друг к другу, словно магнитом. Стремясь собрать воедино ростки своеобразного, необычайно разветвленного древа духовно родственных талантов, природа тем самым программирует дивные творческие связи, образует благоприятную художественную ауру, способствующую установлению интересных контактов.

Помните мудрое изречение поэта: «Бывают странные совпадения...»? На плодородной почве сопричастности к Молдавии их сложилось множество. Мир давно преисполнен их пышными всходами. Назовем лишь некоторые, умышленно взятые нами только из одной области – музыкальной. К тому же, ограничим их сравнительно коротким временным периодом, центр которого лежит на рубеже конца XIX – начала XX веков. Ведь сегодня, с порога миллениума, перипетии прошлого воспринимаются особенно остро и показательно...

Как известно, Сергей Рахманинов является прямым потомком Штефана Великого и русского великого князя Ивана Младого, о чем сам

не раз с гордостью говорил своим биографам. В его воспоминаниях, записанных Оскаром фон Ризенаном, мы читаем: «Рахманиновы ведут свое происхождение от молдавских господарей Драгош, которые управляли Молдовой две сотни лет»². Разве не удивительно, что именно в его лице нашел умного и пламенного продолжателя «львиный» пианизм Антона Рубинштейна³ – знаменитого уроженца села Выхватинцы Рыбницкого района? Спустя несколько десятков лет, среди обилия художественных стилей и направлений, как раз этот стиль даст ярчайшие результаты в области броской концертности – композиторской и исполнительской. Разве не показательно, скажите, что двоюродный брат Рубинштейна, видный русский дирижер Эдуард Гольдштейн, с 16 лет стоял за пультом итальянской оперной труппы в Кишиневе под управлением некоего Берети? К тому же, исполинская фигура Рубинштейна, имевшая влияние на многих крупных артистов эпохи, соприкасалась и с Гавриилом Музическу, и с Генриком Венявским, и с Ференцем Листом, не раз бывавшими в нашем крае, освященном их высоким искусством. «Я встретил его как старого друга, – вспоминал выходец из Приднестровья о венгерском виртуозе, – и мы были очень близки»⁴. Сам же Лист, в чьих рапсодиях щедро цитируется молдавский фольклор, записанный во время концертного турне от наших лэутаров Барбу и Николае Пику, видел в нем своего самого достойного преемника. Так оно и вышло.

Рубинштейн высоко ценил скрипача Венявского. Пригласив его на работу в Петербургскую консерваторию, он совершает с ним бесконечные турне, в том числе американское, невиданное доселе по размаху. Вероятно, коллеги информировали друг друга о своих разрозненных концертах. Рубинштейн дал один из них в Кишиневе в 1870 году, Венявский – трижды: в 1868, 1871 и 1879-м. В какой-то период он вынужденно задерживается здесь, репрессированный царской охранкой как неугодный польский патриот⁵.

Казалось бы, выстраивающуюся систему ломают не сложившиеся отношения юного Александра Зилоти с тем же Антоном Рубинштейном, который пытался заменить ему на поприще педагогики своего безвременно ушедшего брата Николая. «Он, собственно, ничего мне не дал, – признается позже крупный пианист и дирижер, чьи родственники, в частности, связанная с театром тетя Мария Зилоти⁶ много лет меценатствовали у себя в Бессарабии, – а только играл эти вещи архигениально хорошо, и если он не убил во мне желания учиться, то это только благодаря моему счастливому характеру, давшему мне возможность смотреть на эти уроки, как на временное несчастье». Между тем, не кто иной, как Антон Рубинштейн, с головой погруженный в проведение «Исторических концертов» и реализацию крупных замыс-

лов (в том числе балета «Виноградная лоза», косвенно связанного с родиной), «находил полезным, чтобы я уехал за границу и поучился у Листа»⁷.

Венгерский маэстро радушно встречает Зилоти в Веймаре, возведя в ранг самого любимого ученика. В свою очередь тот стал консерваторским наставником Рахманинова и на протяжении всей жизни принимает сердечное участие в судьбе своего кузена. Стоит ли говорить, что оба тоже бывали на своей дальней Родине?

У Зилоти же учится еще один кишиневец, впоследствии маститый пианист, профессор Московской консерватории Александр Гольденвейзер, чья преданность роялю воспринята от матери Варвары Петровны (урожденной Щекотихиной). Им оставлены трогательные и на удивление подробные воспоминания о городе детства (куда он с удовольствием возвращался), в том числе о незабываемом рубинштейновском вечере. Став единомышленником Рахманинова, одним из первых интерпретаторов его музыки (точнее, третьим, после автора и его двоюродного брата), он не раз выступал с ним в фортепианном дуэте, в том числе и перед своим старшим товарищем Львом Толстым. Быть может, это обстоятельство, вкупе с воспоминаниями армейской юности, коснувшейся и Кишинева, побудило незадолго до смерти у хозяйна Ясной Поляны желание уйти в бессарабские места?⁸

Чем объяснить потрясающий выбор Гольденвейзером собственной супруги? Ведь из обширного и весьма пестрого круга московских интеллектуалов он примечает и берет в жены именно землячку. К тому же, она является родной сестрой выдающегося русского культуролога и пушкиниста (!) «Серебряного века» Михаила Гершензона, тоже появившегося на свет Божий и получившего хорошее образование в Кишиневе. Архивно-розыскной деятельности последнего, между прочим, содействуют долгосрочные и глубокие отношения с Е.Н. Орловой, внучкой генерала Михаила Федоровича Орлова, возглавлявшего кишиневскую организацию декабристов и масонскую ложу «Овидий-25».

С первого взгляда трудно поддается осмыслению один примечательный эпизод из жизни Гавриила Музическу. Как могли ему, никому не известному тогда музыканту из провинциальной Бессарабии, предложить вдруг пост регента в Исаакиевском соборе – одном из центров российского православия? Пусть даже он с блеском оканчивает консерваторию и Придворную певческую капеллу, обратив на себя внимание их директоров А. Рубинштейна и генерала Н. Бахметьева – в городе на Неве все равно обитало немало своих крупных талантов, притом, с хорошим стажем работы. Оказывается, столь лестное приглашение Музическу получил не без участия Григория Федоровича Львовского – крупнейшего по тем временам регента и композитора,

чьи духовные сочинения непременно входили в пятерку наиболее исполняемых в церкви авторов. Сын молдавского псаломщика, с 1854 по 1857 годы возглавлявший Архиерейский хор Кишинева, Львовский со дня открытия Исаакиевского собора (1858), и до самой смерти возглавлял там хор⁹. Решив целиком сосредоточиться на работе в Александро-Невской лавре, он уступает престижное место именно земляку¹⁰.

Перенесемся на два десятилетия вперед. Начавшееся на деловой основе общение еще одного коренного кишиневца, музыковеда-академика Александра Оссовского с тем же Зилоти (до 1917 года они вели вдвоем популярнейший в Петербурге филармонический цикл «Концерты А.Зилоти») вскоре переросло в дружбу – такую же бескорыстную и творчески насыщенную, как с Рахманиновым. Показателен следующий факт. Первая симфония Рахманинова, по словам самого автора, «действительно немного новая», потерпела полный провал в 1897 году во многом из-за неряшливой интерпретации А.Глазунова. (Странное дело, подобная же небрежность, граничащая с откровенных формализмом, никак не свойственная глазуновскому характеру, проявилась у него и при курьировании Кишиневского отделения Русского музыкального общества!) Среди резко отрицательных отзывов критики, исходящей от известнейших музыкантов, выделялся лишь одинокий благожелательный голос А. Оссовского, который утверждал, что «крупное симфоническое произведение, несомненно обогащавшее русскую симфоническую литературу, было не понято, недооценено, грубо отвергнуто»¹¹.

Спустя годы он разыскал оркестровые голоса уничтоженной было композитором партитуры и приложил руку к ее возрождению. Время показало справедливость его оценки популярной ныне симфонии. А разочарованного автора, крайне болезненно воспринявшего неудачу, почти три года лечил от депрессии известный невропатолог-гипнотизер Николай Владимирович Даль. Да, да, это сын того самого создателя «Толкового словаря живого великорусского языка», что неоднократно бывал в Бессарабии, изучая быт и изречения коренных жителей, что оставил о ней колоритные рассказы и даже выкупил у боярыни молодую цыганку-служанку.

Легендой стала длительная и художественно плодотворная дружба Рахманинова с Федором Шаляпиным. О ней можно узнать из всех без исключения монографий, посвященных великим артистам, из их обширной переписки. Шаляпин дважды бывал в Кишиневе – в 1899-м, в составе сезонной оперы под дирекцией В. Любимова (пел партию Мельника из «Русалки» А. Даргомыжского), и в 1930 году с сольным концертом. Он помогал материально его жителям в дни социальных

катаклизмов, дал вечер в фонд евреев, пострадавших от ужасающего погрома 1903 года. А в одном из интервью признался: «Меня тянет в Кишинев... И не только потому, что это так близко от родины...»

С позволения сказать, заочные встречи Федора Ивановича с нашим городом происходят и благодаря юношеской опере Рахманинова «Алеко» на текст из пушкинской поэмы «Цыганы». В основе ее, как известно, лежат подлинные события, пережитые поэтом в таборе бессарабских цыган. Песня Земфиры «Старый муж, грозный муж» недвусмысленно напоминает по интонациям и по характеру молдавский напев «Арде-мэ, фриже-мэ», услышанный когда-то Пушкиным в доме кишиневского боярина Варфоломея. Шаляпин рисовал портреты Пушкина, готовясь к роли, на сцену выходил загримированным под него. Спустя почти полвека он предлагает Рахманинову сочинить еще одну оперу на бессарабский сюжет – своеобразный пролог к «Алеко», который мечтает исполнить на вечере к 100-летию со дня смерти гения русской литературы. Стихи для либретто, озаглавленные «Поэт и цыганка», написала по его просьбе разносторонне талантливая представительница русской эмиграции в США Лидия Нелидова-Фивейская. Действие в них разворачивается в Кишиневе. Они понравились и певцу, и композитору, однако последний отказался сочинять новую оперу, ссылаясь на душевную опустошенность, охватывающую его при мыслях о Родине¹².

Вот еще интересные контакты, подтверждающие тезис о пересечении художественных судеб. Рахманинов, занимаясь композицией с юным московским пианистом Иваном Базилевским, естественно, даже не предполагал о возможности того переезда в Кишинев. После Октябрьской революции Базилевский надолго обосновывается на новом месте, сразу став одной из самых видных в городе артистических фигур. Как, впрочем, и руководитель московской «Симфонической капеллы» Вячеслав Булычев, многие другие выдающиеся деятели российской и украинской культуры, бежавшие от диктатуры пролетариата в Бессарабию. Почему именно сюда? По искреннему признанию Александра Вертинского, здесь «те же милые сердцу белые хаты, те же колодцы с жестяными распятиями, как у нас на Украине, те же подсолнухи, кивающие из-за тына, тот же воздух, то же солнце, те же птицы... Словно я повстречался с милыми, давно забытыми людьми моей юности. Словно я через много лет вернулся в родной город, и меня встречают уже иные, незнакомые лица. Все же это «свои» – люди моего города. Носильщики на вокзалах, извозчики, продавцы в магазинах, нищие – все говорили по-русски. Человеку, оторвавшемуся от родной почвы и жившему долго у чужих, это было ново, радостно и до слез приятно...»¹³.

В 1930 году в столице Бессарабии во время упоминавшегося выше шаляпинского концерта неожиданно для всех складывается гармоничный артистический тандем, колесивший по миру целых пять лет. Из многих претендентов знаменитый певец, приехавший без концертмейстера, лично отобрал и пригласил к тесному сотрудничеству кишиневца И.К. Базилевского, с которым вскоре направляется в Швейцарию и далее в Америку. «Капризнейший из исполнителей, наконец, нашел себе аккомпаниатора по душе», – гордо сообщала на следующее утро местная пресса. «Король баса» прежде не раз выступал на разных европейских подмостках и с другими коренными бессарабцами, ставшими знаменитыми оперными солистами: Александром Антоновским, Марией Чиботари, Лидией Липковской, Валентиной Кузой, Сигизмундом Залевским, Николаем Нагачевским, Евгенией Лучезарской (Луч)¹⁴. И оказывал на них определенное воздействие. «Ведь те артисты, – утверждал певец С.Левик, – которые имели более или менее художественную натуру, после Шаляпина... вначале сознательно, а с течением времени и подсознательно» в чем-то подражали ему¹⁵.

Особой теплоты отношения сложились у Федора Ивановича с еще одним разносторонне талантливым бессарабцем, к сожалению, рано скончавшемся и ныне незаслуженно забытом. Речь идет о писателе, режиссере, актере, пианисте и певце Леониде (Леоне) Добронравове, являвшимся родственником баснописца Александру Доница¹⁶. Родившись в Кишиневе, получив образование сначала здесь (Теологическая семинария плюс частные уроки музыки), затем в Петербурге (университет), он сблизился с Шаляпиным и написал о нем монографический очерк, статьи с анализом трактовок образов Бориса Годунова, Дона Карлоса и других. Оказавшись в вынужденной эмиграции в Кишиневе, Бухаресте и Париже, Дониц-Добронравов читал лекции, пропагандировал эстетические принципы своего кумира, защищал его от нападок тех русских эмигрантов на Западе, кто осуждал его (И.Бунин, А.Куприн и т.д.), не поняв, почему он не смог сразу покинуть Родину и остался какое-то время верно служить ей при новой власти. Последняя встреча друзей происходит во Франции в 1924 году. Она зафиксирована в трогательном рассказе Добронравова, чье духовное наследие заслуживает самого пристального внимания¹⁷.

Шаляпин всегда поддерживал молдавских музыкантов. В частности, юную Липковскую, ярко исполнившую в Мариинском театре роль Лакме из одноименной оперы Л. Делиба. После удачной арии он «обняв, вывел на сцену. Это был самый счастливый вечер в моей театральной жизни», – подчеркивает певица. – Этот спектакль положил начало быстрому завоеванию симпатий у публики и дальнейшим ус-

пехам артистической карьеры». Аналогичный случай произошел с ней вскоре и в парижской «Opera Comique»¹⁸.

Сколько же раз упоминавшиеся выше голоса высокой молдавской пробы дополняли друг друга в каком-либо спектакле или благотворительном вечере! Сюда же следует отнести человеческие и художнические контакты артистов забытой ныне эстрады, отдавших весомую часть жизни нашей столице¹⁹. Вспомним популярнейшую оперетточную певицу и куплетистку, бельчанку по происхождению Изу Кремер, коренных кишиневцев Аллу Баянову и Петра Лещенко, того же Вертинского. Или уроженку Сорок, несравненную Варвару Панину, чьей интерпретацией бытовых и цыганских романсов восхищались Л. Толстой, А. Чехов, А. Блок. А разве не заслуживает внимания тот факт, что уже в Америке Иза Кремер пригласила для себя в качестве постоянного аккомпаниатора не кого-нибудь, а именно Ивана Базилевского, оставшегося не у дел после смерти Шаляпина? За океаном то уж наверняка выбор велик!

Да, от такого количества славных имен и перипетий судеб голова у кого хотите закружится! А ведь не названы еще деловые и товарищеские взаимоотношения того же периода композиторов А. Скрыбина, А. Аренского, М. Ипполитова-Иванова, скрипачей П. Сарасате, И. Хейфеца, Е. Цимбалиста, уроженца поселка Вадул-луй-Водэ М. Сикарда, певцов Д. Агренева-Славянского (со своим хором), Е. Лавровской, Титта Руффо, других знаменитостей, оставивших в Бессарабии свой яркий след. Иным, кто подолгу, если не навсегда, остался тут, возможно, посоветовали обратить свои взоры к Кишиневу их великие консерваторские наставники из обеих русских столиц, не раз гостившие у нас. В частности, Василий Гутор, впервые организовавший в Кишиневе две музыкальные школы, является учеником прославленного виолончелиста и композитора Карла Давыдова, о ком спустя годы написал книгу на немецком языке. У Александра Вержбиловича занимался Георгий Яцентковский, у Леопольда Ауэра – Петр Каховский, Марк Пестер и Александр Мазаракий (директор Одесского музучилища), у Генриха Венявского – Клеоник Гулак-Артемовский и Василий Салин²¹. Каждый из них достоин подробного рассказа, поскольку стоял у истоков отечественного музыкального профессионализма. Не говоря уже о такой серьезной фигуре, как композитор Владимир Ребиков, организовавший Кишиневское отделение Петербургского музыкального общества и музыкальное училище при нем.

Последнего неплохо знала по Кишиневу юная Евгения Лучезарская – яркая ученица частной школы В. Гутора. Тогда же она с упоением слушала гостившую антрепризу при участии Ф. Шаляпина, которой дирижировал 20-летний Эмиль Купер. Прошло время. Окончив Петер-

бургскую консерваторию и став вскоре примой оперного театра Народного дома Императора Николая II, Лучезарская в 1907 году получает редкую возможность записаться на пластинку. И выбирает из своего обширного репертуара именно музыку В.Ребикова. Когда же переходит на подмостки Большого театра, сталкиваясь с высокой конкуренцией и даже с недружелюбием коллег, ее всячески поддерживает и творчески продвигает тот самый Купер – уже маститый дирижер, друг и соратник Шаляпина²².

Последняя треть XIX века отмечена активной концертной и педагогической деятельностью И. Чернецкого – сподвижника певца Е. Анненкова, пианистов Е. Малишевской, Н. Буслова, Н. Прокина, многих других русских музыкантов, трудившихся здесь на ниве просветительства. Оказывается, он был дядей выдающегося военного дирижера Семена Чернецкого, возглавлявшего ведущие духовые оркестры Советского Союза и сочинявшего популярнейшие марши и строевые песни. В Петербургской консерватории тот учился вместе с кишиневским композитором и тоже капельмейстером Семеном Златовым, который прославился в Европе своими переложениями для оркестра фанфар сложнейших Шестой симфонии П. Чайковского и Пятой – Л. Бетховена. Друзья-сокурсники встретились вновь в 1940 году в только-только освобожденной от боярско-румынской оккупации Молдове, куда приехали почти одновременно – один с Востока, другой – с Запада. Чернецкий проводил инспекцию и оказывал помощь новорожденной филармонии, попутно собрав из местных музыкантов и исполнив с духовым оркестром собственное переложение Первого фортепианного концерта П. Чайковского. Солировала в поистине уникальном вечере Гита Страхилевич.

Особого разговора в данном контексте заслуживают крупные фигуры, более близкие нам по времени. Они тоже либо родились, либо учились или же работали здесь. Таковы обладатель роскошного баса Александр Огневцев и дирижер Владимир Вайс из Большого театра, организатор Московского камерного хора Владимир Минин, некогда поднявший капеллу «Дойна» на невиданную высоту²³, руководитель Московского фортепианного трио Александр Бондурянский, балетмейстер из Санкт-Петербурга Борис Эйфман, названный недавно американцами лучшим хореографом мира и получивший премию «Триумф» в России, крупнейший музыковед Тамара Ливанова, главный дирижер Государственного симфонического оркестра России Марк Горенштейн, сменивший на этом посту самого Евгения Светланова, многие и многие другие видные русские артисты, родственно и творчески связанные с нашим краем. Их деятельность, безусловно, оказывала и оказывает влияние на процесс становления и развития культуры в республи-

ке. Сами же они не упускают случая подчеркнуть свою близость к ней. Из эстрадных кумиров назовем Софию Ротару, Надежду Чепрагу и Марию Кодряну, Александра Морозова и Сергея Рогожина, Виктора Чайку и Александра Серова, Лилию Амарфий и телеведущего-шоумена Юрия Николаева, непревзойденных джазовых импровизаторов Леонида Чижика и Игоря Бутмана. Даже Филипп Киркоров совсем юным начинал свою карьеру в ансамбле «Екоу». Оказалось, в Кишиневе похоронен его прадедушка, чью могилу на Польском (римско-католическом) кладбище иногда навещает отец Филиппа Бедрос

Безусловно, прав Г. Асаки, отмечавший, что «и у великой нации, и у обитателей крошечного уголка земли любовь к отечеству является страстью благородной. Нет такого маленького народа, коему нечем было бы блеснуть...»²⁴.

Вместе с тем, молдавский писатель-энциклопедист, положивший, кстати, немало сил и для становления отечественной музыки (напомним хотя бы впервые изданный им в Молдове фольклорный сборник Ф. Ружицкого и первую в крае музыкально-драматическую консерваторию, открытую им) предостерегал современников и потомков от тщеславной гордыни. По его мнению, «патриотизм, в коем вместо терпимости торжествует заносчивость, зависть и злоба, – это уже не добродетель, а порок»²⁵, что в контексте нынешних событий в республике звучит чрезвычайно актуально. К тому же, добавим, истинно великие люди принадлежат всему человечеству²⁶.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асаки Г. Исторические новеллы. Кишинев, 1988. С. 159.
2. Сергей Рахманинов. Воспоминания, записанные Оскаром фон Ризена-ном. М., 1993.
3. Асафьев Б. Избранные труды. Т.2. М., 1954. С. 306.
4. Рубинштейн А. Литературное наследие. Т. 1. М., 1983. С. 83.
5. Подробнее см.: *Пожар С.* Генрик Венявский и Кишинев // Кодры. Молдова литературная. 1996. №№ 9-10. С. 205-208.
6. Подробнее см.: *Пожар С.* Музыкант из славного господарского рода // Молдова, 2006, № 3. С. 25-27.
7. Зилоти А.И. Воспоминания и письма. Л., 1963. С. 46.
8. Шишкан К., Пынзару С., Прокоп С. Русская литература Молдовы в лицах и персоналиях (XIX – начало XX вв.). Кишинев, 2003. С. 54.
9. Подробнее см.: *Пожар С.* Главный регент Северной столицы // Русское слово. 2002, № 7. С. 6.
10. Подробнее см.: *Пожар С.* Все сущее он подчеркнул в России. К 150-летию Гавриила Музическу // Кодры. Молдова литературная. 1997. №№ 11-12. С. 261-274.

11. *Рахманинов С.* Человек. События. Время. Фотоальбом. Сост. Е.Рудакова. М., 1982. С. 52.
12. Подробнее см.: *Пожар С. Ф. И.Шалапин: «Меня тянет в Кишинев...»* // Кодры. Молдова литературная. 1995. №№ 9-10. С. 197-205.
13. Александр Вертинский. Дорогой длинною... М., 1991. С. 142.
14. Подробнее см.: *Пожар С.* Патриотизм на ниве музыки // Кодры. Молдова литературная, 1996, №№ 3-4. С. 195-199.
15. *Левик С.* Записки оперного певца. М., 1962. С. 490.
16. *Пожар С.* Музыкант из славного господарского рода // Молдова. 2006. № 3. С. 25-27.
17. Подробнее см.: *Пожар С.* Не забывать, а помнить! // Кодры. Молдова литературная. 2006. № 1-2. С. 179-185.
18. *Арабаджиу Р.* Судьба примадонны. Кишинев, 1989. С. 38, 55.
19. Подробнее см.: *Пожар С.* И звезда с звездой говорит. // Новая столица. 2000, № 4. С. 20-23.
20. Подробнее см.: *Пожар С.* Патриотизм на ниве музыки. Цит. изд.
21. *Котляров Б.* Из истории музыкальных связей Молдавии, России, Украины. Кишинев, 1982.
22. *Арабаджиу Р.* Свет далекой звезды // Кодры. Молдова литературная. 1992, № 12. С. 217.
23. *Пожар С.* Ее поют и слушают... // Новая столица. 2000. № 3. С. 3.
24. *Асаки Г.* Цит.изд. С. 160.
25. Там же.
26. *Пожар С.* «Гордиться славой своих предков...» Познавательно-критический этюд на музыкальную тему // Кодры. Молдова литературная. 1993. № 4. С. 226-235.

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org/>

Сайт создан в 1999 г. для противостояния ставшей официальной националистической версии истории на Украине. Содержит материалы по истории украинского раскола, создания искусственной "мовы" и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных критиков украинской идеи (С. Сидоренко).

Наталья ЮРЧЕНКО

ОБРАЗЦЫ РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КЛАССИЦИЗМА В КИШИНЕВЕ: ЖИЛЫЕ ДОМА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

К позитивным последствиям, наметившимся в экономической, общественно-политической и культурной жизни Бессарабии после вхождения ее в 1812 г. в состав Российской империи, несомненно, следует отнести и преобразования в области архитектурно-градостроительной практики. В первую очередь это связано с организацией самого архитектурного процесса, переводом его на профессиональные «рельсы».

Дело в том, что вплоть до XIX ст. основными постройками на территории нынешней Молдавии были сельские жилые дома, поскольку большую часть ее населения составляли крестьяне. Городские строения этого времени также мало чем отличались от сельских. Из одиннадцати официально зарегистрированных в начале XIX в. городов: Измаила, Аккермана, Хотина, Бендер, Рени, Килии, с 1818 г. – Кишинева, Бельца, а с 1835 г. – Сорок, Оргеева и Кагула¹, лишь два – Бендеры и Кишинев можно было назвать городами, и то достаточно условно.

С присоединением же к России наблюдается существенный поворот в преображении архитектурного облика большинства крупных населенных пунктов Бессарабии, феодальная форма землевладения которых сменяется государственной. Шаг за шагом они теряют привычный сельский вид, и не только в результате отхода от традиций народного жилища в планировке и внешнем оформлении зданий, но, что более важно, – благодаря изменениям типологии сооружений и принципов решения городского пространства. Именно в этот период происходит постепенное формирование урбанистической среды края: закладываются основы регулярного, планового развития его земель, а сами города начинают приобретать европейские черты, что, бесспорно, имело прогрессивное значение.

Наиболее ярким примером, аккумулировавшим в себе вышеперечисленные тенденции новой градостроительной культуры, развивающейся отныне под влиянием классической и, прежде всего, русской архитектурной школы, может служить Кишинев, провозглашенный в 1818 г. административным центром Бессарабской области. Особый

Дом галерейного типа первой трети XIX в. по б. Азиатскому пер. в «нижней» части Кишинева. Фото начала 1950-х гг. (дом не сохранился)

статус Кишинева как стратегически важного опорного пункта юга Российской империи выдвинул его в число городов, система планировки которых нуждалась в срочном, а главное, качественном переустройстве. Данные мероприятия были вполне обоснованны. Политика урегулирования планов наиболее крупных городов последовательно осуществлялась на протяжении всего XVIII столетия.

Но особенно актуальной она стала в последней трети XVIII – начале XIX вв., в связи с увеличением количества средних и мелких городов в центральной части страны, а также с освоением новых южных территорий, в том числе в Бессарабии, отвоеванных в ходе успешных боевых операций у Турции в 1806-1812 гг.

После 1812 г. земли, лежащие между Днестром и Прутом, явились своеобразным плацдармом для закрепления влияния России на Балканском полуострове, поэтому создание здесь административного центра, своим обликом соответствовавшего главенствующему положению в данном регионе и одновременно подчеркивающего принадлежность к Российскому государству, стало для правительства империи задачей первостепенной важности. Вполне закономерно, что прежде всего преобразованию подверглась именно планировка Кишинева.

Старый город не отвечал предъявляемым к нему требованиям. Приютившийся изначально в долине, на самом берегу местами запруженной речки Бык, ограниченный ею с одной стороны, а с другой – современной ул. Колумны; с северо-запада на юго-восток вплотную примыкавший к вотчинам монастыря Галата (Боюканам и Мунчештам), собственностью которого до 1818 г. и являлся, Кишинев как владельческое местечко представлял собой огромную массу сельских полуобвалившихся хижин и домов, обнесенных плетнями и разбросанных так произвольно в узких, кривых и часто глухих улицах, что ни о какой упорядоченности в планировке его не приходилось и говорить.

Город предстояло возвести как бы заново, опираясь на принятые тогда в русском градостроительстве классические регулярные схемы.

Одна из таких схем со строго продуманным расположением главной улицы и соподчиненных ей площадей, с выверенными размерами и определенным количеством кварталов, их четкими геометрическими очертаниями и была предложена Кишиневу. Значение ее трудно переоценить, поскольку внедрение ее в практику позволило в относительно короткие сроки, уже к середине XIX в., выдвинуть Кишинев в ряд крупных городов Российского государства.

Законодательно генеральный план Кишинева, в основу которого легла обозначенная градостроительная структура, был утвержден в 1834 г. Однако планирование по регулярной классической схеме началось задолго до этого, о чем свидетельствует сравнительно недавно ставший известным проектный план 1817 года. В нем можно заметить, как город четко делится на две половины – «нижнюю» старую часть города с запутанной системой средневековых улочек и новую «верхнюю», разбитую на строгие, геометрически правильные кварталы. Здесь впервые намечена главная улица города – Московская (ныне бульвар Стефана Великого), отведено место для строительства нового собора и разбит публичный сад. Важно отметить, что в плане 1817 г. было не только зафиксировано зарождение градостроительных узлов, которые впоследствии составили основу нового Кишинева, но и предусматривалась возможность дальнейшего роста города. В самой верхней его части, с трех сторон от центрального ядра были задуманы геометрические кварталы, уравнивающие общий симметричный строй Кишинева.

Но если планировка «верхней» территории в первые же десятилетия XIX в. стала приобретать неоспоримое градостроительное значение для развития всего Кишинева в целом, то объемно-пространственная структура его находилась еще в стадии становления и по сути представлена была одноэтажной (реже двухэтажной) жилой застройкой, торговыми рядами, складами, казармами и карантинными службами. Возводилось большинство из упомянутых новых для Бессарабии типов сооружений по так называемым «образцам» (типовым фасадам), распространяемым в виде подборки их в альбомах по всем губерниям и областям России². Будучи прямым следствием осуществлявшихся градостроительных преобразований, они сыграли немаловажную роль в формировании облика классического Кишинева.

Подобное строительство по «образцам» явилось острой необходимостью для всего Российского государства. В связи с быстрым ростом его городов в первой трети XIX века, когда объем строительных работ значительно возрос, а архитектурных кадров по стране явно не хватало, вопрос об упорядочении их застройки мог быть решен только с введением проектов регламентированных фасадов. Так, уже в 1813-

1816 г. на улицах Кишинева возникают одноэтажные, с рустованным цоколем и классическим портиком у входа первые казенные заведения «официальной» архитектуры – острог и госпиталь, о которых в 1816 г. в официальном документе было сказано как о немногих «заслуживающих особенного внимания»³. И вовсе не вина в том первого бессарабского областного архитектора и землемера М. Озмидова, что сии дома не могли украсить собой «азиатски»-пестрый вид Кишинева (о чем так сожалели современники). Сугубо утилитарное назначение этих зданий не требовало репрезентативной «внешности», но в то же время давало возможность при ограниченных строительных средствах с помощью типовых классических элементов придать им облик государственных учреждений.

Одновременно использование типовых фасадов распространилось как на казенное, так и жилое строительство, которое могли себе позволить видные чиновники, купцы и молдавские бояре, занимавшие ответственные посты в городском правлении. Так, начиная с 10-х годов XIX в. появляются первые дома в «официальном» классическом стиле, причем в двух его вариантах – ордерном и так называемом безордерном. Наиболее же интересной разновидностью жилых сооружений следует, пожалуй, признать здания с использованием ордера и особенно одноэтажные дома с галереями по главному фасаду. В первой трети XIX в. они являлись одними из самых многочисленных жилых построек, в которых нашло отражение, быть может, самое оригинальное преломление приемов русской классицистической архитектуры в местных природных условиях, сочетание их с народной строительной практикой.

К сожалению, сейчас таких зданий в Кишиневе не сохранилось, но в архивах нами обнаружены снимки аналогичных сооружений, существовавших в городе еще в 50-е годы прошлого века, а также дореволюционные открытки, на которых запечатлены улицы Измаила, Бельц, Рени и других городов Бессарабии, застроенные домами с классическими портиками и колоннадами. Все это дает возможность предполагать, что, наряду с безордерными классическими постройками, в Кишиневе в 20-30-е годы XIX века возводились жилые дома, в которых удачно сочетались как приемы классицистической архитектуры, так и черты народного общеславянского типа жилища. Главная отличительная черта этих зданий – открытая галерея – свидетельствовала, с одной стороны, о следовании традициям сельского южного дома, (в котором фасад ввиду жаркого климата обычно был оттенен деревянной галереей), а с другой – о влиянии русского усадебного строительства. Привычный для общественных сооружений портик превратился в этих зданиях в галерею, а традиционные молдавские колонки транс-

формировались в несущие колонны. Здания с такими «портиками-галереями», решенные очень лаконично, были вполне оправданы в климатических условиях Бессарабии.

Имея в своей основе мотив молдавского национального жилища, подобные многократно повторяемые дома носили уже городской характер и стилевые черты архитектуры русского классицизма. Планировочная структура этих домов, можно предполагать, решалась традиционно, по принципам построения народного жилища, с которым одноэтажные галерейные дома имели общую объемно-пространственную композицию. В основе плана их – вытянутый прямоугольник, разделенный коридором-сенями (тиндэ) на три части. Сени располагались, как правило, посередине между двумя равными половинами дома. В одном торце такого дома размещалась каса маре – зал для приема гостей к хранения наиболее ценных вещей, в другом – жилая комната (кэмарэ), в которой семья проводила почти все время. Количество помещений позднее в домах зажиточных горожан могло увеличиваться, но при этом неизменным оставалось следование трехчастной планировочной схеме дома (очень редко появлялись четырех- и пятичастные дома), где различные по своему функциональному назначению комнаты, сгруппированные в своеобразные блоки, были четко разграничены между собой.

В том, что планировочная структура галерейных жилых домов была организована именно таким образом, убеждают и примеры усадебного строительства в северных и центральных районах современной Молдавии, которые по сути являются промежуточным звеном между сельским народным домом и городским особняком.

Приверженность к трехкамерному жилому дому сохранялась в городской архитектуре Бессарабии и в дальнейшем, на протяжении всего XIX века, но в основном в домах среднего и низшего сословий.

Что касается ордерной классической системы, все чаще используемой в трактовке фасадов, то за нею постепенно утверждалось положение respectable. Это способствовало тому, что наиболее крупные боярские особняки, а также новые публичные строения в верхнем городе стали возводиться только с применением ордера. Поначалу, в первые десятилетия XIX в., такие жилые здания носили еще переходный характер от самобытного сельского дома к светскому городскому особняку. Выражалось это не только в уже известном нам трехчастном распределении помещений, но и в совмещении на главном фасаде элементов пространственной композиции, свойственных русскому классицизму, с одной стороны, например, портика, и характерных для народного зодчества, с другой, – крыльца с лестницей. Таковы были многие не дошедшие до наших дней двухэтажные жилые дома бояр

пушкинского времени, среди которых хочется отметить особняк Катакази, который находился в «нижней» части города, в районе нынешнего культурно-развлекательного комплекса «Москова» (не сохранился). Типичный по своей объемно-пространственной организации народный жилой дом, он имел уже четырехколонный ампирный портик с треуголь-

Дом галерейного типа первой трети XIX в. по б. ул. Кагульской. Фото начала 1950-х гг. (дом не сохранился)

ным фронтоном (правда, поднятый на традиционный цокольный этаж, используемый под погреб), который придавал зданию представительность и монументальность, отсутствовавшую в безордерных и, подчас, одноэтажных домах галерейного типа. Сам портик был трактован также весьма оригинально: три его колонны покоились на цоколе, а одна крайняя была поставлена отдельно на высокий пьедестал. Объяснялось это прохождением между ними наружной лестницы, ведущей на своеобразную галерею-крыльцо, оформленную снаружи как портик. У подобного боярского дома наблюдался более широкий ареал распространения, нежели у одноэтажного галерейного, характерного преимущественно для Бессарабии.

Наличие аналогичных домов бояр отмечалось в начале XIX в. и в Молдавии, и в Валахии. Жилые помещения в таких зданиях, как правило, находились на втором этаже, вход на который решался крыльцом с лестницей, декорированным под классический портик⁴. Постепенно обязательное крыльцо с лестницей стало уступать место «чистому» портику.

Самым значительным среди частных жилых сооружений первой трети XIX в. в Кишиневе можно считать так называемый второй дом Е.К. Варфоломея. Возведение его в 1820-1829 гг. было предпринято на территории верхнего города по ул. Московской, напротив городского сада. Постройка эта окончательно разорила его владельца. Недостроенной она вскоре перешла в государственную казну, и в ней разместилась канцелярия гражданского губернатора. Дом не сохранился. Лишь по фотографиям можно судить сегодня о его былом величии. Широкая парадная лестница полукольцом огибала цент-

ральный вход в здание⁵ и являлась стилобатом для восьми внушительных, высотой в два этажа ионических колонн. Завершены они были не менее выразительным в своем изгибе антаблементом. Вместе они образовывали как бы открытую полуротонду, которая пространственно была противопоставлена простому, вытянутому в плане прямоугольнику основного объема. Ордер здесь был независим от внутренней структуры здания, величественен, даже несколько холоден в сравнении со своим аналогом в одноэтажных домах галерейного типа. Там колонны были почти скульптурны, вылеплены, что называется, от руки, что обуславливалось не столько несовершенными методами строительства, сколько невозможностью выразить иначе их тектоническое соответствие с традиционно малой высотой самих сооружений. В доме же Варфоломея ордерный портик или «полуротонда» определяли весь художественный эффект композиции здания. Все это указывает уже не на опосредованное (через народное зодчество) проникновение классицистических приемов в архитектуру Бессарабии, а на более прямое заимствование ордерных форм.

Дом был построен по заказному проекту – нет сомнения, и прообразом ему послужили, скорее всего, русские подмосковные усадьбы эпохи классицизма. Таким образом, несмотря на исключительные обстоятельства строительства (затраты огромных денежных средств, которые мог позволить себе не каждый бессарабский боярин и крупный чиновник), сооружение подобного дома может быть отмечено как факт появления в 20-х годах в Бессарабии еще одного типа городского особняка, отличающегося чертами, присущими непосредственно усадьбам метрополии: монументальностью, парадностью и одновременно изяществом и благородством строгих классических линий.

Со второго дома Варфоломея начинается и отсчет сооружений (и не только жилых), возведенных в Кишиневе профессиональными зодчими. Автор проекта дома Варфоломея неизвестен. В архивных документах нами обнаружено лишь имя архитектора, составившего смету на строительство и руководившего его достройкой⁶. Им был Осип Иванович Гаскет (ок. 1800 г. – после 1845 г.), в 1826 г. получивший должность кишиневского городского архитектора⁷. В 1836 г. он был назначен бессарабским областным архитектором⁸. Ему принадлежит и авторство известного жилого дома купца Гладиллина (к сожалению, разрушенного, но еще недавно существовавшего по ул. Александра Доброго)⁹. С этим зданием связано появление третьей разновидности ордерного дома в Кишиневе.

Входя в число построек галерейного типа, этот двухэтажный дом, появившийся в 30-е годы XIX века, имел уже ряд существенных отличий как в художественно-образном, так и функциональном решении

Дом купца Гладиллина, 1831 г. (архитектор О.И. Гаскет) по ул. Харлампиевской (ныне Александру чел Бун). Фото начала 1950-х г. (дом не сохранился)

по сравнению со своими прямыми предшественниками – одноэтажными жилыми домами с приземистыми классическими колоннами по главному фасаду. Если одноэтажные дома «с колоннами» непосредственно продолжали традиции молдавского национального жилища и по своей планировке, и по композиции, и даже по выбору и характеру обработ-

ки строительного материала (известная доля рукотворности присутствовала не только в формовке глиняно-плетневых стен, но и в лепке колонн), то в зданиях, подобных дому Гладиллина, черты классической светской архитектуры, пришедшей из России, были выражены гораздо определеннее и превалировали над региональными.

Эти дома имели более капитальный характер. Кустарные методы производства строительных работ при их возведении, конечно, еще продолжали сохраняться, но теперь на смену драни и глиняным кирпичам пришел камень. Стены выкладывались из бута, то есть грубо колотого камня; несущие колонны первого этажа вытесывались из котельца – блоков местного пиленого песчаника, плотно пригнанных друг к другу; а облегченные колонны второго яруса обшивались досками, заполненными внутри битым камнем, и штукатурились. Что касается функциональной организации таких жилых домов, то она была также принципиально усовершенствована, но не по части планировки самих помещений (которые остались почти без изменений), а по принципу зонирования внутреннего пространства на квартиры хозяев, квартиры, сдаваемые внаем, и помещения, используемые под торговые лавки. Здесь мы впервые сталкиваемся с новым типом жилого дома первой трети XIX в., совмещающим в себе уже различные функции.

Данное обстоятельство не могло, естественно, не найти отражения и в композиционной структуре здания. Так, одна из обязательных со-

ставных частей бессарабского дома – открытая затененная колоннада опоясывала сооружение уже не только с главного, но и с дворового фасадов. При этом вход в комнаты второго этажа с лицевой стороны дома (очевидно, квартиры владельцев) осуществлялся через одну или две лестничные клетки, находящиеся по бокам здания. Вход же в комнаты второго этажа, сдаваемые в аренду, с тыльной стороны дома, был непосредственно с галереи, на которую вели наружные деревянные лестницы. Комнаты первого этажа в этих зданиях обычно использовались под магазины. Позднее, если дом переходил в государственную казну, в них могли размещаться служебные конторы и т.п.

Таким образом, в середине 30-х годов в Кишиневе наряду с парадным особняком знати формируется еще один тип жилого здания, являющийся в основе своей переходной ступенью к будущему доходному дому. Характер обработки фасада и устройство галерей со стороны двора на всех этажах дают право предполагать, что это был один из первых в Бессарабии образцов купеческого доходного дома с квартирами, сдаваемыми внаем вместе с лавками.

Рассмотренные нами типы зданий не только придавали Кишиневу особый колорит, но и во многом обуславливали его архитектурную специфику в первой трети XIX века. Именно в них нашел отражение тот естественный процесс взаимопроникновения элементов молдавского народного зодчества и ордерных мотивов русского классицизма, из которого родился своеобразный дом «с колоннами», ставший в эти годы определяющим в облике большинства городов Бессарабии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков В.И. Города Бессарабии 1812-1861 годов. Очерки социально-экономического развития. Кишинев, 1864. С. 4.
2. Собрание фасадов е.и.в. высочайше апробованных для частных строений в городах Российской империи. Ч. 1-4. СПб., 1809-1812.
3. Статистика. Описание Бессарабской области, составленное Павлом Свиныным в 1816 году // Записки одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. С. 252-253.
4. Григоре Ионеску. Архитектура Валахии, Молдавии XVIII – первой половины XIX в. // Всеобщая история архитектуры. Т. 7. М., 1969. С. 297-299.
5. Этот вход, о котором идет речь, находился с тыльной стороны дома. Фасад же, выходящий на центральную Московскую улицу был оформлен проще – портиком со скошенными углами, в чем проявилась, кстати, свобода в обращении с классическим материалом.
6. НАРМ. Ф.2. Оп.1. Д. 1137.
7. Там же. Ф.75. Оп. 1. Д. 934.
8. Там же. Ф.2. Оп.2 Од. 79.
9. Там же. Ф.75. Оп.1. Д.711 Д. 1474.

Людмила ТОМА

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ДМИТРИЯ СЕВАСТЬЯНОВА (1908-1956)

Дмитрий Севастьянов, живописец редкого колористического дарования, давно признан классиком молдавского изобразительного искусства. Среди наиболее популярных произведений 1940-1950-х годов – его картины «Штефан Великий перед битвой при Бырладе», «Жо-яна», «Портрет колхозника», которые часто экспонировались и воспроизводились в альбомах. Но в целом творчество мастера мало изучено. Остались в тени обстоятельства его жизни, годы формирования личности, недооценены и забыты многие его полотна и рисунки. В брошюре Л. Чеззы «Дмитрий Севастьянов» (1960) тенденциозно освящен только

советский период творчества художника.

Недолгая жизнь Д. Севастьянова была насыщена событиями, как радостными, так и драматическими, его труд не лишен противоречий, но достоин внимательного исследования и объективной оценки. Задача осложняется тем, что о начале его пути можно судить лишь по очень немногим сохранившимся полотнам и ряду репродукций в каталогах и прессе. Поэтому очень ценны характеристики работ художника, данные обозревателями выставок тридцатых годов.

Дмитрий Севастьянов родился 26 октября 1908 в городе Тулча (Добруджа), в семье русских старообрядцев, обосновавшихся сначала в Бессарабии, затем переехавших в Румынию. Отцу троих детей, по про-

фессии сапожнику, было уже 65 лет, когда появился на свет Дмитрий. Способный к искусству юноша, работая помощником маляра, сам скопил необходимую сумму для поступления в Бухарестскую академию художеств (1927). Как и его земляк Александру Чукуренку, он обучался у крупного мастера, замечательного педагога – Камилла Рессу. Некоторая разница в возрасте (пять лет) и опыте (четыре учебных года) не мешала дружескому сближению студентов, чему способствовала и летняя практика в Свободной школе живописи Бая Маре.

Со студенческих лет Д. Севастьянов, тогда называвшийся Думитру Севастьян, участвовал в конкурсах. Художник Иосиф Бене, вспоминая о конкурсе 1929 года на получение стипендии „Fontenay-aux Roses”, вспоминал спустя много лет, что из 28 претендентов на последний этап вышло пять живописцев и три скульптора, «среди них Чукуренку, Ирмеску /.../ и талантливый живописец Севастьян, умерший слишком рано»¹. Критики сразу обратили внимание на работы Д. Севастьяна, называя его среди тех, чьи «произведения выделяются подлинными качествами»².

Наряду с живописью молодой художник выставлял рисунки и гравюры – «Рабочий пейзаж» (1931), «Прачка» (1932), «Резчик по дереву» (1933). В них сказывается демократическая тенденция румынского искусства, очевидно, воспринятая от Камилла Рессу и близкая ему самому, выходцу из простонародной среды. Пейзаж, в котором запечатлена окраина города с одинокой фигурой идущего рабочего, перекликается с городскими мотивами Штефана Лукьяна. Чуткость молодого художника к жизни бедного люда не приводит к бытописанию, он передает унылое состояние, используя лаконичные приемы графики. Обозреватель выставки «Официальный салон» 1934 года отмечает индивидуальное своеобразие Севастьяна, его «серьезность, уверенность в постановке проблем и в их разрешении.»³.

Молодой художник проявил себя и в качестве искусствоведа⁴, будучи в 1933-1934 гг. сотрудником журнала „Arta și omul” («Искусство и человек»). Но по мере успеха в живописи он отдаёт ей почти все время. Оригинальность его работ признают авторитетные критики, среди которых известный искусствовед Джордже Опреску.

Первые персональные экспозиции работ Д. Севастьяна в 1935 и 1936 гг. сделали художника заметной фигурой среди молодых живописцев⁵. Композиция «Nud» (1936, музей К. Замбакчана) была куплена крупным коллекционером, тонким знатоком искусства Кликором Замбакчаном. Она интересна не только светоносным колоритом, легкостью и уверенностью письма, но и как свидетельство дружбы с Чукуренку: та же модель, в интерьере на стене – известная картина Чуку-

ренку «Натюрморт с зеркалом». О скромном быте свидетельствуют лампочка без абажура под низким потолком, простая печь.

Сложные живописные задачи блестяще решены в написанной в Балчике «Одалиске» (1937): золотистость кожи выделена тонко нюансированным белым цветом блузы, накидки, фона и поддержана плотными тонами волос, жилета. Как видно, не случайно Д. Севастьян победил в конкурсе на государственную стипендию для двухгодичной стажировки в Риме (1937–1939). Созданные там работы он показал весной 1940 года на персональной выставке, широко освещенной в прессе. Критик Ионел Жиану усмотрел влияние современных итальянских живописцев в его предпочтении холодной тональности и в тенденции к декоративности. И особенно оценил рисунки, некоторые из которых, по его мнению, похожи на стилизованные этрусские⁶.

Но эти характеристики не подходят к «Автопортрету» (1938, Национальный художественный музей Румынии), исполненному с несомненным артистизмом: легкие экспрессивные линии акцентируют раскованность жеста, а лучезарный колорит выделяет серьезность серых глаз, передает дыхание жизни. Здесь чувствуется почитание и Ван-Гога, и Матисса, хотя молодой художник не заимствует приемы, посвоему претворяя принципы постимпрессионизма и фовизма.

Красота живописи Д. Севастьяна восхищала бессарабцев Михаила Греку, Фиру Брик (ставшую позднее супругой Греку), Аду Зевину, которые учились в Бухарестской академии художеств в конце тридцатых годов. М. Греку вспоминал: *«Я встретил его в Балчике в 1936 году, но знал о нем и раньше. Он был для меня самым талантливым художником из молодых. Когда я смотрел его «Одалисок» или «Апельсины», у меня перехватывало дыхание. Письма, которые писал он мне из Италии, я читал лихорадочно. Они зажигали меня его великой любовью к прекрасному»*⁷.

Д. Севастьянов приехал в Кишинев осенью 1940 года вместе с друзьями, которые возвращались в Бессарабию после ее присоединения к Советскому Союзу. Как и они, он не принял профашистскую политику румынского правительства и верил красивым лозунгам о строительстве светлого будущего в Стране Советов. Но надежда на свободный труд в Молдавии не оправдалась: интеллигенции, воспитанной в атмосфере европейского плюрализма мнений, навязывались вульгарные эстетические критерии.

Привлеченный к выполнению панно для павильона Молдавии на Выставке достижений народного хозяйства СССР в Москве, Дмитрий Севастьянов вместе с Моисеем Гамбурдом, Виктором Ивановым и Евгенией Гамбурд разработал большой эскиз композиции «Встреча Красной Армии с населением Бессарабии». Панорамный пейзаж и теп-

лый колорит передавали своеобразие края, а облик персонажей – разнообразную гамму чувств. По требованию комиссии ВДНХ авторам пришлось существенно переработать композицию, и в результате снизилась роль природной среды и появилась излишняя торжественность. Это был вынужденный компромисс ради сохранения авторства и, разумеется, заработка. Тем не менее, панно было выполнено на хорошем профессиональном уровне, и в виде поощрения авторам оплатили поездку в Ленинград для посещения музеев. Из русских мастеров Севастьянову более всего импонировала живопись Константина Коровина – как своеобразный русский вариант импрессионизма⁸.

С началом войны Д. Севастьянов был призван в армию, попал в немецкий плен, после освобождения вновь присоединился к советским войскам и участвовал в боях на территории Венгрии и Австрии. В свободные минуты он рисовал. Сохранился пожелтевший тетрадный листок с «Автопортретом» (1944, послан с фронта вместе с письмом Аде Зевинной), в котором напряженность состояния передана экспрессией разнообразных линий, штрихов.

Нелегко протекала жизнь художника в период послевоенной разрухи, голода засушливых лет и сталинских репрессий. Избранный председателем секции живописи Союза художников Д. Севастьянов должен был подавать пример, создавая картины ангажированной тематики. А это давалось непросто. Творцов искусства обязывали демонстрировать трудовой пафос тружеников, дабы *«воспитывать советскую молодежь бодрой, жизнерадостной, способной преодолеть любые трудности»*⁹. Но идеалы расходились с реальностью. На одном из собраний коллектива художников Д. Севастьянов признался в порядке самокритики: *«Никто из нас не работает систематически и не понимает жизни»*¹⁰. Ясно, что имелась в виду не подлинная действительность, а начертанная в лозунгах.

Художника больше привлекали простые мотивы, наблюдаемые в жизни («Пахота», «Молдавский базар», «Лесник»), и непритязательные сельские пейзажи. Изменив прежнюю свою стилистику, он выявляет взаимосвязь предметного мира с пространственной средой. Сохраняется присущая ему поэтичность видения, свобода письма и свежесть колорита. Но не всегда так. Некоторые портреты, созданные по заказу, написаны в академическом духе, без вдохновения, с излишним вниманием к моделировке объемов. Сказываются уступки автора требованию жизнеподобного воссоздания вещественных признаков натуры.

Руководящие деятели порицали живописца за «импрессионизм видения», за предпочтение писать этюды, а не тематические картины. Ему, как и другим художникам «с грузом прошлого», нужно было пе-

реучиваться, осваивая метод социалистического реализма. С этой целью их направляли на творческие базы Подмосковья. К счастью, кураторами оказались незаурядные личности – А. Бубнов, М. Шегаль, Н. Соколов, Г. Нисский – им самим приходилось выдерживать несправедливую критику, и они не ограничивали свободы подопечных. Имела значение и возможность посещать столичные музеи, изучать любимых мастеров, тогда как в Кишиневе принимались весьма крутые меры «перевоспитания» сложившихся художников, вплоть до исключения их из творческого союза.

Первая многофигурная композиция Д. Севастьянова *«Стефан Великий перед битвой при Бырладе»* (1947) решена в романтическом ключе, но без героического пафоса. Из густого предрассветного тумана выступают пешие воины во главе с мудрым господарем, возвышающимся на коне. К нему в ожидании приказа обернулся молодой пушкарь передовой позиции. Дальние всадники вырисовываются общим силуэтом. Необычный для автора темный колорит служит созданию атмосферы таинственности.

В картинах современной тематики *«На вечное пользование земель»* (1950-1954), *«Сбор винограда»* (1953-1955) художник заботился не столько о раскрытии декларативной идеи, сколько о выявлении специфическими средствами живописи природного своеобразия края. В период их подготовки создавались многочисленные эскизы и этюды, написанные с вдохновенной раскованностью. Так, в пейзаже *«Виноградники»* (1953) игра красок, нанесенных порывистыми мазками, выражает энергию жизненных сил и создает эффект янтарного свечения спелых ягод среди листвы, пожухшей от солнца, а в тени сохранившей изумрудную глубину тона.

Ряд работ имеет не только подсобное, но и самостоятельное значение. *«Портрет колхозника»* – погрудное изображение старика на фоне синего неба – в последствие признан одним из наиболее выразительных народных образов в молдавской живописи.

На одном из творческих отчетов Д. Севастьянова обвинили в неоправданных затратах на работу, якобы не способствующую выполнению заказанных ему картин. Художнику пришлось объяснять, что писал этюды на пленэре в свободное время, что на выезд в сельскую местность не получал денег от Художественного фонда¹¹. Труднее было оправдать свою увлеченность живописной красотой.

Картина *«Жояна»* (1956), последняя работа Д. Севастьянова, осталась местами недописанной, отчего вовсе не пострадала ее пластическая целостность. Впечатляет необычная интерпретация трудовой темы в жанрово-лирическом ключе. Световым потоком, льющимся из окон просторной фермы, выделен новорожденный теленок, неуверен-

но делающий первый шаг. Атмосфере доброй заботы о нем животноводов соответствует теплый колорит, в котором доминируют золотистые тона, то приглушенные, то вспыхивающие.

Художник не успел вдохнуть свежего дуновения наступающей «оттепели», чтобы воспламенить свой мощный потенциал, полнее используя опыт своего раннего творчества. Задачи живописно-пластической экспрессии, возникшие в Молдове на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов, оказались близкими тем, которые прежде увлекали Д. Севастьянова. Художники, помнящие ранние полотна мастера, осознали драматизм его судьбы. *«Нельзя пренебрегать своим талантом, своими эстетическими критериями, добытыми тобой в труде./.../ Природа так щедро одарила его талантом, что он с ним даже не считался»*,¹² – размышлял Михаил Греку. Эти мысли актуальны и в наши дни.

Лучшие работы Дмитрия Севастьянова, отражающие его своеобразное живописное видение и дающие пример творческого освоения культурных традиций великих предшественников, необходимо чаще популяризировать на выставках. И, несомненно, что несправедливо забытый мастер достоин издания хорошего альбома.

Д.К. Севастьянов. Жояна. 1956 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bene Iosif*. Anii de studenție. „Arta plastică”, 1964. Nr.12. P. 629.
2. *LabinGh*. Salonul de toamnă. Pictura.”Axa”, 1932. 20-X...
3. Arta și omul. 1935., Nr.22. P. 339.
4. Статьи „Portretul lui Vodr Broncoveanu”, „Boris Carajea”.
5. *Tudor Andrei*. Însemnări plastice. „Zorile”. 1936. 6-XII.
6. *Jianu Ionel*. Les dernieres expozițion. „Le Moment”. 1940. 16-Y. P.1.
7. Михаил Греку. Первые наши художники // Вечерний Кишинев. 1967. 12 июня. С. 3.
8. По воспоминаниям художницы Анны Баранович, супруги Д.Севастьянова Записи бесед с ней из архива Л. Тома.
9. Там же. Дело 12. Л. 121.
10. НАРМ. Фонд Р-2906. Оп. 1. Дело 55. Л. 1.
11. Там же, Дело 67. Л. 54.
12. *Греку М.* Первые наши художники // Вечерний Кишинев. 1967. 12 июня. С. 3.

ПОДПИСКА НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ “РУСИН” НА 2007 ГОД!

Периодичность выхода – 1 раз в квартал.

Объем – 172-240 стр.

Формат – А5.

Тематика: история русинского этноса.

Язык: русский, русинский. По согласованию с редакцией допускаются публикации и на других языках.

Рубрики: история, языкознание, знаменитые русины, публицистика, архив.

На журнал объявлена подписка. Стоимость подписки на один экз. с учетом почтовых услуг (бандероль с уведомлением):

- **США и Канада (авиа)** - 16 USD (все комиссии платит плательщик, при перечислении просим указать факт оплаты комиссии в платежном документе)

- **Европа** - 9 EURO (все комиссии платит плательщик, при перечислении просим указать факт оплаты комиссии в платежном документе)

- **Украина** - 45 гривен

- **Россия** – 280 рублей

- **Молдавия** - 35 леев

Адрес редакции см. с. 208

СЕРГЕЙ СУЛЯК**ИМИ ГОРДИТСЯ МОЛДАВИЯ**

Биографии некоторых известных общественно-политических, религиозных, военных и культурных деятелей Молдавии

Банулеску-Бодони Гавриил (мирское имя **Григорий**, 1746, Быстрица-Нэсэуд, Трансильвания, Австро-Венгрия – 30. III. 1821, Кишинев). Митрополит Кишиневский и Хотинский, видный религиозный и общественный деятель Юго-Западной Руси. Происходил из древнего молдавского рода, отец – дворянин. По окончании школы Б. отправляется в Будапешт, затем в 1771-1773 гг. обучается в Киевской духовной академии. Потом в течение трех лет продолжает свое образование в Греции. В 1776 г. возвращается на родину и становится учителем в г. Нэсэуд. В 1778 г. преподает латинский язык в Ясском училище (Молдавское княжество).

В 1779 г. принимает в Константинополе монашеский постриг с именем Гавриила. Возвратившись в Яссы в 1781 г., получает кафедру греческого языка в Ясском училище, рукоположен в иеродиаконы, а затем в иеромонахи.

По приглашению архиепископа Славяно-Херсонского Никифора (Феотоки) Б. отправился в Полтаву, где в 1782 г. становится учителем греческого языка в Славянской семинарии. В 1783 г. его назначили инспектором этой же семинарии и учителем философии.

В 1784 г. Б. вернулся в Яссы, где был возведен в сан архимандрита. В 1787 г. Б. приехал в Россию. В 1788 г. архимандрит Гавриил становится ректором Екатеринославской семинарии и преподавателем греческого языка. В 1789 г. русские войска занимают Молдавское княжество. 26 декабря 1791 г. архимандрита Гавриила хиротонисали в Яссах в епископа Бендерского и Белградского. 11 февраля 1792 г. указом императрицы Екатерины II Б. был возведен в сан митрополита Молдавии и Валахии. Но после того, как русские войска оставили Молдавию, это служение продолжалось недолго.

19 июня 1792 г. за отказ отречься от молдо-влахийской кафедры Б. был арестован и отправлен в Константинополь, где находился под стражей в течение четырех месяцев. При аресте Б. заявил, что его задержание незаконно, т.к. он является русским подданным. По требованию русского правительства Б. был освобожден и прибыл в Россию.

10 мая 1793 г. Б. был назначен митрополитом Екатеринославским и Херсоно-Таврическим с местопребыванием в г. Полтаве. В 1798 г., в связи с изменением административного деления и переименованием города Екатеринославля в Новороссийск, екатеринославский митрополит стал именоваться Новороссийским и Екатеринославским с местопребыванием в городе Новомиргороде. Шесть лет (1793-1799 гг.) владыка был правящим архиереем Екатеринославским, Херсонским и Таврическим, а в 1797 г. – Новороссийским. В период управления епархией митрополит заботился о построении церквей, благоустройстве семинарии. Он отслужил 22 августа 1794 г. водосвятный молебен и заложил первый камень города Одессы, по его благословению в городе построено четыре храма.

3 октября 1799 г. указом Святейшего Синода митрополит Гавриил был назначен на Киевскую кафедру. 7 апреля 1801 г. он определен членом Святейшего Синода и награжден орденом Андрея Первозванного. В это время он борется с распространением католичества и униатства в своей митрополии. Деятельность этих церквей активизировалась после последних разделов Польши.

В августе 1803 г. Б. подал прошение об освобождении его от управления епархией по состоянию здоровья. Митрополит переселился в Одессу. В 1805 г. митрополит переехал в Дубоссары, где прожил еще четыре года на покое.

В 1806 г. русские войска перешли Днестр и заняли Молдавию. В 1808 году Б. вновь был назначен членом Святейшего Синода и руководителем вновь созданной церковной территориально-административной единицы - экзархом Молдавии, Валахии и Бессарабии с местопребыванием в Яссах.

Видя несовершенство и неустройство церковной жизни во вверенной ему митрополии, Б. стал заводить порядки, существовавшие в русских православных церквях. По его предложению, в духовных училищах стали изучать русский язык. Он добился разделения сфер влияния гражданской администрации и церкви, устранения вмешательства властей в церковные дела. В октябре 1808 г. Б. были введены метрические книги во всех приходах Молдавии и Валахии

В результате заключенного 16 мая 1812 г. Бухарестского мирного договора между Россией и Турцией Молдавия и Валахия возвратились под власть Турции, Бессарабия была присоединена к России.

Б. со всем своим штатом переезжает в Бессарабию. Ему поручено создание новой епархии. Новая епархия была утверждена Святейшим Синодом 21 августа 1813 г. Она стала называться, по предложению Б., Кишиневской и Хотинской, и ей был присвоен титул митрополии и экзархии. В нее вошли бессарабские приходы, а также Херсонской губернии с городами Одесса, Тирасполь, Ананьев, Елизаветград.

Митрополит Гавриил со свойственной ему энергией принялся за строительство церквей, митрополичьего дома и здания для семинарии. Недостающую для окончания строительства семинарии сумму он внес из своих собственных средств. При вступлении в должность митрополита Гавриила в Бессарабии было 712 церквей, из них только 40 были каменными. К 1821 г. количество храмов достигло 900. В 1817 г. было построено здание Кишиневской митрополии. В 1818 г. начинается строительство кафедрального собора Рождества Христова, которое было закончено в 1836 г. Начинается реконструкция Киприановского монастыря.

Вместе со строительством митрополит занимался наведением порядка в административном управлении епархией, уделял внимание образованию духовенства, наставляя его достойно проходить свое служение.

Митрополит принял серьезные меры для поднятия нравственного уровня священнослужителей, повел борьбу против бродяжничества, пьянства и других пороков, господствовавших среди бессарабского духовенства.

По ходатайству Б. в 1814 г. была открыта бессарабская типография, в которой печатались книги, необходимые для богослужений, а также для поучения и наставления как духовенства, так и всего православного народа.

Занимаясь благоустройством церковным, Б. принимал участие и в гражданских делах. В то время среди населения Бессарабии врагами России стали распространяться провокационные слухи, будто бы все крестьяне будут отданы помещикам в крепостную зависимость и что надо переселяться из пределов Бессарабии за реки Прут и Дунай. Митрополит в 1815 г. разослал напечатанную на молдавском языке грамоту, в которой уверял народ, что все права и обычаи Бессарабии сохранятся. Эти права в дальнейшем были подтверждены русским правительством. Своим обращением Б. успокоил местное население и привлек новых поселенцев.

26 марта 1821 г. митрополит Гавриил сильно заболел, а 30 марта скончался. Тело митрополита, по его завещанию, было погребено в Киприановском монастыре.

Лит.: Бессарабия. Историческое описание. Посмертный выпуск ис-

торических изданий П.Н. Батюшкова. СПб., 1892; Стадницкий А. Гавриил Банулеску-Бодони, ексарх молдо-влахийский и митрополит Кишиневский. Кишинев, 1894; Флоринский Николай (протоиерей). Жизнь и деятельность митрополита Банулеску-Бодони. Кишинев, 2005.

Берында Памва (мирское имя **Павел**, между 1555-60 – 13 (23).VII. 1632, Киев). Педагог, писатель, филолог, печатник, гравер. Кроме русского, владел церковнославянским, латинским и польским языками. Прибыл во Львов из Молдавского княжества и поступил в братскую школу. Стал членом Балабановского кружка. По поручению епископа Гедеоны Балабана работал печатником и гравером в типографиях в Стратине (1597-1605) и Крилосе (1606-1608). После смерти епископа Гедеоны (1607) некоторое время работал у старосты рогатинского и тербовлянского Александра Балабана. Затем стал активным членом Львовского братства, работал в типографии и школе Львовского Ставропигиона (1613-1619). В 1616 г. издал свою книгу «На рождество...», посвященную львовскому епископу Иеремии Тисаровскому, которая является памятником поэзии и драматургии того времени.

Осенью 1619 г. Б. вместе со своим сыном Лукашем и Степаном Берындой (предположительно братом) переезжает в Киев, в Киево-Печерскую Лавру. Киево-Печерская типография была в то время главной среди западнорусских типографий как по количеству, так и по качеству ее изданий. Здесь он становится редактором, переводчиком, печатником, гравером. В 1620 г. он стал «протосингелом» (главным), а позже – «архитипографом» (заведующим) Киево-Печерской типографией.

В 1624 г. вышел «Номоканон» (сборник из «Кормчей» и других источников, созданных на Афоне) с предисловием Б. Важнейший труд Б. – «Лексікон славенороскій и именъ тлькованіе» (Киев, 1627) – один из первых печатных русских словарей, насчитывающий более 7 тыс. слов и изданный им на собственные средства. Над «Лексиконом славяноросским» он работал более 30 лет. Источниками словаря послужили «Грамматика словенска съвершеннаго искусства осми частей слова и иных нуждных» Лаврентия Зизания, переводы творений отцов церкви и другие произведения.

Когда в типографии Киево-Печерской лавры вышла книга «Беседы св. Златоуста на Деяния апостольские», то в 1624 г. Б., как один из трудившихся над исправлением книги, отправился в Москву с подносными книгами, получив рекомендательные письма от митрополита Иова к царю и патриарху.

Скончался в Киеве в 1632 г. как «протосингел от Иерусалимского патриаршего престола и архитипограф Россия церкви».

Соч.: [Стихотворения]. В кн.: *Українська поезія. Кінець XVI – початок XVII ст. К., 1978; Лексикон славенороський. К., 1961 [факсиміле першодруку 1627].*

Лит.: *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 6. М., 1996; Ваврик В.Г. Краткий очерк галицко-русской письменности. Лувен [Бельгия], 1973; Українська літературна енциклопедія. Т. 1. К., 1988.*

Берында Степан (Стефан, ? – ум. после 1634). Печатник, гравер, поэт. Сподвижник Памвы Берынды, вероятно, его брат. Работал в типографиях в Стрятине, затем во Львове. В конце 1619 г. переехал в Киев, стал работать в типографии Киево-Печерской лавры. Напечатал около 10 книг: «Лексикон славенороскій и имень тлькованіе» (1629), составленный П. Берындой, «Служебник» (1629) и др. Б. принадлежат две гравюры с собственными инициалами: в «Акафистах» (1629) и в «Парамифии» (1634). Писал стихотворения, одно из них - «Имнология» (1630), поднесенное в день Пасхи Петру Могиле от печерских типографов.

Соч.: [Стихотворения]. В кн.: *Українська поезія. Кінець XVI – початок XVII ст. К., 1978.*

Лит.: *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 6. М., 1996; Українська літературна енциклопедія. Т. 1. К., 1988.*

Богатырецз Кассиян Дмитриевич (5. XI. 1868, с. Кабино Вашковецкого уезда австрийской части Буковины – 25. VII. 1960, Черновцы). Видный общественный, политический и религиозный деятель Буковинской Руси. Окончил начальную школу в с. Кабино, в 1890 г. - с отличием немецкую гимназию в Черновцах. Также с отличием закончил богословский факультет Черновицкого университета в 1894 г. В 1896 г. защитил степень доктора богословских наук, но университетскую кафедру так и не получил из-за своих убеждений. Став деревенским священником, трудился над повышением культурного и материального состояния крестьян, основывал читальни и кооперативные общества, редактировал популярные издания для народа. Руководил русской политической организацией «Народная Рада» на Буковине.

материального состояния крестьян, основывал читальни и кооперативные общества, редактировал популярные издания для народа. Руководил русской политической организацией «Народная Рада» на Буковине.

Был арестован австрийскими властями в начале первой мировой войны. Вначале был сослан в г. Линц, затем переведен в венскую тюрьму. Вместе с И. Цуркановичем возглавил список обвиняемых на Втором Венском процессе, который проходил в Вене с 4 сентября 1916 по 17 февраля 1917 г. Смелая речь Б. произвела сильное впечатление на военный трибунал, который охарактеризовал его следующими словами: «Обвиняемый д-р Богатырец - это просто могущественная, импонирующая личность, которая всесторонним образованием, решительным спокойным выступлением может заставить прислушаться к нему. Когда он говорит, его слова - не пустые фразы». Был приговорен к смертной казни. Освобожден по амнистии последнего австрийского императора Карла I.

После распада Австро-Венгрии Б. был назначен настоятелем прихода в Кицмань и благочинным районов Кицмань и Заставна. Немало работал над воссоединением униатов Закарпатской Руси с православной церковью.

Пастырскую деятельность продолжал до 1940 г. Выйдя на пенсию, поселился в Черновцах, где с 1944 по 1953 г. занимал должность духовника Свято-Введенского женского монастыря. Занимался научной работой. Написал труд по истории Буковинской православной епархии, который не был издан.

Умер 25 июля 1960 г. в Черновцах, был там же похоронен 28 июля 1960 г. при большом стечении народа.

Лит.: Р.Д.М. (Мирович Р.Д.) Апологет Православия перед австрийским военным судом. К 100-летию со дня рождения митрофорного протоиерея д-ра Кассияна Дмитр. Богатырца (1868-1968) // Свободное слово Карпатской Руси. США. 1969. № 3-4 (123-124). Март-апрель; Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. М., 2001; Суляк С. Русины в период первой мировой войны и Русской смуты // Русин. № 1 (3). Кишинев, 2006.

Варлаам (в миру – **Василий Моцок**, 1590, с. Балоешты Путнянского уезда Молдавии, ныне Румыния – 1657, монастырь Секу Нямецкого уезда Молдавии, ныне Румыния). Видный церковный, государственный и общественный деятель, дипломат, писатель, основатель книгопечатания Молдавии, митрополит Сочавский и всея Молдавии. Родился в семье резеша (резеш – мелкий вотчинник). Знал славянский, греческий, латинский языки. В 1628 г. в составе молдавского посольства посетил Москву. В 1632 г. был возведен в сан митрополита Сочавского и всея Молдавии. В 1636 г. В. пишет царю Михаилу Федоровичу о своем желании перевести на молдавский язык толкование евангелия митрополита Калиста, чтобы «иереи читали его в церкви на поучение ве-

рующим молдаванам». В 1640 г. он открыл в Яссах Славяно-греко-латинскую академию. Большую помощь в создании академии оказал митрополит Петр Могила, который направил в Яссы бывшего ректора Киевской академии Софрония Почацкого и других известных книжников. Они организовали Ясскую школу на подобие Киево-Могилянской академии. При поддержке Петра Могилы В. основал в 1641 г. при ясском монастыре Трех Святителей типографию, которой стал руководить Софроний Почацкий.

В Ясской типографии были напечатаны «Казания» митрополита Варлаама (1643 г.), «Семь таинств» в переводе Евстратия Логофета (1645), «Книга, которая называется Ответ на Кальвинистский катехизис» (1645), «Правила» господаря Василия Лупу (1646).

«Казания» - сборник притч и поучений, переведенный со славянского – первая печатная молдавская книга. Она оказала значительное влияние на формирование молдавского литературного языка.

Лит.: История Молдавской ССР. Т.1. Кишинев, 1965; Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2002.

Воробкевич Исидор Иванович (5 (17). V. 1836, Черновцы – 5 (18). IX. 1903, Черновцы). Писатель, композитор, фольклорист, этнограф, педагог. Родился в семье учителя богословия и философии. Оставшись в детстве круглым сиротой, вместе с сестрой и младшим братом воспитывался дедом и бабушкой в местечке Кицмань. Здесь он получил начальное образование, затем учился в гимназии и духовной семинарии в Черновцах. С 1860 г. более 7 лет был священником в селах Давидены и Русская Молдовица. В эти годы он занимался

самообразованием, ознакомился с творчеством М. Шашкевича, Т. Шевченко и других.

Первые стихи начал писать, участь в семинарии. В 1863 г. в журнале «Галичанин» появляется его первая подборка стихов «Думки з Буко-

вини» под псевдонимом Данило Млака. В 1867 г. В. переехал в Черновцы, где в течение 35 лет преподавал музыку и пение в духовной и учительской семинариях, гимназии, реальной школе, университете. В 1876 г. В. учился в Венской консерватории. В. издает ряд учебников и пособий по музыке и пению. Он сочиняет музыку на свои стихи, а также на слова Т. Шевченко, И. Франко, Ю. Федьковича, М. Шашкевича, классиков румынской и молдавской литературы: В. Александри, М. Еминеску и др. В. написал ряд произведений о героическом прошлом народа: рассказ «Турецкие пленники» (1865), поэму «Нечай» (1868), цикл стихотворений «Из несчастной Болгарии» (1876), посвященных освободительной борьбе болгарского народа. Важное место в его творчестве занимала тема тяжелой судьбы русина-крестьянина: стихотворения «Рекруты» (1865), «Панская месть» (1878), рассказы «Цыганка» (1866), «Старый Лесь Черновола» (1901), драматические произведения «Убогая Марта» (1878), «Гнат Приблуда» (1875). Мелодрама «Гнат Приблуда» до сих пор пользуется большим успехом на сцене Черновицкого музыкально-драматического театра им. О. Кобылянской.

В своем стихотворении «Що старий Прут каже» (1892) В., полемизируя с румынскими националистами, называвшими русинов пришельцами, писал:

«На Буковині ви чужі!» -
 Румуни кажуть нам.
 Хліб наш насушний відібрати
 Всі раді б русинам.
 Скажи нам, Пруте престарий,
 Ти знаєш не одно:
 У сих прекрасних сторонах
 Хто проживав давно?
 Струями Прут нам каже так:
 «Тут споконвіку жив
 Тот син, що матір Русь святу
 Над все, над все любив».

В 70-90-х гг. В. много времени уделял общественной и культурно-просветительской работе. Был членом товарищества «Русская беседа», главой «Русского литературно-драматического товарищества» в Черновцах, сотрудником ряда периодических изданий: «Буковинская зоря», «Буковинский православный календарь» и др. В письме Я. Головацкому от 15 февраля 1866 г. он писал: «Дуже мя болить серце, що браття русини не можуть соединитися». В 1877 г. Воробкевич издал литературный альманах «Руська хата» - первое в Буковине издание на народном языке.

В 1874 г. по приглашению Юго-западного отделения Российского географического общества был в Киеве. В 1891 г. В. тяжело заболел. Литературное творчество он не бросил, но его деятельность уже не была такой плодотворной, как раньше. И. Франко подготовил и издал в 1901 г. сборник стихов Воробкевича «Над Прутом».

Умер В. 5 (18) сентября 1903 г. Похоронен на местном кладбище, недалеко от Ю. Федьковича.

Соч.: Твори. Т. 1-2, Львів, 1909-11; Твори. Ужгород, 1986; Вибрані твори. К. 1987; Письменники Буковини другої половини ХІХ – першої половини ХХ століття. Ч.1. Чернівці, 2001.

Лит.: Білинська М., І. І. Воробкевич. Нарис про життя і творчість, К., 1958; Білинська М. Сидор Воробкевич. К., 1982; Добржанський О. Національний рух українців Буковини другої половини ХІХ - початку ХХ ст. Чернівці, 1999.

Вырлан (Верлан; ?-?). Один из руководителей борьбы против польского гнета в Правобережной Малороссии в первой половине XVIII в., выходец из Молдавского княжества. В. был сотником дворовых казаков князей Любомирских в г. Шаргороде (ныне пгт в Винницкой обл. Украины). В 1734 г. возглавил восстание гайдамаков на Брацлавщине и провозгласил себя казацким полковником. Восстание охватило также Подолье, часть Волыни и докатилось до Львова. В отряде В. распускал слухи о том, что у него имеется грамота российской императрицы Анны, которая обещала свою помощь, призывала нападать на поляков и обещала принять Правобережье в русское подданство. Крестьяне стали записываться в казаки, заводилось казацкое устройство: полки с сотнями. С В. воевало много выходцев из Молдавского княжества. Поляки смогли подавить восстание в 1738 г. В. вместе с частью повстанцев ушел в Молдавию. Дальнейшая судьба В. неизвестна.

Лит.: Грушевский М. Иллюстрированная история Украины. К., 2002; Полонська-Василенко Н. Історія України від середини ХVІІ століття до 1923 року. Т.2. К., 2002.

Высочан Семен (Сень) Игнатъевич (?-1666). Один из руководителей Покутского восстания 1648 г. Восстание вспыхнуло в Восточной Галиции под влиянием освободительной борьбы в Малороссии. Наибольшего размаха оно достигло на Покутье (Покутье - угол («кут») между реками Днестр, Черемош и Карпатами - восточная часть нынешней Ивано-Франковской области Украины). В Покутском восстании принимали участие крестьяне, мещане, мелкая шляхта. На освобожденной от польского владычества территории повстанцы вводили

казацкое самоуправление, создавали отряды по казацкому образцу. Осенью 1648 г. В. возглавил повстанческое движение. Опорным пунктом повстанцев был г. Отыня (ныне пгт Коломыйского р-на Ивано-Франковской обл.). В. объединил отряды повстанцев в 15-тысячное войско. При поддержке армии Богдана Хмельницкого во время ее похода 1648 г. в Галичину В. захватил крупнейшую польскую крепость на Прикарпатье - г. Пнев (ныне село Надворнянского р-на Ивано-Франковской обл.). Вскоре повстанцы овладели почти всем Покутьем. В январе 1649 г. восстание было подавлено, многие повстанцы отступили в Буковину. В декабре 1648 г. В. с частью повстанцев отошел на Брацлавщину. В 1651 г. отличился во время обороны войсками И. Богуна Винницы. В 1659 г. В. стал казацким полковником. Участвовал в восстании Вареницы в 1664-1665 гг. в Правобережной Малороссии, действуя вместе с запорожцами И. Сирко. В 1665 защищал от польской шляхты г. Лысянку (ныне пгт Черкасской обл.). Погиб в бою с поляками.

Лит.: Грабовецький В.В. Селянський рух на Прикарпатті в другій половині XVII – першій половині XVIII ст. К., 1962.

Гедеон (?-?). Видный церковный, государственный и общественный деятель, дипломат, митрополит Сочавский и всея Молдавии (1655-1660). Весной 1656 г. возглавил посольство, отправленное молдавским господарем Георгием Стефаном в Москву с прошением о переходе Молдавии в русское подданство. Летом между русскими и молдавскими представителями было достигнуто соглашение. Оно, в частности, предусматривало, что порядки в Молдавском княжестве останутся такими, какими были до турецкого господства; господарем может быть только коренной житель страны; турки и татары подлежат изгнанию из пределов Молдавии, а захваченные ими крепости подлежат возврату; страна освобождается от уплаты дани, обязуясь посылать царю ежегодные дары; Молдавия будет принимать участие в походах русского войска против турок и татар.

7 июля 1656 г. посланники молдавского господаря Георгия Стефана митрополит Гедеон и боярин второй логофет Григорий Нянул дали присягу на подданство России в Московском Успенском соборе г. Москвы.

Для принятия присяги Георгием Стефаном в Яссы должно было быть направлено русское посольство. Однако изменились политические обстоятельства: для России первостепенной становится балтийская проблема. Поэтому выезд московского посольства задержался. Турецкий султан, узнав о молдавско-русских переговорах, в марте 1658 г. низложил Георгия Стефана, который вынужден был покинуть страну.

Лит.: История Молдавской ССР. Т. 1. Кишинев, 1965; Лантева Т.А., Соловьева Т.Б. Присяга на подданство России // Военно-исторический журнал. 1990. № 10.

Геровский Алексей Юлианович (06. X. 1883, Львов, Галичина [Австро-Венгрия] - 17. IV. 1972, Нью-Йорк). Видный общественный и политический деятель, журналист. Его мать Алексия - дочь А. Добрянского, общественного деятеля Подкарпатской Руси, отец Юлиан Геровский был директором Ставропигийского института во Львове и депутатом австрийского парламента. Воспитывался вместе с братьями Георгием и Романом у деда А. И. Добрянского в Инсбруке. Учился в гимназиях в Инсбруке и Черновцах, закончил Черновицкий университет, где изучал право. В 1903 г. вместе с братом Георгием приехал в Подкарпатскую Русь, чтобы посетить центр православного движения в крае, село Изу. Они были арестованы венгерскими властями, содержались в тюрьмах Мараморош-Сигета и Будапешта, освобождены по ходатайству депутата венгерского парламента словака Милана Годжи, будущего премьера ЧСР. В 1910 г. Г. начал издавать на Буковине газету «Русская правда» (1910-1913, Черновцы). Присутствовал на Мараморош-Сигетском процессе (1913-1914), на котором судились православные Угорской (Подкарпатской) Руси. 5 января 1914 г. у братьев Геровских и в редакции «Русской правды» был произведен обыск. Были арестованы Алексей, Георгий, Ксения Геровские, их мать Алексия и редактор И. Цурканович. Через день последних трех выпустили. Братьев же Геровских обвиняли в идейном руководстве крестьянами, проходящими по Мармарош-Сигетскому процессу, контактах с графом В. Бобринским и проведении антиавстрийской пропаганды. 7 июня братья с помощью тюремного надзирателя бегут из тюрьмы в Россию. С началом войны и вступлением русских войск в Галичину и Буковину Г. вернулся в Черновцы в качестве «старшего чиновника по особым поручениям» при русском губернаторе. В 1915-1917 гг. Г. - советник министра иностранных дел России по проблемам Австро-Венгрии и Балкан. Будучи убежденным сторонником монархии, присоединился к Добровольческой армии Деникина. Выпускал в Екатеринодаре газету «Единая Русь» (1918).

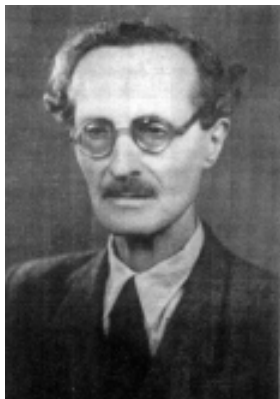
После гражданской войны в России приехал на Подкарпатье, где продолжал русофильскую пропаганду. В 20-х годах пытался объединить силы русофилов и православной церкви. Принимал участие в конгрессе национальных меньшинств в Женеве. Обвинял правительство Чехословацкой Республики в невыполнении своих обязательств в отношении Подкарпатской Руси и ее автономии в соответствии с Сен-Жерменским мирным договором, пособничестве украинофилам.

Был председателем Центрального исполнительного комитета православных общин и юрисконсультom православной епархии Подкарпатской Руси, активно участвовал в создании православных приходов. В 1927 г. Г. был выслан из ЧСР. Выехал в Югославию, где создал «Карпаторусский комитет» (1927-1929). Затем переехал в США, где возглавил «Карпаторусский союз» (1935-1938), из средств которого оказывал поддержку автономистским русофильским силам в Подкарпатской Руси. По инициативе Алексея Геровского в 1936 г. в Нью-Йорке было создано пресс-агентство «КАРУС» («Карпатская Русь»), задачей которого было информировать американских русинов о положении в Подкарпатской Руси и карпаторусинскую общественность о жизни американских русинских организаций. 12–13 февраля 1937 г. по инициативе Г. в Нью-Йорке состоялся Конгресс подкарпатских русинов, который в ультимативной форме потребовал от правительства ЧСР предоставления автономии Подкарпатской Руси в течение 60 дней. Это ускорило обсуждение в чехословацком парламенте законопроекта о первом этапе автономии края.

В период кризиса 1938 г. Г. активно выступал на стороне автономистских сил в ЧСР. Во главе делегации американских русинских организаций он приехал в Прагу. Пытался объединить русофилов и украинофилов на платформе достижения автономии Подкарпатской Руси. Властями ЧСР вновь был выслан за пределы республики. В сентябре 1938 г. вел переговоры в Будапеште о возможности поддержки русофилов в случае вхождения Подкарпатя в состав Венгрии. Выехал в Югославию, откуда следил за распадом ЧСР после Мюнхена. Протестовал против отстранения русинского русофильского большинства от власти в автономной Подкарпатской Руси 26 октября 1938 г. Ему сообщили из МИД ЧСР, что это было сделано по требованию из Берлина. После оккупации Венгрией Подкарпатской Руси (Карпатской Украины) в марте 1939 г. Геровский вернулся в США. В период второй мировой войны питал определенные иллюзии в отношении трансформации СССР, резко выступал против планов чехословацкого эмигрантского правительства и президента Э. Бенеша о возврате после войны Подкарпатской Руси в состав ЧСР. Обратился с письмом к Сталину с просьбой о присоединении Подкарпатской Руси к СССР. В последние годы жизни Геровский выступал на страницах карпаторусского американского журнала «Свободное слово Карпатской Руси» с острой критикой политики украинизации властей СССР в Подкарпатской Руси, а также критикой Ватикана и «униатской» церкви.

Лит.: Добржанський О. Національний рух українців Буковини другої половини ХІХ - початку ХХ ст. Чернівці, 1999; Маточий Павло Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848-

1948), *Ужгород, 1994*; Поп И. *Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001*; Суляк С.Г. *Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004*.

Геровский Георгий Юлианович (6. X. 1886, Львов, Галичина [Австро-Венгрия] - 5. II. 1959 [Австро-Венгрия], Пряшев, Чехословакия). Видный общественный и политический деятель, лингвист, ученый-славист, педагог. Как и его старший брат Алексей, Георгий учился в гимназии в Инсбруке, где воспитывался вместе с братом у деда А. И. Добрянского. В 1895 г. семья Геровских поселилась в главном городе Буковины Черновцах, где Георгий закончил немецкую гимназию и начал изучать славистику в Черновицком университете (1907-1909). Славистику и индоевропей-

скую лингвистику продолжал изучать в университете в Лейпциге (Германия) (1909-1911). Неоднократно арестовывался вместе с братом Алексеем венгерскими властями во время посещений Подкарпатской Руси (1903, 1913-1914). В начале января 1914 г. вместе с братом был обвинен в антигосударственной деятельности в пользу России и арестован. В июне вместе с братом бежал в Россию. Во время первой мировой войны находился в русской армии на Юго-Западном фронте. После революции в России в 1917 г. работал учителем гимназии в Саратове (1918-1922), библиотекарем Саратовского университета (1922-1924).

В 1924 г. приехал в ЧСР, поселился в Подкарпатской Руси. Вследствие противодействия украинофилов не смог реализовать себя здесь как ученый, издал только расширенный анализ церковнославянской грамматики М. Лучкая (1930). По поручению Чешской Академии Наук, как ее корреспондент в Подкарпатской Руси, Г. исследовал русинские говоры (1924-1938). Результатом его исследований стала большая статья, опубликованная в чехословацкой тематической энциклопедии (*Gerovskij Georgij. Jazyk Podkarpatske Rusi. In Ceskoslovenska vlastiveda, Praha, 1934, Sv.3, с. 460-495, русское издание, Москва, 1995*). В этой работе, а также в обширной рецензии на историю русинской литературы В. Бирчака (1943) Г. отрицал принадлежность русинских диалектов к украинскому языку, относя их к диалектам русского языка. Как диалектолог создал первую комплексную карту-схему русинских говоров, выделил их основные группы: южномараморошскую, северомараморошскую, бережскую, ужанскую, восточноземплинскую, ша-

ришскую и спишскую. Некоторые диалекты северной части Подкарпатской Руси считал переходными, «привнесенными извне» (из Галичины). Г. последовательно боролся против украинизации школ в крае, писал популярные исторические исследования.

В 1938 г. создал «Общество наук и искусств Подкарпатской Руси». В период войны находился в Ужгороде, опубликовал грамматику русского языка (1939), которую предложил в качестве учебника для народных школ Подкарпатской Руси. Его грамматика не была принята венгерскими властями, в ответ Г. выступил с острой критикой официальной грамматики Юлия Марины (Разбор грамматики угро-русского языка, 1941). После прихода советской армии Г. стал референтом Народной Рады «Закарпатской Украины» (март 1945). Вероятно, деятельность Г. привлекла внимание секретных служб СССР. У него выкрадены были научный архив и библиотека, после чего Г., не дожидаясь худшего, уехал в ЧСР, поселился в Пряшеве, где до 1959 г. преподавал русский язык и литературу в университете имени П. Й. Шафарика. Публиковал статьи по истории, диалектологии и этнографии русинов Северо-Восточной Словакии (энциклопедический альманах «Пряшевщина», 1948).

Соч: Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси. Москва, 1995.

Лит.: Добржанський О. Національний рух українців Буковини другої половини ХІХ - початку ХХ ст. Чернівці, 1999; Маточий Павло Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848-1948), Ужгород, 1994; Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001; Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004.

Довбуш Олекса Васильевич (1700, с. Печенежин, ныне пгт Коломыйского р-на Ивано-Франковской области Украины - 24. VIII (4. IX). 1745, с. Космач, ныне - Косовского р-на Ивано-Франковской области). Предводитель карпатских опришков - крестьян, боровшихся против национального, религиозного и крепостнического гнета. Родился в семье батрака (коморника), который не имел ничего, кроме нескольких овец. Первые сведения об отряде Д. относятся к 1738 г. Его отряд численностью около 50 чел. действовал сначала на Коломыйщине. Это была в основном молодежь местных селений Доры, Ямны, Ясеня, Яворова и Ясенева, расположенных по рекам Пруту, Черному и Белому Черемошам. Д. лично отбирал своих людей в отряд («купу»), приняв в отряд, требовал полнейшей конспирации. С наступлением зимы, прощаясь со своими парнями («леденями»), Д. назначал им время и место сбора весной. Крестьяне-повстанцы нападали на имения шляхтичей, арендаторов в Печенежине, Текучем, Вербьяже, Ясене, Микули-

чине. В рядах отряда Д. воевали и выходцы из Молдавского княжества: Матвей Чуперкэ, Ион из Вален и др. В 1740 г. отряд Д. отступил в Черногору, откуда совершал походы на Галицкое Прикарпатье, Подкарпатье и Буковину. Против опришков безуспешно действовал коронный гетман Ю. Потоцкий. В 1742 г. преследуемый польскими войсками Д. находит убежище в Молдавском княжестве. В 1744-1745 гг. опришки захватили Богородчанскую крепость. Они осуществляли походы под Солотвин, Надворную, Дорогобыч, Турку, Рогатин и др. города. Захваченное у арендаторов, шляхты и купцов добро раздавалось бедным. В 1745 г. Д. был убит в с. Космаче, расположенном южнее Коломыи, мужем своей возлюбленной Стефаном Дзвинчуком. Имя Д. широко известно не только на Западной Руси, но и в Польше, Молдавии, Венгрии, Болгарии.

В 1959 г. на киевской киностудии им. Довженко был снят фильм «Олекса Довбуш». За первый год проката в СССР фильм посмотрели 23 миллиона человек.

Лит.: Грабовецкий В. Олекса Довбуш, М., 1959; Дракохруст Е. И. Опришки // Из истории крестьянства. XVI—XIX вв. М., 1955; Субтельний О. Україна. Історія. Київ, 1993.

Дософтей (мирское имя **Дмитрий Барила**; 26. X. 1624 - 13. XII. 1694, Жолква, ныне Нестеров Львовской обл. Украины). Видный церковный, государственный и общественный деятель, дипломат, переводчик, издатель, митрополит Сочавский и всея Молдавии. Выходец из средних социальных слоев. Был епископом в г. Хушь, с 1671 г. - митрополит Сочавский и всея Молдавии. В 1679 г. по просьбе Д. и при посредничестве Николая Милеску Спафария патриарх всея Руси Иоаким посылает в Молдавское княжество печатню (типografiю) со всем необходимым. Помимо

печатни московский иерарх посылает Д. письмо, в котором называет Д. «мудрым иерархом», «пастырем редкого ума». В «Паремиях», одной из первых книг, изданных в печатне, Д. в знак признательности пишет:

«Свет из Москвы идет к нам,

Сияя длинными лучами и добрым именем под солнцем».

Среди многих книг, переведенных и изданных Д., особое значение имеют «Псалтырь в стихах» (1673), «Божественная литургия» (1679)

и «Жития и деяния святых» (т. 1-4, 1682-1686). Д., один из первых молдавских поэтов, сумел не только передать псалмы Давида в адекватном оригиналу переводе, но придал им мерность молдавского фольклорного стиха.

В 1684 г. Д. направляется послом в Россию. Здесь он вместе с 3 епископами и 17 боярами обратился к русским царям Ивану и Петру Алексеевичам с просьбой извинить Молдавию «от последней гибели, что приближается со стороны турок и татар безбожных... Вся наша страна, большая и малая, низжайшие рабы вашего царства, всеми отдаем в подчинение».

В 1686 г. Д. вынужден был навсегда покинуть Молдавское княжество. Умер в бедности.

Лит.: Руссев Е.М. *Свет из Москвы. Кишинев, 1981; Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2002; Чебан С.Н. Досифей, митрополит Сочавский и его книжная деятельность. Киев, 1915.*

Дроздовский Михаил Гордеевич (7. X. 1881, Киев – 1. I. 1919, Ростов). Генерал-майор, активный участник белого движения. Сын генерала, участника Севастопольской обороны. Окончил Киевский Владимирский кадетский корпус (1899), Павловское военное училище (1901) и академию Генерального штаба (1908). Воевал добровольцем в русско-японской войне 1904-1905 гг. в 34-м Сибирском полку, был ранен. Во время мировой войны в звании полковника командовал 60-м пехотным Замосцким полком, затем стал командующим 14-й пехотной дивизией.

Лично повел в Карпатах в атаку два полка, был ранен.

Румынский фронт сохранял боеспособность дольше других. Но к середине ноября 1917 г. всеобщее разложение достигло и его. Чтобы удержать фронт от падения, командующий генерал Д.Г. Щербачев приступил к формированию национальных соединений, в основном украинских. Меры эти не были поддержаны ни офицерством, ни солдатскими массами. Фронт продолжал разлагаться. В этих условиях большая часть офицеров осела в крупных прифронтовых городах. Много их скопилось в Яссах, где находился штаб фронта. По прибытии генерала Алексеева из Петрограда на Дон и с началом создания им Белой армии между ним и штабом Румынского фронта была налажена связь и возникла идея создания Корпуса русских добровольцев для отправки на Дон. Необходим был авторитетный лидер. Им стал полковник Д.

Высокого роста, худощавый, с резко очерченными чертами лица, с орлиным взглядом, с сухой рукой (после ранения в японскую войну), быстро и четко формулирующий свои мысли, он производил сильное впечатление на окружающих.

В Яссах, в одной из палат лазарета Евгеньевской общины Красного Креста, было открыто бюро записи. Поступающие в бригаду давали подписку: «Интересы Родины ставить превыше всех других, как то: семейных, родственных, имущественных и прочих», а также не роптать на недостатки обеспечения и неудобства. Вначале вербовка добровольцев шла тайно. Первое время бригада существовала неофициально: штаб фронта лишь закрывал глаза на ее деятельность. 24 января 1918 г. генерал Щербачев решил открыто поддержать формирование добровольческих частей. Д. был отодвинут на задний план, инспектором по формированию добровольческих частей был назначен генерал-лейтенант А.К. Келчевский, позже перешедший на службу к большевикам.

В феврале политическая обстановка изменилась. Добровольческая армия оставила Ростов, связь с ней прервалась. Румыны начали переговоры с немцами. Генерал Келчевский на совещании начальников добровольческих отрядов, учитывая, что всего в добровольцы записалось пять тысяч человек, объявил об освобождении офицеров от данных ими обязательств. Только Д. заявил, что он пойдет со своим отрядом на Дон к генералу Корнилову. Приказ об освобождении офицеров от данных ими обязательств, вывешивание объявлений об упразднении добровольческих частей с предложением собравшимся офицерам разехаться привели к дезинформации добровольцев.

«Агитация против похода изводит, со всех сторон каркают представители генеральских и штаб-офицерских чинов; вносят раскол в офицерскую массу. Голос малодушия страшен, как яд. Колебания и сомнения грызут... Только неодолимая сила должна останавливать, но не ожидание встречи с ней. А все же тяжело», - писал в своем дневнике Д. 2-я бригада генерала Белозора в Кишиневе (около 1000 чел.) была распущена, но Д. отказался подчиниться. По приказу Д. весь личный состав отряда 22 февраля 1918 г. был снова сосредоточен в Соколах. К отряду Д. подошла одна офицерская рота из бригады, расформированной в Кишиневе. Она тоже не подчинилась приказу. 23 февраля румынские войска начали окружать расположение добровольцев в Соколах и потребовали сдачи оружия и роспуска отряда. Полковник Д. поехал в Яссы с ультиматумом, заявив, что «при первых враждебных действиях город (Яссы) и королевский дворец могут быть жестоко обстреляны артиллерийским огнем».

К 5 часам вечера румынские войска были уведены. 25 февраля румыны подали поезда для перевозки добровольцев в Кишинев. Отряд Д. насчитывал 1063 чел., из которых 2/3 (667 чел.) были офицеры, в основном молодежь. Фельдфебелем второй офицерской роты был штабс-капитан А. Туркул. Поход дроздовцев от м. Соколы до Новочеркасска длился 61 день. Шли форсированными маршами, с посаженной на подводы пехотой, делая 60-70 верст в сутки. Весь Юг России переживал тогда период безвластия, австро-германские войска продвигались в глубь территории, край был наполнен небольшими бандами, грабившими население. Отряд Д. шел, почти не встречая сопротивления; только у Каховки и Мелитополя он столкнулся с большевистскими отрядами, которые он разбил, почти не понеся потерь. Население повсюду встречало отряд как своих избавителей и связывало с ним надежды на окончание смуты. Из далеких сел приходили делегации, которые просили спасти их от «душегубов», приводили связанными большевиков, членов Советов «на суд и расправу»

26 марта к Д. присоединился шедший походом из Измаила отряд полковника Жебрака-Русакевича в составе 130 человек, сформированный им из состава Балтийской морской дивизии (пехотной). Также по пути в отряд дроздовцев вступали новые добровольцы, преимущественно офицеры и учащаяся молодежь.

Д. объявил, что отряд сохраняет нейтралитет в отношении австро-германцев и ведет борьбу только против большевиков. До Днепра встречались только австрийцы. Они сами, по-видимому, избегали встреч с дроздовцами. Однажды, когда колонна дроздовцев пересекала железную дорогу между Бирзулой и Жмеринкой, в нее врезался эшелон австрийцев. К изумлению добровольцев, австрийские офицеры приветствовали их отданием чести и криками: «Счастливого пути!». Первый раз с немцами встретились на переправе через Днепр у Бериславля. В Бериславле у моста стоял враг – немцы. За рекой у Каховки стоял другой враг – русские большевики; они обстреливали расположение немцев артиллерийским огнем, преграждая им путь. Добровольцам предстояло атаковать большевиков, как будто открывая тем дорогу немцам в широкие заднепровские просторы. Каховка после короткого боя была взята, большевики бежали. Но тягостное настроение добровольцев заставило Д. пригласить всех старших начальников и разъяснить им, что он «ни в какие переговоры о совместных действиях с немцами не входил, а лишь потребовал пропустить отряд».

Обойдя с севера Таганрог, в котором сосредоточился германский корпус, дошедший уже передовыми частями до станции Синявки, Д. 21 апреля атаковал Ростов. Операция была весьма рискованная, силы далеко не достаточные. Но агентурные сведения указывали на стрем-

ление немцев занять Ростов. Д. решил поэтому предупредить их, желая оказать помощь Дону, воспользоваться богатейшими военными запасами, сосредоточенными в городе, учитывая вместе с тем моральное значение захвата этого крупного политического и военного центра «русскими руками». Легкость захвата города вызвала пренебрежение к противнику. Около 6 часов утра неожиданно открыл огонь большевистский бронепоезд, из Новочеркасска один за другим стали подходить эшелоны Красной гвардии, отряд Д. был застигнут врасплох. Начался тяжелый бой, лишенный должного управления, в результате которого Д. отступил от Ростова, потеряв около 100 человек, часть обоза и пулеметов.

То фальшивое положение, в котором добровольцы находились постоянно в отношении «внешнего врага», угнетало их. Последняя боевая неудача еще более понизила настроение. Д. произвел реорганизацию отряда и сменил некоторых командиров.

Через день пришло известие о взятии донцами Новочеркасска. Тяжелые потери 22 апреля получили некоторое моральное оправдание: бой за Ростов отвлек силы большевиков от Новочеркасска. В тот же день Д. двинулся к Новочеркаску, и 25 апреля его передовые части подошли туда в самый критический момент, когда казаки начали отступать под натиском большевиков. К вечеру дроздовцы входили стройными рядами в Новочеркасск, восторженно приветствуемые жителями. В Новочеркасске в отряд поступило много добровольцев, через 10 дней офицерский полк развернулся из одного батальона в три, а численность всего отряда возросла до 3 тыс. человек.

«25 апреля – писал в своем приказе Д., - части вверенного мне отряда вступили в Новочеркасск... в город, который с первых дней возникновения был нашей заветной целью... Теперь я призываю вас всех обернуться назад, вспомнить все, что творилось в Яссах и Кишиневе, вспомнить все колебания и сомнения первых дней, все нашептывания и запугивания окружавших вас малодушных. Пусть же послужит вам примером, что только смелость и твердая воля творят большие дела... Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить себе смело цели и стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славу и гибель позорному отказу от борьбы; другую же дорогу предоставим всем малодушным и берегущим свою шкуру».

Отряд был преобразован во 2-й офицерский полк, в начале июня 1918 г., перед 2-м Кубанским походом, - в 3-ю пехотную дивизию, начальником которой стал произведенный в генерал-майоры Д. Благодаря высоким личным качествам своего командира она стала одной из элитных частей Добровольческой армии. Д. первый стал принимать в ряды добровольцев взятых в плен красноармейцев.

Д. скончался от ран, полученных в боях, в Ростове 1 января 1919 г. Похоронили его в Екатеринодарском соборе.

После смерти генерала дивизия была названа его именем. Прославившиеся в 1919-1920 гг. дроздовские части наряду с марковскими, корниловскими и алексеевскими стали ядром Белой армии Юга России. За три года гражданской войны дроздовцы участвовали в 650 боях, более 15 000 дроздовцев пали в борьбе за освобождение России от большевизма.

В марте 1920 г. боевые соратники генерала, те, с кем он прошел тяжелый путь из Ясс до Новочеркасска, с боем ворвались в уже занятый Красной армией Екатеринодар, вывезли гроб с телом своего командира в Крым и погребли его в Севастополе.

Соч.: Дневник. Берлин, 1923 (2-е издание - Нью-Йорк, 1963).

Лит.: Волков С. В. Памяти генерала Дроздовского и дроздовцев // Дворянский вестник. М., 1999. № 1(56); Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г.. М., 1991; Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Мюнхен, 1975; Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. М., 2002; Туркул А. В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918-1920 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. Мюнхен, 1948.

Думитрашко Родион-Райча Григорьевич (ок. 1620 – ок. 1705). Малороссийский военачальник и государственный деятель, выходец из Молдавского княжества. В 1665 г. Думитрашко привел в Малороссию из Молдавского княжества отряд (Товарищество хоругвей волоских) и примкнул к казачеству. Боролся против гетмана П. Дорошенко, союзника Турции и крымских татар. Был избран переяславским полковником (1667-1674). Пользовался большим влиянием среди старшин и доверием московского правительства. В 1671 г. на средства Думитрашко в Киеве было издано житие святого Ивана Рыльского. В книге помещено посвящение Думитрашко и изображение его родового герба.

Лит.: Дылевский Н.М. Страница из истории болгарско-украинских связей в конце XVII столетия // Езиковедско-этнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски. София, 1960; Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев, 1982.

Елена Волошанка (1466 - 18. I. 1505). Дочь молдавского господара Штефана III Великого от первого брака. В 1483 г. вышла замуж за Иоанна Молодого (сына великого князя Иоанна III). У них родился сын Дмитрий и дочь Евдокия. Иван Молодой скончался в 1490 г. В

этом же году Дмитрий был провозглашен наследником великого князя Московского. С 1498 г. Елена с сыном Дмитрием пользовалась особым расположением Иоанна III. В этом же году Дмитрий был венчан на царство. Но вскоре в результате дворцовых интриг (1502) Е. подверглась гонению и умерла в опале в 1505 г. В 1502 г. ее сын Дмитрий был лишен великокняжеского титула, посажен в тюрьму, где и скончался в 1509 г. Погребен в Архангельском соборе г. Москвы.

Лит.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. История России с древнейших времен. Т. 5. М., 1989; Стати В. Штефан Великий, господарь Молдовы. Кишинев, 2004.

Защук Александр Иосифович (22. II.1828 – 30. II. 1905). Русский историк, географ, генерал-майор, участник обороны Севастополя. После окончания Крымской войны был направлен в Полтаву, где по заданию генерального штаба занимался статистическим описанием Полтавской губернии. В 1859 г. был переведен в Кишинев, где начал собирать материал для статистического описания Бессарабской губернии. Он собрал богатый материал по истории, географии, этнографии и фольклору Бессарабии.

В 1862 г. З. издал двухтомную работу «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область». Через год была опубликована еще одна его крупная работа: «Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Военное обозрение Бессарабской области».

Заслуга З. в том, что он сам записывал услышанные от местных жителей народные приметы, верования, поговорки, пословицы. Много места в своих трудах он отводил описанию промыслов и занятий населения края. Изучая традиционную культуру населения, этнограф проводил параллели, показывал взаимовлияние культур.

З. был членом Императорского Русского географического общества, Императорского Одесского общества истории и древностей, часто публиковался в «Бессарабских губернских ведомостях» и «Записках Императорского Одесского общества истории и древностей».

Описывая русское население Бессарабской губернии, З. выделял отдельно от великороссиян и малороссиян русинов (руснаков). Он отмечал, что русины (руснаки) – коренные жители края.

Соч.: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область. Составил генерального штаба капитан А. Защук. СПб., 1862; Материалы для

военной географии и военной статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Военное обозрение Бессарабской области. Составил генерального штаба капитан Заицук. СПб, 1863.

Лит.: Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев, 1982; Лукьянец О.С. Русские исследователи и молдавская этнографическая наука в XIX - начале XX в. Кишинев, 1986.

Кантемир Антиох Дмитриевич (21. IX. 1708, Константинополь - 11. IV. 1744, Париж). Русский дипломат, поэт-сатирик, сын молдавского господаря Дмитрия Кантемира. В возрасте 4-х лет вместе со своей семьей после неудачного Прутского похода Петра I переселился в Россию. Получил прекрасное домашнее образование, учился в Петербургской Академии. В 1725 г. поступил на военную службу, в 1728 г. произведен в поручики. В 1730 г. вместе с другими членами «Ученой дружины» (Феофаном Прокоповичем и Василием Татищевым) принял участие в борьбе против врагов петровских реформ, пытавшихся при вступлении на престол Анны Иоановны ограничить самодержавие. С 1732 г. -

посол в Англии, в 1738-1744 гг. - во Франции. Достоинно отстаивал интересы России.

Литературная деятельность К. началась с переводов и создания любовных песен. Любовные стихи его пользовались популярностью у современников, но до нашего времени не дошли. Первым его печатным произведением была «Симфония на Псалтырь», изданная 1727 г. В 1730 г. К. закончил перевод трактата Фонтенеля «Разговоры о множестве миров». Этот труд был опубликован в 1740 г. К. писал эпиграммы, стихи, басни, переводил оды Анакреона, послания Горация, «Персидские письма» Монтескье, создал теоретический трактат о «сложении стихов русских». Широкою литературную известность автору принесли сатиры. Всего их написано девять: пять - с 1729 по 1732 гг., остальные четыре - в 1739-1740 гг.

В надписи Г.Р. Державина к портрету К. сказано: «Старинный слог его достоинств не умалит. Порок! Не подходи: сей взор тебя ужалит». Как писал В.Г. Белинский, К. «первым свел поэзию с жизнью».

Родоначальник русской изящной словесности скончался 31 марта (11 апреля) 1744 г. в Париже и был погребен в московском Никольском греческом монастыре.

Большая часть из реляций и дипломатическая переписка Кантемира до сих пор не опубликованы и хранятся в российских архивах.

Соч.: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. В 2 т.. М., 2004; Сочинения, письма и избр. переводы, т. 1-2, СПб., 1867-1868; Собрание стихотворений. Л., 1956.

Лит.: Благой Д. Д. История русской литературы XVIII в. М., 1960; Русская басня XVIII-XX вв. М., 2003; Щеглов Ю. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004.

Кантемир Дмитрий Константинович (26. X. 1673, Молдавия – 21. VIII. 1723, поместье Дмитровка Харьковской губернии). Молдавский господарь (1693, 1710-1711), русский князь, сенатор, ученый, писатель. Сын Константина Кантемира, молдавского господаря (1685-1693). Проживая в качестве заложника в Константинополе с 1687 по 1691 г., учился в Академии Константинопольской православной патриархии, изучил турецкий и персидский языки, занимался историей, архитектурой, филологией, математикой. После краткого правления в 1693 г. вернулся в Константинополь и занялся литературой и наукой. В 1710 г., во время войны Турции с Россией, К. вновь был назначен молдавским господарем и должен был принять участие в военных действиях.

Еще в Константинополе он вступил в тайные связи с русским послом. В 1711 г. заключил Луцкий секретный договор с Россией о совместной борьбе против Турции и вступлении Молдавии в русское подданство. После неудачного Прутского похода К. с семьей и 2000 поданных прибыл в Россию и получил княжеское достоинство Российской империи с титулом светлости, значительную пенсию, обширные имения в Харьковской губернии и право жизни и смерти над бывшими с ним в Россию молдаванами. В 1713 г. скончалась его жена

Кассандра Кантакузина, дочь валашского господаря. Через четыре года К. женится на княжне Анастасии Ивановне Трубецкой. В 1721 г. К. произведен в тайные советники и назначен сенатором. Он стал советником царя по восточным вопросам. Во время персидского похода Петра I (1722-1723) возглавлял походную канцелярию царя и походную типографию. Составил прокламацию Петра I на татарском языке с обращением к местному населению. С этого момента начинается история татарской печатной книги в России.

Первая научная работа К. «Диван, или Спор мудреца с миром, или Тяжбы души с телом» была опубликована в Яссах на молдавском и греческом языках в 1698 г. В 1700 г. была написана на латинском языке «Метафизика», в следующем году – «Всеобщая краткая логика». В этом же году вышла на молдавском языке «Универсальная физика Яна ван Хельмонта». В 1705 г. вышел его аллегорический роман «Иероглифическая история». В 1714 г. он избран членом Берлинской академии. По просьбе Берлинской академии К. написал в 1716 г. на латинском языке историко-географическое и этнографическое «Описание Молдавии». В России им созданы «Рассуждение о природе монархий», «История Оттоманской империи» (1714-1716), «Жизнь Константина Кантемира» (1716-1718), «Темные места в катехизисе» (1720), «Хроника стародавности романо-молдо-влахов» (1722), «Книга систима, или Состояние мухаммеданской религии» (1722). К. является одним из основателей востоковедения в России и Западной Европе.

Скончался в 1723 г. в с. Дмитровка, погребен в церкви Московского Николаевского греческого монастыря.

Соч.: Описание Молдавии. Кишинев, 1973.

Лит.: Ермуратский В.Н. Дмитрий Кантемир – мыслитель и государственный деятель. Кишинев, 1973; История Молдавской ССР. Т. 1, Кишинев, 1965; Наследие Дмитрия Кантемира и современность. Кишинев, 1976.

Кобылица Лукьян (1812, с. Плоская возле местечка Путила-Сторонец, Русский Кимполунг, австрийская часть Буковины (ныне пгт Путила Черновицкой обл. Украины) - 24. X. 1851, г. Гура-Гумора, австрийская часть Буковины, ныне Гура-Хуморулуй, Румыния). Руководитель крестьянского движения на Буковине. Родился в крестьянской семье, гуцул. Выделялся среди других гуцулов высоким ростом и светло-русыми волосами. Был женат на гуцулке из влиятельного рода Ерошок. К. был довольно состоятельным человеком: имел много скота, лошадей, овец, молока, пасек. Главным занятием гуцулов было скотоводство, они жили отличной от других крестьян жизнью. Ранней весной они перегоняли свой скот на горные пастбища и требования зем-

левладельцев о выполнении барщины встречали с негодованием. Сначала гуцулы обращались в суды, но большинство дел проигрывали.

В 1843 г. произошло крестьянское волнение в Путилове. Крестьяне давно жаловались, что им запрещают рубить лес, на овечью подать, на дань брынзой и то, что пан заставляет работать на себя. Крестьяне жестоко расправились с панскими лесничими. В ответ из Черновцов было выслано девятьсот солдат. «Бунтовщиков» заковали и посадили в тюрьму. Им присудили битье палками. Был задержан и Лукьян, хотя никаких свидетельств о его участии в крестьянском выступлении не было. Его заключили в Черновицкую тюрьму.

В 1846 г. буковинские и галицкие крестьяне собрали деньги и направили К. в Вену с письмом об обидах, чинимых панами. Но, к сожалению, ничего в Вене Лукьян не добился. В 1648 г. состоялись выборы в первый австрийский парламент. В сельских округах в Буковине были избраны депутаты-крестьяне. Был избран и К. Простой безграмотный гуцул, не знавший немецкого языка, голосовал за отмену панщины без выплаты возмещения помещикам. Он же проголосовал за допуск в парламент в полном составе венгерской делегации. Он также выступал за автономию Буковины.

После возвращения К. с сессии к нему стали стекаться буковинские крестьяне. Стоявшая в Путилове рота «пушкарей» (горной полиции), набранная из гуцулов, присоединилась к К. в качестве его личной гвардии. Начались волнения и в других селах. Вначале местные власти не знали, как поступить с К.: ведь он был депутатом парламента. К. перебрался на горное пастбище. У него, помимо роты «пушкарей», было свыше 300 вооруженных гуцулов. Он разъезжал по селам и устанавливал свои порядки, передавал землю крестьянам. В 1849 г., после подавления венгерского восстания, в буковинских в селах, охваченных бунтом, начались аресты. Было объявлено недействительным избрание К. депутатом. В апреле 1850 г. К. был арестован и сослан.

К. стал народным героем, о нем сложено немало легенд и песен.

Лит.: Полонська-Василенко Н. Історія України від середини XVII століття до 1923 року. Т. 2. К., 2002; Франко І. Лукьян Кобыльця // Соч. в 10 томах. Т. 10. М., 1959.

Кобылянская Ольга Юлиановна (27. XI. 1863, г. Гура-Гумора, австрийская часть Буковины, ныне Гура-Хуморулуй, Румыния – 21. III. 1942, Черновцы). Известная буковинская писательница, общественный деятель. Детство Ольги прошло в Сучаве, Кымполунге, с. Дымки. С 1861 г. жила в Черновцах. Ее отец Юлиан Яковлевич был уроженцем Галичины, ее мать Мария Иосиповна - польско-немецкого происхождения. В семье было 7 детей. Ольга закончила четырехклассную

немецкую школу, занималась самообразованием. В 1899 г. она совершила поездку в Малороссию. Писать начала в 80-х годах, сначала на немецком языке. Первым произведением на малорусском наречии была повесть «Человек» (1892). В своих ранних произведениях К. отстаивала право женщины на труд и полноценную духовную жизнь. Умение писательницы передавать реальную жизнь воплотилось в ее лучшем произведении «Земля» (1902). В новелле «Битва» (1896) она подняла свой голос в защиту природы. Повесть «В воскресенье рано зелье копала...» (1909) написана по мотивам народной песни «Ой, не ходи, Грицю». В 1915-1923 гг. Кобылянская написала ряд антивоенных рассказов, среди них «Письмо осужденного солдата к своей жене», «Навстречу судьбе», «Сниться» (1917), в 1927 г. - «Сошел с ума».

К. участвовала в русском движении Буковины, в частности, в основании и деятельности «Общества русских женщин» (1894).

В 1940 г. она приветствовала освобождение Северной Буковины от румынской оккупации. Писательница стала членом Союза писателей СССР. В июне 1941 г. она выступала в печати с антифашистскими заявлениями. По причине слабого здоровья (в 1903 г. Ольгу парализовало, и это дало последствие на всю жизнь) она не смогла выехать из Черновцов. Смерть избавила ее от военно-полевого суда. В 1944 г. в Черновцах открылся музей Ольги Кобылянской.

Соч.: Кобыляньска Ольга. Твори: У 5 т. К., 1962-1963; Твори: У 2 т. К., 1983.

Лит.: Вознюк В.О. Про Ольгу Кобыляньску. К., 1983; Томашук Н.О. Ольга Кобыляньска: Життя і творчість. К., 1969.

Котовский Григорий Иванович (12 (24). VI. 1881, м. Ганчешты Бессарабской губернии, ныне Хынчешты Республики Молдова - 6. VII. 1925). Активный участник гражданской войны, советский военачальник и государственный деятель. Родился в семье механика винокуренного завода князя Манук-Бея в местечке Ганчешты Кишиневского уезда Бессарабской губернии. С 1889 по 1895 г. К. учился в местном народном училище, которое он успешно закончил. Осенью 1895 г. К. поступает в Кишиневское реальное училище, но его вскоре исключают как «неподходя-

щего» из-за плохого поведения. В 1896 г. К. поступает в Кокорозенскую низшую сельскохозяйственную школу 1-го разряда, которая готовила младших агрономов. В 1900 г. К. успешно закончил школу и был направлен в имение помещика Скоповского, расположенное на хуторе Валя-Курбунэ Бендерского уезда, где работал помощником управляющего и управляющим имением. В результате конфликта с помещиком К. остался без работы. В ноябре 1902 г. по заявлению Скоповского К. был арестован и приговорен к тюремному заключению сроком на месяц, 22 ноября 1903 г. был вновь посажен в тюрьму. В конце 1903 г. он был освобожден. После освобождения из тюрьмы работает лесным объездчиком и рабочим. В 1904 г. был призван в армию, но укрылся от мобилизации, скрываясь под другой фамилией. В январе 1905 г. К. был арестован и направлен в 19-й Костромской полк в Житомир. В мае 1905 г. дезертировал из армии.

В декабре 1905 г. К. организовал вооруженную группу, которая совершала нападения на помещиков и купцов. После неоднократных арестов и побегов в 1907 г. приговорен к 12 годам каторги. Отбывал каторгу в Сибири. В февраля 1913 г. К. бежал с каторги. В 1915 г. вновь организует вооруженную группу. В июне 1916 г. К. был тяжело ранен в грудь при задержании. Его доставили в Кишиневскую тюрьму. В октябре 1916 г. Одесский военный окружной суд приговорил его к смертной казни через повешение. Однако главнокомандующий заменил смертную казнь бессрочной каторгой. Временное правительство при пересмотре дела установило срок каторги 12 лет.

В первой половине мая 1917 г. из тюрьмы г. Одессы было выпущено несколько сот заключенных, в т.ч. и К. По решению Одесского военно-окружного суда он был условно освобожден и передан в ведение военных властей. Его призвали в армию и отправили на Румынский фронт. 26 ноября на Армейском съезде VI армии, который состоялся в румынском городе Галаце, его избрали членом Армейского комитета.

К. по поручению Румчерода (исполком Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области) организует в районе Бендер небольшой кавалерийский отряд. Отряд принимал участие в боевых действиях против румынских войск. В конце января - начале февраля 1918 г. отряд К. вливается в Тираспольский отряд. Отряд вел боевые действия в районе Рыбницы и Тирасполя. В феврале 1918 г. австро-германские войска вторглись в Северную Бессарабию и Малороссию. Отряд К. ведет бои в районе Тирасполь-Раздельная. Под напором превосходящих сил противника отряд вынужден был отступить до Екатеринослава (Днепропетровска). К. заболел и вернулся в оккупированную Одессу, где возглавил боевую дружину, которая занималась диверсионной деятельностью (подрыв железнодорожных путей,

составов), освобождением заключенных, экспроприацией ценностей. После освобождения советскими войсками Одессы 6 апреля 1919 г. К. создает кавалерийский отряд с целью защиты советской границы в районе побережья Днестра. Впоследствии отряд К. вошел в состав 2-й (134) стрелковой бригады вновь созданной 45-й стрелковой дивизии. В своей бригаде К. ввел железную дисциплину, мародеров и дезертиров расстреливал собственноручно. За это петлюровцы, которые совершили немало еврейских погромов, дали Котовскому кличку «жидивьского бога». Современники отмечают высокие боевые качества котовцев, а также их нелюбовь к коммунистам и самостийникам-петлюровцам, безукоризненное выполнение приказа К. «не обижать» пленных белогвардейцев. Командиры и бойцы подчеркивали, что они воюют за «Единую и неделимую» (см., в частности, Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 370-376). Сам К. вступил в ряды РКП(б) 20 апреля 1920 г.

В августе 1919 г. на Южном фронте сложилась тяжелая обстановка: три советские дивизии - 45-я, 47-я, 58-я попали в окружение. Войска Южной группы, пробиваясь из окружения, прошли 400 км в непрерывных боях с петлюровцами и денкиинцами. К 20 сентября 45-я и 58-я дивизии соединились с основными частями советских войск. К. за умелое руководство, доблесть и героизм был награжден золотыми именными часами.

В начале ноября 1919 г. бригада прибыла на Петроградский фронт. Кавалерийские эскадроны бригады под командованием командира 1-го Бессарабского полка Михаила Няги участвовали в ликвидации офицерских рот. В январе-феврале 1920 г. бригада участвовала в разгроме денкиинской армии. 7 февраля бригада первой вошла в Одессу. За участие в разгроме денкиинцев на юго-западе России, за бои на линии Одесса-Тирасполь К. был награжден орденом Красного Знамени.

25 апреля 1920 г. белополяки переходят в решительное наступление на всем фронте 12-й и 14-й советских армий. Это было начало похода на Киев. На Житомирском, Коростенском, Бердичевском и Жмеринском направлениях разгорелись жестокие бои. На Юго-Западном фронте белопольским армиям противостояли 12-я советская армия, которая имела немногим более 10 тыс. пехотинцев и кавалеристов, и 14-я армия, в которой насчитывалось около 3 тыс. бойцов. Положение малочисленных советских войск осложнялось тем, что они были растянуты на широкой линии фронта. Против этой небольшой группы советских войск Пилсудский бросил свои армии, которые насчитывали более 52 тыс. солдат плюс петлюровские войска (до 12 тыс. человек). Военные силы белополяков в 4-5 раз превосходили силы советских

войск на этом участке фронта. 27 августа 1920 г. К., еще не окрепший после контузии, вернулся в бригаду. В это время кавалерийская бригада совместно с 134-й и 135-й бригадами вела бои на подступах ко Львову. С 4 октября кавалерийская бригада вела непрерывные бои с крупными силами белополяков и петлюровцев, которые наступали в районе Литин и Винницы. Вскоре, 18 октября 1920 г. военные действия были прекращены и начались переговоры в Риге, приведшие к заключению мирного договора с Польшей (18 марта 1921).

К началу ноября 1920 г. из Польши в район Проскуров-Могилев-Подольский - Жмеринка были переброшены крупные петлюровские воинские соединения, насчитывавшие 9 тыс. пехотинцев и 356 кавалеристов. В ходе боев кавалерийской бригадой К. и другими частями 45-й советской дивизии были разгромлены три отборные петлюровские дивизии: третья «Железная» дивизия Удовиченко, четвертая Киевская и «Особая» кавалерийская дивизия генерала Павленко. За это К. был награжден вторым орденом Красного Знамени, а его бригада – Почетным Революционным Красным Знаменем. В январе-марте 1921 г. К. руководил ударной группой 1-го конного корпуса, преследовавшего Махно. В конце апреля - середине августа руководил кавбригадой в боях с Антоновым на Тамбовщине. За ликвидацию повстанцев во главе с Матюхиным К. был награжден Почетным революционным оружием. 1 сентября 1921 г. кавбригада К. влилась в состав 9-й Крымской кавалерийской дивизии им. СНК УССР, командиром которой был назначен К.

В начале ноября 1921 г. атаман Тютюнник с отрядом, состоявшим из кадровых офицеров и солдат «Железной», 6-й Волынской и 4-й Киевской дивизий, численностью 1000 чел. (второй зимний поход), перешел советскую границу с территории Польши. Оттеснив пограничную охрану, отряд двинулся на Коростень и в районе Дедковичи объединился с отрядом Палия Черного. Кавалерийская дивизия К. двинулась навстречу Тютюннику. В ходе боев «повстанцы» были полностью уничтожены. Из 1250 чел. в живых осталось около 35. В боях приняли участие 2-я и 3-я кавалерийские бригады 9-й Крымской дивизии. За разгром банды Тютюнника Котовский был награжден третьим орденом Красного Знамени.

К. был одним из инициаторов создания Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики (МАССР). В ней он видел первый этап к освобождению Бессарабии от румынской оккупации и присоединению ее к России. Несмотря на свою занятость, он принимал активное участие в общественной жизни. Был делегатом I Все-молдавского Съезда Советов, на котором его избрали членом ЦИК МАССР.

С 1922 г. К. становится командиром 2-го кавалерийского корпуса. В ночь с 5 на 6 августа 1925 г. К. был убит под Одессой в военном совхозе «Чабанка». Убийца сам сдался властям. Им оказался Майер Зайдер, бывший владелец публичного дома в Одессе, который в 1918 г. оказал помощь К. В благодарность за прошлые заслуги К. пристроил Зайдера начальником охраны сахарного завода. На закрытом судебном процессе убийца утверждал, что мотивом преступления был отказ К. помочь Зайдеру с повышением по службе. Убийце легендарного героя дали всего 10 лет. В 1928 г. Зайдера досрочно выпустили на свободу. В 1930 г. Зайдер был убит, предположительно, бывшими «котовцами».

Похоронен К. в Бирзуле (ныне Котовск Одесской области).

Тайна убийства К. так и осталось нераскрытой. По «странному» совпадению в этом же году, 31 октября, умер во время операции Председатель Революционного Военного Совета СССР, нарком по военным и морским делам М.В. Фрунзе. М.В. Фрунзе тоже поддержал идею создания МАССР.

В советские времена именем К. был назван город, в котором он родился. В Кишиневе был открыт музей Г.И. Котовского и С.Г. Лазо, воздвигнут памятник, который является одной из лучших конных скульптур Европы, улицы Кишинева и других населенных пунктов Молдавии носили его имя. Ему было посвящено немало произведений, о нем снимались кинофильмы. К сожалению, сегодня легендарный комбриг незаслуженно забыт. В Молдавии переименованы город и улицы, названные его именем, ликвидирован музей в Кишиневе.

Можно по-разному относиться к личности К. Для одних он так и остался героем революции, для других он - бандит и каратель, уничтоживший «цвет украинского воинства». Но, так или иначе, это был неординарный человек, который благодаря своим способностям выдвинулся во времена Русской Смуты, став видным государственным и военным деятелем новой Советской России.

Лит.: Есауленко А.С. Революционный путь Г.И. Котовского. Кишинев, 1956; Григорий Иванович Котовский. М., 1951; Шмерлинг В. Котовский. М., 1940; Файтельберг-Бланк В., Шестаченко В. Бандитская Одесса. Одесса, 1999.

Купчанко Григорий Иванович (27. VII. (9. VIII) 1849, с. Бергомет, австрийская часть Буковины, ныне Черновицкая обл. - 1902, Вена). Политический и общественный деятель, этнограф, издатель, журналист. О себе писал: «Я родился 27 июля 1849 г. отъ русскихъ православныхъ родителей изъ крестьянскаго сословія въ русскомъ православному селе Бергомети на Пруте Коцманскаго уезда, въ Северной Буковине». Закончил Венский университет. С 1870 г. жил в Вене.

Подвергался преследованиям со стороны австрийских властей и нападкам украинских националистов за свои убеждения. С 1888 г. Г. Купчанко издает газету «Русская правда». Это была иллюстрированная «газета для русских мужиков». Она выходила в Вене тиражом более 3 тыс. экз. на галицко-русском наречии и отличалась высоким полиграфическим качеством. Ее подписчиками были русские крестьяне Галичины, Буковины и Угорской Руси. В 1897 г. начал издавать в Вене «русский иллюстрированный журнал для «русской молодежи в Буковине,

Галиции и Венгрии» под названием «Веночек для русских деточек». В этом журнале много писалось о православной вере, церкви, происхождении русского народа, о русском письме и правописании. Также помещались поучительные рассказы, сказки, песни, ребусы, шутки. В конце 1897 г. журнал был запрещен австро-венгерскими властями.

К. выпустил ряд трудов по истории и этнографии русского (русинского) населения Галичины, Угорской Руси и Буковины, в том числе: «Некоторые историко-географические сведения о Буковине», «Песни буковинского народа» (обе работы вышли во втором томе Записок Юго-западного отделения Географического общества в 1875 г., а затем отдельными книгами), «Буковина и ее русские жители» (Вена, 1895 г.), «Галичина и ее русские жители» (Вена, 1896 г.), «Угорская Русь и ее русские жители» (Вена, 1897 г.).

Соч.: *Некоторые историко-географические сведения о Буковине // Записки Юго-западного отделения Географического общества. Киев, 1875. Т. II; Песни буковинского народа // Записки Юго-западного отделения Географического общества. Киев, 1875. Т. II; Буковина и ее русские жители. Вена, 1895; Галичина и ее русские жители. Вена, 1896; Угорская Русь и ее русские жители. Вена, 1897.*

Лит.: *Купчанко Г.И. Способы и средства «украинской» борьбы в Австрии // Приложение к №4-5 «Просвещения». Вена, 1900; Добржанський О. Національний рух українців Буковини другої половини ХІХ - початку ХХ ст. Чернівці, 1999.*

Крушеван Павел (Паволакый) Александрович (15 (27). I. 1860, с. Гиндешты Сорокского уезда Бессарабской губернии – 5 (18). VI.

1909, Кишинев). Политический и общественный деятель, писатель, журналист. Отец его был бедным молдавским резешем (вотчинником) и не смог обеспечить детей приличным образованием. Поэтому К. пришлось заниматься самообразованием. В 30 лет, прослужив писцом в канцелярии местного округа акцизных сборов, П. Крушеван сдал экзамен по программе первых четырех классов. Этого требовал минимум

образовательного ценза для младшего акцизного надсмотрщика. Впоследствии обвинения в дикости и необразованности не раз отравляли жизнь К. Как говорил сам К.: «гений не в дипломе, а в голове». Читая публицистику К., вряд ли кому в голову придет мысль о необразованности ее автора. Служил присяжным поверенным, чиновником Кишиневской городской думы, Сорокского и Минского акцизных управлений.

Впервые вступил на литературное поприще в 1882 г. с романом «Счастливейшее всех» в книжках «Недели» (книги выпускались при еженедельной газете «Неделя»). В той же «Неделе» были опубликованы несколько повестей и статей. Много писал в «Минском листке», «Виленском вестнике» (1887-1895), «Бессарабском вестнике» (1896). Отличался редкой плодовитостью. Говорили, что ему ничего не стоило писать ежедневно по 500 газетных строк. Часть написанного за это время К. вошла в отдельно изданные книги: «Что такое Россия» (М., 1896), «Дело Артабанова» (М., 1896).

В 1897 г. К. основал в Кишиневе газету «Бессарабец». Денег в то время у него не было ни гроша, как признавался он позже. Тем не менее, он смог наладить ее выпуск. Газета пропагандировала монархические взгляды. На свои собственные средства К. в 1903 г. выпускает книгу «Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник». Собранные в ней сведения до сих пор представляет интерес для историков.

В газете «Бессарабец» К. выдвинул версию о том, что зверское убийство 14-летнего подростка Миши Рыбаченко из г. Дубоссары, тело которого было найдено 13 февраля 1903 г. в заброшенном саду через

несколько дней после исчезновения с множеством резаных и колотых ран, совершили в ритуальных целях евреи-талмудисты.

С конца 1903 по 1904 г. К. издавал газету «Знамя» в Санкт-Петербурге. В этой газете в 1903 г. под общим заголовком «Программа завоевания мира евреями» были напечатаны так называемые «Протоколы сионских мудрецов». 30 июня 1903 г., вскоре после еврейского погрома в Кишиневе, идейным вдохновителем которого либеральная пресса считала К., он был ранен на Невском проспекте в Санкт-Петербурге студентом Киевского политехникума Пинхасом Дашевским. К. принимал участие в организации Союза русского народа (СРН) в Петербурге, участвовал в первом митинге Союза в Михайловском манеже в октябре 1905 г. К. стал основателем бессарабского отдела СРН.

После закрытия обоих изданий по финансовым причинам стал редактором и издателем кишиневской газеты «Друг» (1906-1909). В 1907 г. К. избран депутатом II Государственной думы. В 1906-1909 гг. становится гласным Кишиневской городской думы.

Умер 5 июня 1909 г. в Кишиневе от паралича сердца. Как писалось в некрологе, опубликованном в журнале «Исторический вестник», «бесчисленные враги выставляли его организатором кровавых антиеврейских погромов, в действительности же он словом и делом проповедовал только мирную культурно-экономическую борьбу с еврейской эксплуатацией, об ужасах которой знают только люди, жившие на Юге».

В 1912 г. бессарабские монархисты заложили в Кишиневе памятник К. 1 июня 1914 г. памятник был открыт. От имени Союза русского народа у памятника был положен серебряный венок.

Соч.: Что такое Россия? Путевые заметки. М., 1896; Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник. Издание газеты «Бессарабец» / Под ред. П.А. Крушевана. М., 1903.; Всероссийский Союз русского народа. Одесса, 1906; Слушай, Россия. Доклады. СПб., 1907.

Лит.: Банух А. П.А. Крушеван // Кишиневский обозреватель. 1998. № 15, 16; Некролог // Исторический вестник. 1909. № 7; Степанов А.Д. Крушеван Павел (Паволакый) Александрович // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М., 2003; Платонов О. Терновый венец России. Загадка Сионских протоколов. М., 1999.

Лещенко Петр Константинович (1 (14). VI. 1898 – 16. VII. 1954). Известный русский певец. Большинство исследователей указывает, что Л. родился в с. Исаево Херсонской губернии (ныне Одесская обл. Украины). Однако никаких сведений об этом у местных жителей не сохра-

нилось, не проживают в селе родственники и однофамильцы певца.

Его мать переезжает в Кишинев. Л. учился в 7-м церковно-приходском училище г. Кишинева, затем, с 1910 по 4 октября 1914 г., во 2-м городском трехклассном (с 1913 г. - высшее начальное) училище. Петр пел в церковном хоре, научился играть на гитаре и балалайке. В 1915 г. юношу призывают в армию и после окончания школы прапорщиков в 1916 г. отправляют на румынский фронт. В 1917 г., после отречения Николая II, Л. вновь в Кишиневе, где работает в ресторанах как танцор. В 1918 г. Румыния оккупирует Бессарабию.

В 1918-1919 гг. Л., вероятно, принимал участие в гражданской войне. В 1920 г. начинает концертную деятельность в Бессарабии, выступая под псевдонимом Мартынович. В 1923 г. уезжает в Париж, где поступает в балетную школу. Здесь встречает будущую жену - латышку Зинаиде Закит (род. 17 апреля 1904 г.). Гастролирует вместе с женой по Египту, Палестине, Персии, Турции.

В 1929 г. артисты приезжают в Кишинев, где с большим успехом выступают в ресторане «Лондон». Л., наряду с танцевальными номерами, исполняет цыганские романсы и песни. 1 марта 1929 г. Л. пел в клубе Русского артистического кружка в Риге, где его слушали не просто любители, а люди, выросшие на русско-цыганских романсах. Успех был впечатляющим. Этот концерт стал переломным в карьере Л., с тех пор он в основном только пел.

3 января 1931 г. у Л. в Риге родился сын Игорь.

В 30-х гг. Л. заключил контракт с румынским филиалом британской фирмы «Columbia» и напел около 80 песен. Также записывается на фирме «Bellaccord Electro» (г. Рига), где исполнил свыше 60 песен и романсов, и на «Parlophon» (Германия) - 10 песен. Его пластинки пользуются огромной популярностью и расходятся огромными тиражами по всему миру.

В 1933 г. вместе с женой и сестрами Л. открывает в Бухаресте ресторан «Наш домик». Здесь Петр пел, Зинаида и сестры танцевали. Два года спустя Петр открывает свой собственный фешенебельный ресторан «Лещенко». Алла Баянова, выступавшая там, вспоминает: «Оформление было потрясающее. Во всю сцену художник Виктор Малишевский нарисовал летящую русскую тройку, на столиках стояли лампы с

разноцветными абажурами. Руководил оркестром Жорж Ипсиланти - композитор и музыкант. Ресторан пользовался огромной популярностью».

Пел сам хозяин, другие певцы, как сольно, так и с цыганским хором, танцевали «Трио Лещенко» и прима - Зинаида Закит. Во время выступлений не разрешалось ходить по залу и разговаривать. Накануне второй мировой войны П.К. Лещенко был на вершине творческого успеха.

Весной 1942 г. певца приглашают дать ряд концертов. Он знакомится с Верой Георгиевной Белоусовой, ставшей впоследствии второй его женой. В 1942 г. Л. как румынского гражданина призывают в 13-ю дивизию румынской армии. Однако он уклоняется от службы и не едет в свой полк. За это его осуждают офицерским судом. В октябре 1943 г. его направляют служить в Крым. Там он в звании майора румынской армии находится до марта 1944 г., занимаясь снабжением офицерских столовых.

24 августа Румыния объявила войну фашистской Германии. Румынская армия повернула оружие против немецко-фашистских войск. С весны 1944 г. до весны 1948 г. «Чубчик» Л. зазвучал в советских воинских частях, где Л. с супругой выступали перед солдатами и офицерами. Изменилась и сама атмосфера концертов: «Помню, прибежит он с концерта такой оживленный, радостный! Все время повторяет: какие они симпатичные - наши военные. Мол, это родные, советские люди! И как он был счастлив, что пел для них...», - вспоминала Вера Георгиевна Белоусова-Лещенко.

Он ходатайствовал перед Советским правительством о возвращении на родину. Вопрос был решен положительно. Певец даже устроил прощальный ужин, на котором сказал: «Друзья! Я счастлив, что возвращаюсь в Россию, на Родину. Моя мечта сбылась. Я уезжаю. Но мое сердце останется с вами».

В марте 1951 г. во время концерта в г. Брашове, носившем тогда имя Сталина, Л. был арестован органами госбезопасности Румынии. До сих пор неизвестны причины его ареста и приговор суда.

Через 9 месяцев Вере Белоусовой-Лещенко разрешили встретиться с мужем: «Это было под Бухарестом, в лагере за колючей проволокой. Я увидела его, когда выкликнули его фамилию на проверке, - и сердце упало. Он был худой, с запавшими глазами, в неглаженной, однако чисто выстиранной рубашке. Пока мы стояли друг против друга, я все время плакала, а он повторял: «Я ни в чем не виноват! Я ни в чем не виноват!» Потом успокаивал меня по-отечески: «Не плачь, девочка». А в конце выкрикнул, подняв руку к небу: «Бог, он все видит!...». В 1952 г. Веру Георгиевну тоже арестовали. Ее передали советской контр-

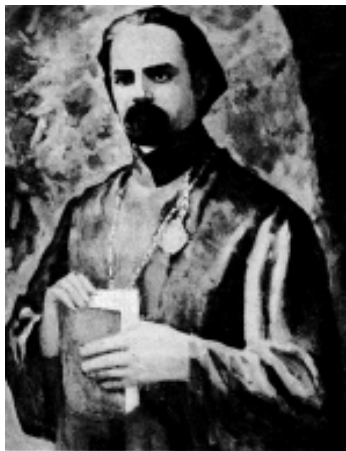
разведке. В СССР приговором военного трибунала она была осуждена на 25 лет лишения свободы.

По некоторым сведениям, Л. умер в бухарестской тюремной больнице 16 июля 1954 года. Сестру известили о смерти брата только в 1956 году, когда должен был окончиться срок его заключения. Материалы по делу Лещенко до сих пор закрыты.

Во всех когда-либо заполнявшихся анкетах певец всегда писал: «Лещенко Петр Константинович, русский, православный, румынский подданный...».

Песни Л. пользуются популярностью до сих пор. Его звезда выложена на Аллее звезд возле гостиницы «Россия» в Москве. В 1999 г. на основании публикаций газеты «Кишиневский обозреватель» и по ходатайству генерального директора Издательского дома «Татьяна» С.Г. Суляка именем Петра Лещенко были названы улица и переулок в г. Кишиневе.

Лит.: Бардадыми В. Тот самый Петр Лещенко. Краснодар, 1993; Гридин В. Прощай, мой табор. Книга о Петре Лещенко. Одесса, 1998; Суляк С. Тот самый Лещенко // Кишиневский обозреватель. 1998. № 20 (172); Суляк С. Не уходи. Краткая биография Петра Лещенко. Песни из репертуара певца. Кишинев, 1998.

Матеевич Алексей Михайлович (настоящая фамилия – **Матвеевич**, 16. III. 1888, с. Кайнары Бессарабской губернии (ныне Республика Молдова) – 26. VIII. 1917, Кишинев). Видный общественный деятель, писатель, публицист, переводчик, историк, этнограф. Родился в семье священника. В 1910 г. окончил Кишиневскую духовную семинарию, в 1914 г. – Киевскую духовную академию.

Впервые выступил в печати в 1906 г. В газете на молдавском языке «Басарабия» («Бессарабия») под псевдонимом А. Михаилеску вышел его материал «Проблема священников». В нем рассказывается о нечистоплотной возне вокруг прихода в с. Заим, за обладание которым после смерти отца М. стали бороться священники соседних сел. В этой газете он опубликовал и три рассказа А.П. Чехова, которые сам перевел на молдавский язык.

В том же 1906 г. М. опубликовал очерк из бессарабской жизни «Осень», статьи «Что нам нужно?» и «Борьба молдаван за свои пра-

ва». Ратуя за национальные права молдавского народа, он имел в виду его развитие не иначе как в рамках многонационального Российского государства. В 1907 г. состоялся его дебют в качестве поэта. В «Басарабии» вышло первое его стихотворение «Дорул» («Желание»).

В 1910 г. М. закончил Кишиневскую духовную семинарию с превосходным аттестатом: из 30 оценок у него было только шесть «четверок». По остальным предметам стояли отличные оценки. Он стал настоящим полиглотом: кроме молдавского, русского и церковнославянского, он владел греческим, латинским, французским и немецким языками, в Киевской духовной академии изучил английский и древнееврейский.

Поступив в этом же году в Киевскую духовную академию, он продолжает писать и заниматься переводами. Он публикует на молдавском стихотворения и статьи религиозно-нравственного содержания в церковном журнале «Луминэторул» («Просветитель»). Важное место в творчестве М. занимает популяризация русской культуры. Он продолжает переводить на молдавский язык произведения русских классиков: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.К. Толстого, Ф. И. Тютчева.

В 1910 г. М. публикует в журнале «Кишиневские епархиальные ведомости» статью «Моменты церковного влияния в происхождении и историческом развитии молдавского языка». В этой работе рассказывается о влиянии церковнославянского языка на развитие молдавского языка. М. указывал, что «... нынешние румыны теряли язык своих предков и своей церкви от всяких сторонних воздействий и внутренней разьединенности, тогда как бессарабские молдаване, сплотившись под покровом церкви, ревностно оберегали ее язык, как свою национальную святыню. Присоединение Бессарабии к России оказалось спасительным актом как для молдавского языка, так и для молдавского богослужения». В следующем году в этом журнале выходят его работы: «Молдавские похоронные причитания», «Религиозные мотивы в поверьях и обрядах бессарабских молдаван». В последующие годы здесь же публикуются его работы «Очерк молдавских религиозно-бытовых традиций» (1912), «Молдавские празднования от Пасхи до Пятидесятницы» (1913), «Христианство в Бессарабии» (1913), «Молдавское церковно-богослужбное книгопечатание в основных моментах его истории» (1915).

В 1914 г. М. защищает кандидатскую диссертацию по теме «Религиозно-философское мирозерцание Фехнера». На последнем курсе он женится на Феодосии Новицкой. После окончания академии М. работает преподавателем греческого языка в Кишиневской семинарии (1914-1915). В 1915 г. он становится членом Бессарабского церковно-

го историко-археологического общества. 11 сентября 1915 г. М. был мобилизован в качестве военного священника и отправлен на Галицийский фронт. В марте 1915 г. он публикует в журнале «Луминэторул» материал под названием «Зверства немцев» (с пометкой «перевод с русского»). Этот материал – сокращенный перевод на молдавский язык газетных материалов сборника «Черная Книга германских зверств» (СПб., 1914).

С открытием в конце 1916 г. Румынского фронта М. был направлен в составе своей части из Галичины в Румынию. В конце 1916 г. М. был награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

Февральскую революцию 1917 г. М. встретил с противоречивым чувством. Как пишет он в письме жене 12 марта 1917 г.: «Февральские дни у нас в армии прошли гладко... В армии у нас ничего не изменилось. Все идет по-прежнему. Решимость если отстоять не царя, то родину, в солдатах крепка. Они готовы сражаться, во что бы это не стало, и о чем бы внутри не спорили. Знаю, что происходящее здесь - тоже победа над немцем – только над немцем внутренним. Отдельные лица обращаются за разъяснением вопроса о присяге, который разрешается в том смысле, что присяга родине и вере остается неизменной, а присяга царю сама собой перешла к Верховнокомандующему...». И далее: «Я лично не могу не радоваться так легко и бескровно совершившемуся перевороту, но боюсь, во-первых, реакции, без которой не проходила ни одна известная в истории революция, а во-вторых – возобладания во Временном правительстве и будущем Учредительном собрании крайних элементов, которые могут навязать нам республику. Ведь ... щирые украинцы ... уже выступали с требованием Соединенных Штатов Украины и другими благоглупостями». Беспокоила его и скоропалительность «реформы» в армии: «Как бы вместе с наследием старого режима не подорвать и моральных основ армии, которые ведь созданы не вчера и не гг. Гучковыми, отменяющими их одним росчерком пера».

В июне 1917 г. М. пишет стихотворение «Наш язык» («Лимба ноастрэ»). Впервые оно было прочитано автором 18 июня в г. Кишиневе на съезде учителей-молдаван Бессарабии. Стихотворение было напечатано в газете «Кувынт молдовенеск» (и бесплатном приложении к газете с одноименным названием) 21 июня 1917 г., а 29 августа - в запрутской газете «Neamul Românesc». Это стихотворение – гимн родному молдавскому языку. По традиции им открывается каждое новое издание произведений поэта. В 30-е годы XX в. композитор А. Кристя переложил стихотворение на музыку.

Продолжая традиции молдавских писателей XIX в., М. в своих произведениях выступает против реформаторов молдавского языка, про-

тив его латинизации, за сохранение веками укоренившихся славянских слов. Во время работы съезда учителей-молдаван, когда один из ораторов выступил за введение в Бессарабии латинского алфавита и заявил, что можно при этом рассчитывать на помощь Румынии, М. парировал: «Бессарабия имеет свою интеллигенцию и не нуждается в помощи Румынии».

В стихотворении «Иным словесникам» («Унора»), написанном им 13-14 июля 1917 г. на фронте, в карпатском с. Мэрэшешты, поэт дает отповедь т.н. «латинизаторам», которые под видом «обогащения» и «обновления» молдавского языка насильственно включали в него слова латинского происхождения, изгоняя славянизмы. В своем стихотворении он отмечает, что:

«Молдавский вольный говор, язык, что дан навеки,
Становится латынью в цирюльничьих устах,
Но пахнут ваши розы лекарством из аптеки,
Ведь розы ваши сделаны из розовых бумаг».

На фронте М. заразился сыпным тифом и был госпитализирован в 1-ю кишиневскую больницу, где и скончался 13 августа 1917 г.

В перестроечное время имя М. пытались эксплуатировать ряд про-румынски настроенных представителей интеллигенции. В 1988 г. при Союзе писателей Молдавской ССР создается «Кружок Алексея Матеевича». Это объединение сыграло важную роль в организации движения за «возвращение» молдавского языка к латинской графике, организовывая митинги, демонстрации протеста, сбор подписей. Тем самым кружок выступал, по сути дела, против идей самого М. Вероятно, поняв двусмысленность ситуации, от использования имени М. вскоре отказались. В мае 1989 был создан Народный Фронт Молдовы (НФМ), который продолжил борьбу за эти цели.

Песня «*Limba noastră*» («Наш язык») на стихи М., музыку Александру Кристи в аранжировке Валентина Дынги является гимном Республики Молдова с 1995 г.

Именем М. названы улицы в г. Кишиневе и ряде других городов Молдавии. Его творческое наследие, в т.ч. исторические и этнографические труды, до сих пор изучено недостаточно.

Соч.: Матеевич А. *Избранное*. Кишинев, 1988; Матеевич А. *Opere*. Vol. 1, 2. Chişinău, 1993.

Лит.: Левит Ф. *Кынтэрецул лимбий ноастре*. В его кн.: *Студий де историе литерарэ*. Кишинэу, 1971; Чокану В. *Алексей Матеевич (индиче биобиблиографик)*. Кишинэу, 1969.

Милеску-Спафарий Николай Гаврилович (1635, Милешты, округ Васлуй Молдавского княжества (ныне Румыния) – 1708, Москва).

Видный государственный деятель, ученый и дипломат. Его род происходил из Пелопоннеса (Греция). Поэтому, наряду с «волошенином», «молдовляхом», его иногда называли и «греченином». В Молдавии предки Спафария достигли боярского достоинства и состояли в родстве с родами Дуков и Гиков, члены которых не раз становились господарями в Придунайских княжествах во второй половине XVII в.

Первоначальное образование получил в Ясской Славяно-греко-латинской школе, большинство преподавателей которой были монахи из Киева. Продолжил образование в Константинополе (1645-1650) в Высшей школе, основанной константинопольским патриархом и находившейся под его покровительством. Здесь он изучил древнегреческий, новогреческий, турецкий, арабский языки и полный курс истории, философии, литературы и богословия. Затем изучал естественные науки, математику, латинский и итальянский языки в Падуе (Италия).

В 1653-1671 гг. находился на государственной службе у молдавских и валашских господарей. При дворе молдавского господаря занимал должности грэмэтика (секретаря), советника, логофета (руководителя государственной канцелярии) и спатаря, или спафария (хранителя оружия господаря и главнокомандующего войсками). Некоторое время С. занимал пост спатаря также в Валахии и был представителем валашского господаря в Константинополе при турецком правительстве. От придворной должности спатаря (спафария) и произошла вторая фамилия Н. Милеску - Спафарий, под которой он известен в России. Первая происходила от названия поместья.

С. принимал активное участие в укреплении связей Молдавского княжества с Россией. В 1656 г. в Москву от молдавского господаря Георгия Стефана прибыло посольство во главе с митрополитом Гедеоном с просьбой о принятии Молдавии в русское подданство. К грамоте молдавского государя был приложен проект соглашения, который был приготовлен при участии С. Несмотря на успех переговоров, решение не удалось воплотить в жизнь: турецкое правительство, узнав о соглашении, в марте 1658 г. низложило молдавского господаря.

С. участвовал в заговоре против нового господаря Стефаницы, занявшего престол в 1659 г. и проводившего протурецкую политику. Заговор был раскрыт, и С. отрезали часть носа. После этого С. переходит на службу валашскому государю Георгию Гике и становится его пред-

ставителем в Константинополе при турецком правительстве. Здесь он занимается литературной деятельностью: переводит на молдавский язык Библию. В 1664 г. началась война между Турцией и Польшей. Валашский господарь переходит на сторону Польши, и С. покидает Турцию. Он переселился в Бранденбург (Берлин), но там был объявлен персоной нон грата и перебрался в Померанию, в Шеттин. Здесь жил бывший государь Молдавии Георгий Стефан. Он назначил С. своим доверенным лицом к шведскому королю. В этот же период (июнь 1667) побывал с дипломатической миссией в Париже, где вел переговоры о создании Лиги христианских государств против Османской империи.

В начале 1669 г., после смерти Георгия Стефана, он возвратился в Молдавию. В 1670 г. он уезжает в Константинополь, навсегда покидая Молдавию.

В это время перед Россией встала задача вытеснения Турции из Северного Причерноморья. С 1669 г. А. С. Матвеев возглавил Малороссийский приказ. С 1671 г. он одновременно руководил и Посольским приказом. Для достижения новых целей Матвееву требовались специалисты по «восточному вопросу». Таких лиц было необходимо искать на православном Востоке. Иерусалимский патриарх Досифей рекомендовал русскому правительству С., который «человек премудрый» и, что было особенно важно, «благочестивый христианин и прям в повелении и тайне и в послушании святой кафолической апостольской восточной церкви». Другая столь же лестная рекомендация была дана С. переводчиком Оттоманской Порты греком Н. Панагиотом, человеком, преданным Москве. 1 марта 1671 г. С. отправляется из Андрианополя в Россию через Венгрию и Польшу. 3 июня С. уже был в Москве. В конце 1671 г. он был назначен в Посольский приказ переводчиком с эллинского, латинского, греческого и волошского языков, причем записан в Разряд по Московскому списку, что было важной служебной привилегией, дававшей ему старшинство перед другими переводчиками. С. переводит с греческого на русский язык ряд богословских и исторических книг.

Он также принимает участие в политических переговорах русского правительства с Молдавией. В 1674 г. в Москву приехали послы молдавского господаря Стефана Петричейку и валашского Георгия Гика с просьбой о принятии их государств в русское подданство. Послы просили С. способствовать успешному выполнению их миссии. В ответ на просьбу господарей царь Алексей Михайлович дает согласия принять Молдавию и Валахию в русское подданство. Однако, турецкое правительство, узнав об этих тайных переговорах, сместило господарей.

В 1673 г. С. назначается главой русского посольства, направляемого в Китай. После воцарения в Китае в 1644 г. маньчжурской династии Цин отношения между Россией и Китаем осложнились. Маньчжуро-китайские войска стали захватывать приамурские земли, которые не входили в состав Китайского государства. Цинские войска напали на русские поселения и разрушали их. С целью урегулирования отношений с Китаем направлялось несколько посольств, но их усилия не увенчались успехом. Подготовка нового посольства заняла два года. Перед ним ставились задачи не только дипломатического и торгового характера, но и научного. Были отпущены «инструменты различные астрономические и компасы, через которые можно расстояние путей и прямой путь обыскать; живописец, который знает землемерие и чертежи писать», книги, в которых «описано государство Китайское и лексикон китайский». Посольство, в состав которого вместе с охраной вошло 150 чел., выехало из Москвы 3 марта 1675 г. Посольство прибыло в Пекин 15 мая и пробыло там до 1 сентября. Хотя в дипломатическом плане посольство не имело большого успеха, оно привезло в Москву богатейшие географические сведения по Китаю и Сибири. По прибытии в Москву 5 января 1678 г. кроме обычного статейного списка С. предоставил две книги: дневник путешествия по Сибири и описание Китая.

За время отсутствия С. в Москве произошли перемены: на престол вступил новый царь Федор Алексеевич (1676-1682), боярин Матвеев был сослан в Пустозерск. С. пришлось давать объяснения о причинах неудачи посольства, отчитываться за отпущенные на посольство средства, оправдываться по поводу некоторых обвинений подчиненных. Он смог оправдаться и в сентябре 1679 г. снова назначается переводчиком Посольского приказа.

О последних годах жизни и деятельности С. сведений сохранилось немного. В 1684 г. он участвует в переговорах русского правительства со шведским посольством в Москве. Есть упоминание, что С. был одним из учителей Петра I. В 1694 г. он назначен постоянным послом в Польшу, но в связи с изменением политической обстановки в Варшаву не выехал. В 1695 г. он участвует в качестве переводчика и советника Петра I в Азовском походе. О доверии Петра I к С. говорит и то, что он принимал участие в составлении секретных писем царя польскому королю Собесскому (1695), императору Леопольду (1696) и дожу Венеции (1699). Эти документы были связаны с переговорами о создании Лиги христианских государств против Османской империи.

В конце 1686 г. в Россию приехали два племянника С., которые были приняты на службу. В последние годы жизни С. неоднократно просил об отставке: 30-летняя служба утомила его, и он думал удалиться в

монастырь. Однако его желание не исполнилось: он умер переводчиком Посольского приказа в 1708 г.

С. был женат на «москвитянке», у него было три сына: Максим, Василий и Никита. Все его потомки до революции 1917 г. жили в России под фамилией Спатарьевы, числились в дворянах Калужской губернии и состояли на русской службе.

В Алмазном фонде России находится императорская корона Екатерины II. Вершину короны украшает огромный (79,7 граммов) кристалл темно-красной шпинели, на котором укреплен бриллиантовый крест. Этот кристалл приобрел в 1676 г. русский посол в Пекине Николай Спафарий для царя Алексея Михайловича у китайского богдыхана Кан-Хи.

Соч.: Описание первой части вселенныя, именуемой Асии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. Казань, 1910; Сибирь и Китай. Кишинев, 1960; Эстетические трактаты. Л., 1978.

Лит.: Арсеньев Ю.В. Николай Спафарий и его время // Русский архив. № 7, кн. 3. 1895; Урсул Д.Т. Милеску Спафарий. М., 1980; Яцимирский А.Я. Николай Милеску Спафарий. Казань, 1908.

Могила Петр Симеонович (31. XII. 1596 (10. I. 1597), Сучава, Молдавское княжество (ныне Румыния) – 1. (11). I. 1647, Киев). Видный политический, церковный и культурный деятель Западной Руси. Его родной дядя Иеремия был господарем Молдавии в 1595-1607 гг. Его отец Симеон был господарем Валахии (1600-1602), затем Молдавии (1606-1607). Оба эти господаря были приверженцы православия, покровительствовали Львовскому православному братству и присылали ему значительные денежные пособия на постройку братской церкви. В 1612 г. Могилам пришлось бежать в Польшу, где у них были сильные и богатые родственники по женам, князья Корецкие и Вишневецкие, польский шляхетский род Потоцких. М. получил образование в Львовской братской школе. В 1621 г. турецкий султан Осман выступил во главе огромного войска против Польши с целью ее покорения. Решающая битва произошла под Хотином. М. участвовал в Хотинской битве в рядах польской армии.

В 1625 г. М. постригся в монахи в Печерской лавре. В 1627 г. он стал архимандритом Киево-Печерской лавры. В 1629 г. Петр Могила издал исправленный им «Служебник».

М. решил создать при Печерском монастыре высшую школу и отправил учиться за границу за свой счет нескольких молодых людей, в их числе Сильвестра Коссова, Исая Трофимовича, Иннокентия Гизеля. После просьбы киевского православного братства и казацкой

*Митрополит Киевский
и Галицкий
и всея Руси
Исайя*

старшины не заводите особого училища, он присоединил свою школу к братской. М. становится старшим братом, блюстителем и пожизненным опекуном киевского братства. В 1632 г. была образована Киево-Могилянская академия (коллегия), названная так в честь М..

В апреле 1632 г. скончался польский король Сигизмунд III, главный виновник и поборник унии. Митрополит Киевский и Галицкий и всея Руси Исайя и все духовенство уполномочили ехать на Сейм М.. М. добился у польского короля Владислава IV признания легального существования православной церкви

наряду с униатской и возвращения ей ряда храмов и монастырей. Была предоставлена полная свобода переходить как из православия в унию, так и из унии в православие. Король утвердил «Статьи для успокоенья народа русского греческой религии, живущего в царстве Польском и Великом княжестве Литовском». Этим актом православным была возвращена большая часть прав, которыми они пользовались до унии.

В 1633 г. польский король Владислав IV утвердил М. митрополитом Киевским, Галицким и всея России. Посвящение М. совершил экзарх Константинопольского патриарха Иеремия Тиссаровский в церкви Львовского ставропигиального братства. Вселенский патриарх Кирилл Лукарис прислал Могиле вместе с благословением на митрополию и право быть экзархом.

Возвратившись в Киев, М. первым делом отобрал у униатов Киево-Софийский собор, три приписанные к нему церкви: св. Николая (Десятинную), св. Симеона и св. Василия (Нагорную), а также Выдубицкий монастырь. Он обновил церковь св. Василия, из развалин Десятинной церкви построил новую каменную. Во время производства работ был найден гроб св. Владимира. На эти работы М. использовал

собственные средства, средства лавры, пожертвования и помощь царя Михаила Федоровича.

М. взялся за исправление церковных богослужебных книг, в которые вкрались неправильности и разночтения. Это обстоятельство активно использовали для своей пропаганды католики и униаты. Он постановил, чтобы богослужебные книги печатались только после сличения их с греческими подлинниками. В 1637 г. М. издал «Евангелие учительное». Много внимания он уделял повышению уровня священников и надлежащему отправлению ими обязанностей. Он постановил, чтобы все претенденты на место священника до своего посвящения прибывали в Киев для учебы. Подготовка продолжалась иногда до года. Сам митрополит Петр экзаменовал будущих священников и содержал их за свой счет во время обучения.

В сентябре 1640 г. М. созвал собор в Киеве, куда пригласил не только духовных особ, но и светских людей, членов православных братств. На соборе был предложен к рассмотрению новый «Катехизис» под заглавием «Православное исповедание кафолической и апостольской Церкви Восточной». Он был послан Константинопольскому патриарху, который, понимая всю важность этой книги для православной церкви, направил его на рассмотрение на другой собор в Яссах. Не дождавшись ответа из Константинополя, М. напечатал «Православное исповедание» в сокращенном виде, причем вначале на польском языке, для того, как сказано в предисловии, «чтоб зажать рот бесстыдным неприятелям восточного православия, которые осмеливаются взводить на него разные ереси». В 1645 г. книга была издана на русском языке, чтобы служить руководством для православных, особенно при обучении детей в школах, для чего даже библейские тексты были приведены на местном народном наречии. В следующем году книга два раза издавалась во Львове, а в 1649 г. с некоторыми изменениями - в Москве. В 1646 г. М. издал «Евхологион, альбо Молитвослов, или Требник».

При помощи М. в Яссах создается господарская школа - Славяно-греко-латинская коллегия (академия).

Трудами М. преподобные отцы, почивающие в Ближних и Дальних пещерах Киевской Успенской лавры, общим числом сто восемнадцать, причислялись к местночтимым святым города Киева в 1643 году и внесены в русские святцы по указу св. Синода для общего почитания в 1762 году.

При вступлении в должность митрополита М. преобразовал киевскую братскую школу в коллегию, основал еще одну школу в Виннице, открыл при киевском братстве монастырь и типографию, подчинив их киевскому митрополиту. Для содержания братской коллегии он при-

писал два лаврских имения и собственное имение село Позняковку. Кроме того, давал постоянные денежные пособия на постройки, ученикам и учителям. По его инициативе было издано много книг, в основном богослужебных. Печатание церковных книг продолжалось при М. во всех западнорусских типографиях. Во Львове действовало три типографии, где было напечатано до 25 книг. Иноки виленского Свято-Духова монастыря напечатали в своих двух типографиях до 15 книг. Но самой главной типографией стала Киево-Печерская, как по количеству, так и по достоинству ее изданий. В ней было напечатано не менее 12 книг. Причем размер книг доходил до 1000-1500 страниц. Ее архитипографом был Памва Берында.

За девять дней до своей кончины М. написал духовное завещание. Основную часть своего имущества он завещал церкви. Коллегии он завещал 81000 польских золотых, всю свою библиотеку, четвертую часть своего серебра, некоторые ценные вещи, серебряный митрополичий крест и саккос (верхнюю архиерейскую одежду).

По кончине тело святителя Петра было перенесено из Киево-Печерской лавры в Софийский собор «для небеспеченства от новых еретиков, то есть от лжехристиан, мерзенных унитов, жебы столечной церкви св. Софии не отрымали», - так сообщается об этом в Межигорской летописи. Сделано это было по распоряжению православного шляхтича Адама Киселя, и «стояло его тело у св. Софии час немалый». Так и по смерти своей святитель защищал собой святую церковь от чуждых посягательств.

Как писал Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский (1816-1882), в своей «Истории Русской Церкви»: «Имя Петра Могилы – одно из лучших украшений нашей церковной истории. Он, несомненно, превосходил всех современных ему иерархов не только Малорусской, но и Великорусской Церкви, и даже всей Церкви Восточной, - превосходил своим просвещением, еще более своею любовью к просвещению и своими подвигами на пользу просвещения и Церкви. Для своей Малорусской Церкви он оказал величайшую услугу тем, что отстоял пред королем Владиславом IV главнейшие ее права, поруганные латинянами и униатами, и мужественно защищал ее в продолжение всего архипастырского служения; восстановил в ней многое, прежде ниспровергнутое или разрушенное врагами, и положил в ней начало для лучшего порядка вещей. Всей Русской Церкви оказал великую услугу основанием и обеспечением своей коллегии, послужившей первым рассадником и образцом для духовно-учебных заведений в России. Всей православной Восточной Церкви - тем, что заботился составить «Православное исповедание», принятое и одоб-

ренное всеми ее первосвященниками и доселе остающееся ее символическою книгою».

6 декабря 1996 года священный Синод Украинской православной церкви МП РПЦ причислил Киевского митрополита Петра Могилу к лику местночтимых святых.

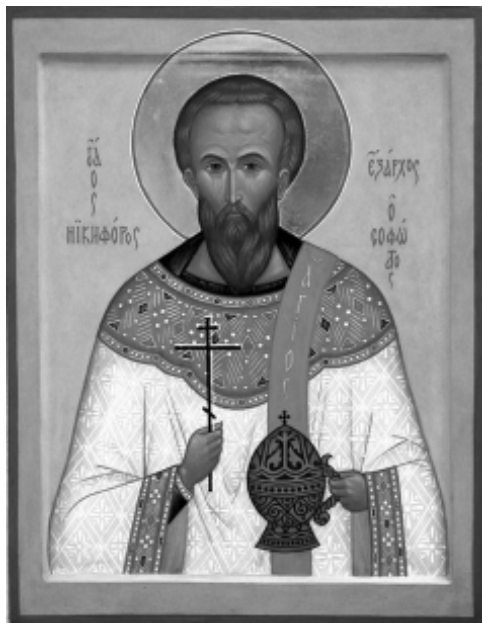
Соч.: *Требник митрополита Петра Могилы. Київ 1646. К., 1996.*

Лит.: *Голубев С.Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. 1—2, Киев, 1883-98; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. II. М., 1991; Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 6. М., 1996.*

Муха (?-?). Крестьянин родом из Северной Молдавии, руководитель восстания. Крестьянское восстание под руководством М. началось в 1490 г. на территории, которая была предметом спора между молдавским господарем и польским королем. Молдавский господарь Штефан III стремился использовать восстание в своих целях. Вскоре центр восстания переместился на территорию Подолии и Галичины. М. во главе 9-10 тысячного крестьянского войска захватил Снятин, Коломью, Галич. Затем направился на Львов. По приказу польского короля Казимира IV против М. выступило ополчение польской шляхты Русского воеводства. Объединенным силам шляхетского ополчения, королевского войска и отрядам Тевтонского ордена удалось разбить повстанцев у г. Рогатина. Сам М. с небольшим отрядом отступил в Буковину. Дальнейшая судьба его неизвестна. В 1491 г. во главе восстания стал Андрей Боруля (по некоторым сведениям, под этим именем выступал тот же М.). Восставшие дошли до Галича, но вскоре были разбиты, а их руководитель захвачен в плен и казнен (1491). Позже, в 1492 г., антифеодальное движение возглавил другой руководитель, также называвший себя М. Он пытался поднять восстание на Покутье, но был выдан полякам местной шляхтой и умер в заточении в Кракове.

Лит.: *История Молдавии. Т.1 / Под ред. А.Д. Удальцова, Л.В. Черепнина. Кишинев, 1951; История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965; Мохов Н.А. Восстание украинских и молдавских крестьян под руководством Мухи в 1490-1492 гг. // Известия Молдавского филиала АН МССР. Кишинев, 1953. № 3-4.*

Никифор Кантакузен (?), Константинополь – 1599, Мариенбургский замок Речи Посполитой, ныне Польша). Экзарх константинопольского патриарха, архидиакон, председатель православного собора в Бресте (1595), осудившего унию. Происходил из известного рода Канта-

кузенов. Представители рода были императорами Византии, господарями Молдавии. Род имел большое влияние в Стамбуле (Константинополе). Н. получил образование в университете г. Падуя (Италия). Вскоре после окончания университета принимает сан диакона в православном греческом храме св. Марка в Венеции, где служит 7 лет. В начале 80-х годов XVI в. возвращается в Константинополь, где борется за восстановление незаконно смещенного и сосланного патриарха Иеремии II, и сам попадает в ссылку. Патриаршая казна была полностью разворована, турки

продолжали забирать православные храмы. В это время Н. полностью посвящает себя служению церкви.

Когда патриарх Иеремия отправляется за поддержкой в Москву (1588-1590), он оставляет местоблюстителем патриаршего престола диакона Никифора. Случай единственный в истории православной церкви, когда патриархатом на законных основаниях управлял представитель самой низшей степени церковной иерархии. Н. сумел поправить дела патриархата. В 1592 г. патриарх Иеремия вместе с патриархом Александрийским Мелетием Пигасом утверждают Н. экзархом (греч. *éxarchos* - глава, начальник, наместник) в епархиях Константинопольского патриархата, расположенных в Молдавии и Речи Посполитой. Назначение экзарха говорит о том, что высшие иерархи православной церкви понимали, какая опасность грозит православию в этих землях. Как экзарх Н. получил право возглавить соборы с участием епископов и митрополитов.

После смерти патриарха Иеремии II в 1594 г. Н. вновь становится местоблюстителем до избрания патриарха Гавриила летом 1595 г. После этого Н. покидает Константинополь и прибывает в Молдавию. В августе 1595 г. в Яссах он организует собор, поставивший преграду унии в Молдавии. Он спасает 6-тысячный польский отряд великого коронного гетмана Яна Замойского от 42-тысячной турецкой армии.

Он добивается утверждения польского ставленника Иеремии Могилы, зятя князей Вишневецких и Корецких, господарем Молдавии.

Но, несмотря на это, по навету ЗамоЙского Н. арестовывают в Хотине на границе с Польшей как турецкого шпиона и заключают под стражу. Н. бежит из Хотинской крепости по спущенной по стене веревки. Он прибывает в Брест на собор вопреки приказу короля Сигизмунда III, запретившего во время собора въезд в страну православных посланцев. На собор также прибыли монахи с Афона и ряд других духовных лиц, в их числе экзарх Александрийский Кирилл Лукарис. Появление Н. в качестве канонического главы собора полностью смешало планы сторонников унии. Сторонники унии не пригласили никого из сторонников православия на собор и отказались встретиться с Н., который грамотой напомнил о своих правах. Несмотря на обвинения в самозванстве и превышении власти Н., православные во главе с экзархом на законном основании открыли свой собор, проведенный благодаря Н. канонически безупречно. Собор осудил унию и низложил епископов-отступников. Последние оказались фактически в изоляции от православного народа. Никакого торжества унии не получилось. Польский король вынужден был прибегнуть к политическому давлению на противников унии. Лукарису и другим прибывшим на собор православным пришлось уехать по приказу короля. Один Н. не испугался угроз. Он преподает в Острожской академии, в то же время рассылает письма с призывом стоять в православии, принимает священников. Его деятельность вызвала сильную ненависть со стороны католиков и униатов, которые небезосновательно считали Н., который был уполномоченным от Вселенского патриарха, главным препятствием в распространении унии в Западной Руси.

В феврале-марте 1597 г. в Варшаве собрался Генеральный сейм Речи Посполитой, на котором православные выразили решительный протест против незаконный последователей Брестской унии. Православные послы сейма заявили, что не приступят к обсуждению каких-либо вопросов до тех пор, пока не будут гарантированы свобода исповедания православной веры и права не подчинившихся Риму священнослужителей. Особенно решительно выступили на сейме князь Константин Острожский и шляхтич Гулевич из Волыни. В ответ канцлер Сапега заявил, что унии желали все, а смуту учинил один только Н. От Острожского, во владениях которого находился экзарх, потребовали представить его на сейм, чтобы учинить над ним королевский суд. Князь К. Острожский настоял, чтобы суд был не тайный, а публичный. В этом его поддержали некоторые польские сенаторы и русские православные представители. 11 марта 1597 г. Н. судили публично в сенате в присутствии короля и почти всех православных представителей, при-

бывших на сейм. Помимо шпионажа были выдвинуты обвинения в убийстве, чернокнижии и даже в преступной связи с матерью султана. Не зная польского языка, Н. говорил по-молдавски и просил изложить по-гречески все выдвинутые против него обвинения. Через несколько дней суд продолжился в узком кругу: король судил Н. с несколькими сенаторами. Не добившись осуждения Н. по столь абсурдным обвинениям, король отдает приказ не подвергать Н. пыткам, однако содержать в тюрьме, пока не закончится расследование. Его заключают в самую надежную тюрьму Польши – бывший замок Тевтонского ордена в Мариенбурге (ныне – Мальборк, Польша). Затем о нем «забывают». Через два года эскарх был уморен голодом.

Так в полном забвении и безвестности закончилась жизнь человека, который вместе с другими исповедниками отстаивал православие в Западной Руси.

28 октября 2001 г. Украинская православная церковь Московского патриархата (УПЦ МП) канонизировала сщмч. Никифора Кантакузена, архидиакона и эскарха Константинопольского патриарха. 31 января 2001 г. синод Белорусской православной церкви причислил Никифора Кантакузена к местнопочитаемым святым.

Лит.: Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 6. М., 1996; Протоиерей Александр Салтыков. Брестская уния 1596 года и подвиг эскарха Никифора // Ватикан: натиск на Восток. М., 1998.

Паисий (в миру Петр Величковский, 21. XII.1722, Полтава - 15. X. 1794, Нямецкий монастырь, Молдавское княжество, ныне Румыния). Видный религиозный деятель, настоятель Нямецкого монастыря, архимандрит. Родился в семье настоятеля полтавской Успенской церкви протоиерея Ивана Величковского. Отец П. умер, когда ему было 4 года. В 13 лет П. выхлопотал для себя у Киевского архиепископа Рафаила Заборовского грамоту на получение священнической вакансии в Успенском соборе, где служил его отец, и которая осталась свободной после смерти его брата Иоанна. Для этой цели он прибыл в Киев для учения, где пробыл 4 года. Пристрастившись еще дома к чтению священного писания и жития святых, будучи кротким, добронравным мальчиком, склонным к иноческой жизни, Петр Величковский поступает в монастырь близ Любеча, оттуда переходит в Медведковскую Николаевскую обитель на реке Тясмин. Здесь в 19-летнем возрасте он был пострижен под именем Платон. Из-за притеснений униатов монахи вынуждены были покинуть обитель. Монах Платон сначала отправляется в Киево-Печерскую лавру, а потом в Молдавию, где поступает в Николаевский скит Трейстены, затем переходит в скит Кыр-

кул, отличавшийся особенной строгостью монашеской жизни. В 1746 г. Платон пришел в один из монастырей Афонской горы, занял там келию и предал себя строгому подвижничеству, проводя время в посте, молитве и безмолвии.

Через три года он был облечен в мантию с переименованием в Паисия, потом, по просьбе братии, принял священство и стал монастырским духовником. Он устроил свой скит во имя пророка Илии и собрал много братии, русских и молдаван. Давления со стороны турецких властей вынудили

иеромонаха П. с братией отправиться в Молдавию. Ясский митрополит Гавриил с согласия господаря Григория Гика передает ему в управление Свято-Духовский монастырь Драгомирну. Приняв здесь схиму, П. устроил из обители общежитие, ввел в церковное пение вместе с молдавским языком церковнославянский, работал над переводом на эти языки богословских книг. После русско-турецкой войны 1768-1774 гг. территория, на которой находился Драгомирский монастырь, перешла во владения Австрии, и П. вместе со всей братией (350 чел.) переселился в Иоанно-Предтеченский монастырь Секу (или Секул). В этой обители не хватало келий, и была маленькая церковь. П. обратился за помощью к господарю Молдавии Константину Морузи. Для удобства господарь велел П. перейти в Нямецкий монастырь, куда П. перешел в 1779 г., оставшись также и настоятелем Секульского монастыря. В этих монастырях П. ввел общежительный устав, существовавший на Афоне, установил пение на церковнославянском языке одновременно с молдавским, открыл больницы. С вступлением русских войск в Молдавию в 1790 г. прибывший в Яссы екатеринославский митрополит Амвросий (Серебрянников) посетил Нямец и во время литургии возвел П. в архимандриты. К 1790 г. количество иноков, пред-

ставителей разных национальностей, здесь возросло до 10 тыс. чел. В то время это была самая многочисленная обитель православной церкви.

Скончался архимандрит П. в Нямецкой обители 15 ноября 1794 г. и был погребен в соборном храме Вознесения Господня Нямецкого монастыря. Из числа его учеников некоторые стали строителями и обновителями иноческой жизни в России, Валахии и Молдавии. Здесь особенно прославились старец Григорий, впоследствии угро-влахийский митрополит, старец Геронтий и молдавский митрополит Вениамин Костаки.

Трудами П. иночество вернулось в Россию. В России ученики П. обновили иноческую жизнь в епархиях: Калужской, Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Олонецкой, Новгородской (в Тихвине), Санкт-Петербургской и др. Благодаря стараниям его учеников и последователей более ста русских монастырей возродились к активной жизни, прославились на всю страну Глинская, Оптина пустыни. Из учеников Паисия в России известны: Федор Санаксарский и его ученик архимандрит Феофан; настоятель Введенской пустыни старец Клеопа; настоятель Валаамского монастыря Назарий; архимандрит Тихвинский Макарий и многие другие.

П. перевел на русский и молдавский языки святоотеческие творения, которые долгое время были единственными в русской литературе. Им были изданы: «Добротолюбие», сочинения преподобного Исаака Сирина, преподобного Феодора Студита, преподобного Варсонофия, святителя Григория Паламы, преподобного Максима Исповедника, «Восторгнутые класы» - сборник из творений святителя Иоанна Златоуста и многое другое. «Добротолюбие» впервые было издано в России в 1793 г. и в XIX в. стало настольной книгой не только русского монашества, но и многих мирян.

В 1860 г. монахи из Нямецкого монастыря, расположенного в Прикарпатской Молдавии (ныне территория Румынии), укрылись в Бессарабии от гонений на монастыри (секуляризации) со стороны светских властей объединенной Западной Молдавии и Валахии. В 1864 г. они основали Свято-Вознесенский Кицканский монастырь.

В 1988 г. Русская православная церковь причислила старца Паисия к лику святых. В 1992 г. по решению ЮНЕСКО 200-летний юбилей великого старца отмечался всеми странами

Лит.: Бессарабия. Историческое описание. Посмертный выпуск исторических изданий П.Н. Батюшкова. СПб., 1892; Прот. Сергей Четвериков. Молдавский старец Паисий Величковский, его жизнь, учение и влияние на православное монашество. М., 1998.

Пересветов Иван Семенович (?-?). Писатель-публицист, идеолог русского дворянства реформ Ивана IV. Дворянин, выходец из Великого княжества Литовского и Русского. До своего обоснования в Москве (1538) П., по его словам, «холоп государев, выездный из Литвы», служил венгерскому и чешскому королям. В 30-х г. XVI в. он в течение 5 месяцев находился в Сучаве и служил при дворе молдавского господаря Петра Рареша.

Свою дворянскую программу П. излагает в произведениях: «Сказание о царе турском Магмете како хоте сожещи книги греческие и Сказание о Петре Волосском воеводе, како писал похвалу благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу вся Руси», «Епистоле к Иоанну IV». В конце 1549 П. передал свои сочинения («две книжки») Ивану IV Васильевичу Грозному. В них П. обосновывает идею сильной самодержавной власти, выступает за уничтожение холопства, воеводских кормлений и местничества. Ряд своих мыслей он вложил в уста молдавского воеводы Петра Рареша, который якобы высказал их во время пребывания П. в Молдавии. Для П. Петр Рареш - образец энергичного и волевого монарха, строгого к боярам, поборника сильной центральной власти, опирающейся на постоянную армию служилых людей. П. ставит Рареша в пример Ивану IV и проводит мысль о целесообразности проведения такой политики на Руси. Сообщения П. о том, что Петр Рареш печалился о некоторых «непорядках» в Русском государстве, понятны, учитывая родственные узы, связывающие молдавского господаря с Иваном IV. Также в первом своем произведении он пытается доказать правоту православной веры.

Соч.: Сочинения. М.-Л., 1956.

Лит.: Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М., 1958; История Молдавской ССР. Т. 1. Кишинев, 1965.

Подкова Иван (Никора Подкова, ? - 16. VI. 1578). Молдавский господарь (1577-1578). Малороссийский военачальник, выходец из Молдавского княжества. П. в молодости пришел на Запорожскую Сечь. Здесь его назвали Волошенином. Обладал большой силой. Под его единственным портретом, помещенным в одном из польских изданий начала XVII в., неизвестный худож-

ник написал: «Был настолько сильным, что не только ломал подковы, но и талеры, а когда воткнул талер в деревянную стену, то его нужно было вырубать. Взяв за заднее колесо, он остановил повозку, запряженную шестью лошаадьми. Дышло ломал о колено. Взяв зубами бо-чок меда, перебросил его через голову. Взяв в руки воловий рог, про-бил им ворота».

В 1577 г. П. объявил себя братом покойного молдавского господаря Иоанна Лютого и вместе с казацким гетманом Яковом Шахом, с отря-дом из 1000 казаков, среди которых были и уроженцы Молдавского княжества, отправился в Молдавию. В ноябре 1577 г. у села Доколина близ Ясс П. разбил войска молдавского господаря Петра Хромого, став-ленника Турции. Причем на сторону казаков перешли полки служи-лых людей Южной Молдавии, что и решило исход битвы. П. занял Яссы и провозгласил себя господарем Молдавии.

Против П. выступили турецкие войска. Не имея достаточных сил, П. зимой 1578 г. вынужден был покинуть Молдавию. Он перешел в Подолию. П. с несколькими казаками добровольно направился на встре-чу с польским королем. Во Львове он был арестован и закован в кан-далы.

По требованию турецкого султана и крымского хана польский ко-роль Стефан Баторий приказал казнить П. 16 июня 1578 года его пове-ли на площадь Рынок во Львове. После оглашения приговора казаку предоставили последнее слово. П. сказал присутствующим на казни: «...Меня привели на смерть, хотя в своей жизни я не совершил ничего такого, за что заслужил бы подобный конец. Я знаю одно: я всегда боролся мужественно и как честный рыцарь против врагов христиан-ства и всегда действовал для добра и пользы своей родины, и было у меня единственное желание быть ей опорой и защитой против невер-ных...». Он также просил не казнить сопровождавших его товарищей.

П. был похоронен во львовской Успенской церкви. Вскоре казаки с почестями перевезли его останки в Канев и перезахоронили в одном из православных монастырей под Чернечей горой.

О П. народ сложил множество преданий, дум и песен.

Лит.: История Молдавской ССР. Т. 1. Кишинев, 1965; Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2002; Чухлиб Т. Молдавский трон для запорожского богатыря // Зеркало недели. Киев, 2004. № 18 (493).

Пуришкевич Владимир Митрофанович (12(24). VIII. 1870, Ки-шинев - 11. I. 1920 1920, Новороссийск). Видный общественный и по-литический деятель, монархист. Дед Пуришкевича Василий – кладби-щенский священник, затем протоиерей кафедрального собора в Ки-шиневе, член Кишиневской духовной консистории. За свою безупреч-

ную службу был награжден орденом Святого Владимира. Этот орден давал право на наследственное дворянство. Присвоение дворянства Василию Пуришкевичу произошло в 1854 г. Его жена была простой крестьянкой родом из с. Дурлешты, расположенного под Кишиневом. Отец П. Митрофан Васильевич служил судебным следователем, был почетным мировым судьей, гласным Аккерманского уездного и Бессарабского губернского земств, действительным статским советником. Благодаря удачной женитьбе стал крупным землевладельцем.

В 1894 г. П. закончил Императорский Новороссийский университет в г. Одессе, получив за дипломную работу «История олигархических переворотов в Афинах» золотую медаль. В студенческие годы он попробовал себя на литературном поприще. Стихи выходили слабенькими, зато проза была неплохая. Один свой рассказ из жизни индийских отшельников он послал Льву Толстому, который нашел, что рассказ «недурен и по форме, и, в особенности, по содержанию».

В 1894 г. П. избирается почетным мировым судьей по Аккерманскому уезду Бессарабской губернии. В этой должности он постоянно переизбирался в течение пяти сроков и служил до 1908 г. В 1897 г. избран на должность председателя Аккерманской уездной управы. В 1899 г. за заслуги по духовному ведомству награжден библией. П. был членом попечительских советов Аккерманских женской и мужской гимназий. В 1900 г. уездное земское собрание в благодарность за особые заслуги по борьбе с голодом постановило установить портрет П. в зале заседания собрания. По инициативе П. был устроен сбор пожертвований для открытия столовых для голодающих крестьян. Он открыл 20 столовых и таким образом смог спасти от смерти тысячи местных жителей. В январе 1901 г. П. перешел на службу в Министерство внутренних дел. Он был назначен младшим ревизором страхового отдела хозяйственного департамента. В апреле следующего года П. утвержден в чине коллежского секретаря, в августе за выслугу лет произведен в титулярные советники, в ноябре – в коллежские асессоры. 1 января 1903 г. награжден орденом Святого Станислава 2-й степени и в июле назначен чиновником особых поручений. С 16 июля 1903 г. исполняет должность старшего помощника делопроизводителя страхо-

вого отдела хозяйственного департамента. В январе 1905 г. П. становится старшим помощником делопроизводителя, в марте за выслугу лет производится в надворные советники. В январе 1906 г. П. произведен за отличия по службе в коллежские советники и увольняется согласно прошению с должности чиновника особых поручений IV класса Министерства внутренних дел.

П. был крупным бессарабским землевладельцем. Только личный фонд его матери составлял 1402 десятин земли в Аккерманском уезде. В общем владении с сестрами и братьями у П. было 2400 десятин земли в Одесском уезде Херсонской губернии и каменный дом в Кишиневе. Он был женат на Анне Николаевне Албранд. В октябре 1899 г. родился сын Всеволод. Потом еще две дочери и сын.

В 1906 г. избран депутатом II Государственной Думы от Бессарабской губернии. С этого времени он становится профессиональным политиком. П. избирался депутатом III Думы (также от Бессарабии) и IV Думы (от Курской губернии). Был членом фракции правых (до ноября 1916 г.), одним из главных ораторов правых по принципиальным политическим вопросам. Как депутат III Государственной Думы отстаивал законопроект о постройке Амурской железной дороги, отмечал ее значение для переселения русского крестьянства и для государственной обороны. Будучи депутатом Думы, выступал с разоблачениями левой профессуры и студентов. В 1909 г. обвинил левых студентов в финансовых махинациях. Последние привлекли П. к суду. 29 ноября 1909 г. Санкт-Петербургский окружной суд оправдал П.

Будучи по своим убеждениям монархистом, П. принимал активное участие в правых организациях. С первых лет существования Русского Собрания (РС) был действительным членом Собрания (как и его жена Анна Николаевна), неоднократно избирался членом Совета РС. Его отец тоже был участником монархического движения, членом Русского Собрания с 1908 г., в 1910 стал членом Совета РС.

Вскоре после основания в октябре 1905 г. Союза русского народа П. вступил в его ряды и стал одним из лидеров. В середине 1906 г. он стал товарищем председателя Главного Совета СРН. П. был автором целого ряда воззваний и циркуляров Союза, одним из организаторов в столице чайных-читален СРН. Он организовал при СРН Издательский комитет, который издавал монархическую литературу на его личные средства и привлекаемые им пожертвования. Подпись П. стоит под Уставом СРН наряду с подписями А. И. Дубровина и А. И. Тришатного. Он стал также членом правления Всероссийского Национального Фонда для материального обеспечения интересов русского народа, куда вошли, кроме П., 5 видных деятелей патриотического движения: прот. И. И. Восторгов, В.А. Грингмут, А.И. Дубровин, П. А. Кру-

шеван и кн. А. Г. Щербатов. Столкновение двух лидеров СРН, А. И. Дубровина и В. М. Пуришкевича, привело к полному разрыву и выходу Пуришкевича из состава Союза со своими сторонниками. Выйдя из состава СРН, П. основал в ноябре 1907 г. Русский Народный Союз имени Михаила Архангела (РНСМА), в котором стал товарищем председателя. Учреждение Союза благословил св. прав. Иоанн Кронштадтский. Вскоре организация стала насчитывать свыше 25 тыс. чел., отделы союза имелись в Москве, Одессе, Киеве и других городах России.

По инициативе П. РНСМА организовал в апреле 1910 г. специальную комиссию, которая имела цель бороться с систематическим вмешательством иностранцев во внутренние дела России. Летом 1911 г. П. совершил поездку в ряд городов Поволжья, где инспектировал отделы РНСМА и читал лекцию на тему «Проснувшийся Китай как угроза русскому переселенческому движению». В 1912-1913 гг. П. немало сделал, чтобы было расследовано и доведено до суда дело об убийстве подростка А. Ющинского. Большое внимание П. уделял вопросам образования. Он принимал деятельное участие в организации академического движения в вузах Петербурга, выступал нередко с речами и докладами на темы образования

С началом первой мировой войны, подчеркивая, что отныне все политические противоречия отброшены, П. выехал на фронт в составе санитарного отряда А.И. Гучкова. Вскоре он организовал собственный санитарный отряд, который возглавлял до конца войны. Со второй половины 1915 г. П. стал выступать с публичной критикой правительства. Он даже придумал ядовитое выражение, ставшее крылатым, - «министерская чехарда». 19 ноября 1916 г. П. произнес свою речь о «темных силах» в Государственной Думе, в которой он обвинил ряд государственных деятелей в корысти, интригах, германофильстве и пр. В заключение он обратился с призывом к министрам отправиться в ставку и умолять царя избавить Россию от Распутина. В ночь с 16 на 17 декабря П. принимает участие в убийстве Г. Распутина.

П. одним из первых обратил внимание на большевистскую угрозу и в 1917 г. опубликовал обращение «Без забрала: открытое письмо большевикам Совета петроградских рабочих депутатов». Накануне выступления Корнилова П. был арестован большевиками в Минске, доставлен в Петроград и помещен в «Кресты». После подавления корниловского выступления в середине сентября 1917 г. он был выпущен из тюрьмы и перешел на нелегальное положение. С 5 сентября по 24 октября его брат М.М. Пуришкевич издавал в Петрограде газету «Народный трибун. Орган Пуришкевича». Основной целью газеты была борьба с набиравшим силу большевизмом. П. предпринял попытку

создать монархическую организацию на основе РНСМА. Узнав о выступлении генерала А. М. Каледина, П. начал работать над созданием офицерских полков в Петрограде. 18 ноября 1917 г. Петроградская ЧК арестовала всех членов организации. Петроградский революционный трибунал при рассмотрении дела Пуришкевича и его 13 единомышленников вынес относительно мягкие приговоры: Пуришкевич получил 4 года принудительных общественных работ при тюрьме с зачетом предварительного заключения, остальные обвиняемые осуждены были на меньшие сроки. На суде в ответ на обвинения П. сказал: «Но как мог я покушаться на восстановление монархического строя – который, я глубоко верю, будет восстановлен – если у меня нет даже того лица, которое должно бы, по-моему, быть монархом. Назовите это лицо. Николай II? Большой царевич Алексей? Женщина, которую я ненавижу больше всех людей в мире? Весь трагизм моего положения, как идеолога-монархиста в том и состоит, что я не вижу лица, которое поведет Россию к тихой пристани». В Петропавловской крепости он писал политические стихи «Песни непокоренного духа». Особенно был возмущен П. заключением Брестского мира. 18 марта 1918 г. он написал стихотворение «Троцкий мир (воскресший иудей)». 17 апреля 1918 г. в связи с болезнью сына П. был освобожден из заключения с условием не заниматься контрреволюционной деятельностью в течение первого года свободы, а 1 мая он попал под амнистию, объявленную декретом Петроградского Совета. Сразу после освобождения он написал в «Новой жизни»: «Я остался тем же, кем был, само собой разумеется, не изменившись ни на йоту».

В 1918 г. П. вместе с матерью, бежавшей из-под ареста, приезжает в Киев. В январе 1919 г., возмущенный аннексией Бессарабии, написал открытое письмо румынскому королю Фердинанду. Применения себе в Белой армии П. не нашел. Он начал ездить по югу России с лекциями. 7 марта 1919 г. выступил в Ростове-на-Дону с лекцией на тему «Россия вчера и сегодня. Россия завтра», в которой он нападал на Англию и выступал за союз с Германией. На следующий день его по приказу градоначальника высылают из города. Он уехал в Новороссийск, а затем в Екатеринодар, где хотел прочитать 13 и 14 марта две лекции. Однако Кубанская Рада запретила П. выступать, опасаясь, что они подорвут авторитет краевой власти. В городе было собрано 510 подписей в защиту П., прошел митинг в его поддержку. Но, несмотря на это, П. вручают официальную бумагу о запрете лекций, которую он порвал. Его пытаются арестовать, но он успевает уехать. Деньги, собранные на лекции, П. через объявление в «Великой России» вернул, а оставшуюся сумму передал на нужды Добровольческой армии. 7 мая он читает лекцию во Владикавказе, в которой резко обвинял

Англию и призывал к союзу с Германией против большевиков. О Франции он отзывался как о стране, зараженной большевизмом. Читать лекции в Армавире ему запретили. На Дону он безуспешно пытался создать Всероссийскую народно-государственную партию. В 1919 г. пытался наладить издание газеты «В Москву». Однако по распоряжению ростовского градоначальника газета была закрыта.

В декабре 1919 г. П. начал издавать в Ростове-на-Дону журнал «Благовест», имевший подзаголовок «Журнал русской монархической народно-государственной мысли». Вышел только один номер журнала.

11 января 1920 г. П. скончался от тифа в Новороссийске.

Соч.: Дневник. Рига, 1924; Недостатки земского страхования. Доклад председателя Аккерманской земской управы В. М. Пуришкевича. Кишинев, 1899; Накануне. (Политические партии в России перед III Думой). Харьков, 1907; Галерея современных деятелей. Эпиграммы. СПб., 1907. Вып. 1; Речи членов Государственной Думы Маркова 2-го и Пуришкевича по запросу о Финляндии 12 и 13 мая 1908. СПб., 1908; Законодатели (пьеса в стихах в 2-х картинах). СПб., 1909; В дни бранных бурь и непогоды. Сб. стихотворений. СПб., 1912; Бессарабские дворянские выборы и русские государственные интересы. Записка 2-му министру внутренних дел. СПб., 1914; Перед грозой: правительство и русская народная школа. СПб., 1914; Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб., 1914; Устав Всероссийского Филаретовского общества народного образования. (Со статьей основателя общества В. Пуришкевича «Чем вызвано к жизни Всероссийское Филаретовское общество народного образования?»). СПб., 1914; Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов? Пг., 1916; Трибуна. Всеобщая политическая библиотека. Избранные парламентские речи, политические материалы, фельетоны, статьи и прочее. Пг., 1916. Вып. 8; Речи В. М. Пуришкевича в заседаниях Государственной Думы 12 февраля и 21 марта 1916. Пг., 1917; Вперед! Под двухцветным флагом. (Открытое письмо русскому обществу). Пг., 1917; Без забрала: открытое письмо большевикам Совета петроградских рабочих депутатов. Пг., 1917.

Лит.: Национальный архив Республики Молдова. Фонд 88. Оп. 2. Д. 196; Банух А. Во мне горит бесконечная любовь к родине // Кишиневский обозреватель. № 50-52. 1997; Степанов А.Д. Пуришкевич Владимир Митрофанович // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М., 2003; Матвеев В. Жизнь и деятельность В. Пуришкевича // Восход. № 2. М., 1998; Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.

Стадницкий Арсений (мирское имя - **Авксентий Георгиевич**, 22. I. 1862 г., с. Комарово Хотинского уезда Бессарабской губернии - 10. II. 1936 г., Ташкент). Видный церковный и общественный деятель, историк. Его отец Георгий Стадницкий был настоятелем сельской приходской церкви. Начальное образование С. получил в Единецком духовном училище. Среднее - в Кишиневской духовной семинарии, после окончания которой в 1880 г. он преподавал географию, пение и чистописание в Единецком духовном училище. В 1881–1885 гг. С. учился в Киевской духовной акаде-

мии. В 1885 г. С. дважды посетил Афон. Впечатления о своих поездках он изложил в «Дневнике студента - паломника на Афон», изданном в «Трудах Киевской духовной академии» (№ 6-8, 1886). Впоследствии «Дневник» был издан отдельной книгой и удостоен Макариевской премии. В 1894 г. С. завершил многолетние изыскания в архивах Бессарабии, Румынии и Австро-Венгрии. На их основе было подготовлено фундаментальное церковно-историческое исследование, ставшее магистерской диссертацией, - «Гавриил Банулеско-Бодони, экзарх Молдо-влахийский и митрополит Кишиневский». Она была издана отдельной книгой и вынесена на защиту в Киевской духовной академии. В 1895 г. Совет Киевской духовной академии присвоил С. за этот труд ученую степень магистра богословия и во второй раз наградил Макариевской премией.

После окончания в 1885 г. академии С. получил назначение в Кишиневскую духовную семинарию преподавателем греческого языка. Впоследствии он преподавал также церковное пение и гражданскую историю (бесплатно).

В 1887-1895 гг. С. становится редактором созданной им газеты «Кишиневские епархиальные ведомости». Здесь публикуются многие его статьи, посвященные истории православия и Русской церкви.

12 декабря 1895 г. С. получает назначение на должность инспектора Новгородской духовной семинарии. 30 декабря того же года в Новгороде состоялся его монашеский постриг с именем Арсений в честь св. Арсения Тверского. 31 декабря он был рукоположен в сан иеродиакона, а на следующий день - в сан иеромонаха. В сентябре 1896 г. иеро-

монах Арсений назначается ректором Новгородской духовной семинарии и настоятелем Антониева монастыря с возведением в сан архимандрита.

10 января 1897 г. архимандрит Арсений получает назначение на должность инспектора Московской духовной академии. Одновременно он становится ординарным профессором МДА по кафедре библейской истории. В марте 1898 г. С. назначается на пост ректора МДА. Определением Священного Синода от 18 февраля 1899 г. ректор МДА архимандрит Арсений назначается епископом Волоколамским, викарием Московской епархии с оставлением в должности ректора. В декабре 1903 г. состоялось назначение епископа Арсения на Псковскую кафедру. Ее он занимал с декабря 1903 г. в сане епископа Псковского и Порховского, а с февраля 1907 г. по 1910 г. - в сане архиепископа. В своей епархии епископ Арсений много сил отдал для просвещения народа и борьбы с пьянством. В первый год пребывания Арсения с его благословения открылось 6 церковно-приходских школ.

Находясь на Псковской кафедре, С. продолжал заниматься историческими изысканиями. В 1904 г. вышел его капитальный труд в двух томах «Исследования и монографии по истории Молдавской церкви». В 1904 году Совет Киевской духовной академии за этот труд присудил епископу Арсению степень доктора церковной истории. В 1905 г. за докторскую диссертацию король Румынии Карл I пожаловал С. медаль «Vene Merente» 1-й степени, присуждаемую за выдающиеся научные труды. Академия наук России за ту же диссертацию удостоила его большой премии графа Уварова. В 1904 г. Совет МДА «в уважение его долголетнего служения воспитанию и просвещению духовного юношества» избрал С. почетным членом академии. Тогда же Арсений был избран почетным членом Императорского палестинского общества и председателем Псковского отделения этого же общества.

5 ноября 1910 г. С. получил назначение на Новгородскую кафедру. Находясь на Новгородской кафедре, архиепископ Арсений большое внимание уделял сохранению памятников церковной старины. Он, в частности, стал инициатором начала работ по реставрации собора Ферапонтова монастыря. В 1912 г. в Новгороде был торжественно открыт Арсеньевский епархиальный дом. В нем разместились консистория, училищный и миссионерский советы, библиотека, иконно-книжная лавка, епархиальный церковно-исторический музей, редакция «Новгородских епархиальных ведомостей», гостиница для духовенства. В 1912 г. С. был удостоен права ношения бриллиантового креста на клобуке. В 1912 г. в Москве состоялся первый Всероссийский съезд практических деятелей в борьбе с алкоголизмом. Председательствовал на нем Арсений, архиепископ Новгородский и Старорусский. В

1913 г. в Новгороде по инициативе С. открылось церковно-археологическое общество.

В июне 1917 г. С. избирается членом Предсоборного Совета. На открывшемся в августе того же года Поместном Соборе он становится заместителем председателя, а после избрания председателя Собора митрополита Тихона патриархом фактически руководит работой Собора. С. наряду с митрополитом Тихоном и архиепископом Антонием (Храповицким) был одним из кандидатов на патриарший престол. 29 ноября 1917 г. С. удостоивается сана митрополита. Поместный Собор избирает его членом Священного Синода и Высшего Церковного Совета.

В ноябре 1919 г. в Москве он был арестован. В 1920 г. арест последовал в Новгороде, где он находился под надзором властей. Прибыв 2 июня 1922 г. по вызову ГПУ в Москву, владыка был привлечен к суду по ложному обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей. В тюремном заключении С. находился с перерывами до конца 1923 г. Выйдя из тюрьмы 10 января 1924 г., через 5 дней был вновь арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. В 1925-1926 гг. он находился в ссылке в Полторацке (Ашхабаде), а в 1926-1936 гг. - в Ташкенте. В это время С. был лишен возможности принимать активное участие в управлении Русской православной церковью, а также управлять своей Новгородской епархией. 11 августа 1933 г. С. был формально освобожден от управления Новгородской епархией и назначен митрополитом Ташкентским. 9 мая 1934 г. он удостоивается права ношения второй панагии, а в 1935 г. - правом предношения креста за богослужением.

Скончался митрополит Арсений 10 февраля 1936 г. Погребен он был на ташкентском Александро-Невском кладбище. Многие годы могила находилась в забвении. В 40-х годах могила была приведена в порядок, а в год столетия Ташкентской епархии место упокоения митрополита Арсения было украшено новым надгробием.

В 1992 г. прокуратурой Российской Федерации на основании статей 3 и 5 закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. было вынесено заключение в отношении С. по материалам уголовного дела № Н-1780. Была подготовлена справка о реабилитации, которая так и осталась в деле, так как прокуратура не располагает сведениями о местонахождении родственников митрополита.

Соч.: Исследования и монографии по истории Молдавской церкви. СПб., 1904; Гавриил Бонулеско-Бодони, экзарх Молдовахийский и митрополит Кишиневский. Кишинев, 1894; Из современной церковной жизни в Румынии. - Сергиев Посад, 1901; Дневник студента-палом-

ника на Афон. К., 1886; Положение православного духовенства в Румынии. Кишинев, 1889; В стране священных воспоминаний. Сергиев Посад, 1902; Материалы для истории Бессарабии. Кишинев, 1892.

Лит.: Савинова И.Д. Лихолетье. Новгородская епархия и советская власть. 1917–1991 гг. Новгород, 1998; Ее же: Дело митрополита Арсения Стадницкого // Вопросы истории. 1999. № 6; Смолич И.К. История русской церкви 1700-1917. Кн 8. Ч.1. М., 1996; Митр. Мануил (Лемешевский). Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897-1957). Ч. 1. Чебоксары, 1959.

Туркул Антон Васильевич (1892, Тирасполь – 20. VIII.1957, Мюнхен, Германия). Генерал-майор, активный участник белого движения, командир Дроздовской дивизии. Происходил из дворянского рода герба Остоя. Его предок, выходец из Молдавского княжества Василий Туркул получил дворянство на польском сейме 1676 г. Род Т. был внесен в родословные книги Волынской, Киевской, Херсонской и Подольской губерний и в книги дворян Царства Польского. Т. родился в Тирасполе, здесь же закончил реальное училище, служил по гражданскому ведомству. Когда началась первая мировая война, прошел ускоренный курс юнкерского училища, был произведен в прапорщики и зачислен в пехотный полк. За три года войны трижды ранен, за храбрость награжден орденами Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Георгия IV ст. и Георгиевским оружием, стал штабс-капитаном.

С начала гражданской войны вступил добровольцем в отряд полковника М.Г. Дроздовского, который формировался на Румынском фронте. Он - фельдфебель в офицерской роте в походе дроздовцев от Ясс до Новочеркасска в 1918 г. После похода Яссы-Дон Т. принял под свое командование роту. Был тяжело ранен. В 1919 г. Т. - командир 1-го и 2-го офицерского генерала Дроздовского полка в Добровольческой армии Вооруженных сил Юга России. Летом 1920 г. в Русской армии генерала Врангеля произведен в генерал-майоры и назначен на

чальником Дроздовской дивизии. Для Т. были характерны отменная храбрость, высокое боевое мастерство - рейды Дроздовской дивизии были чрезвычайно опасны для красных частей. После эвакуации из Крыма в Галлиполи (Турция) генерал Т. стал командиром сводного Дроздовского стрелкового полка, продолжал борьбу против большевизма в России. В 1935 г. основал Национальный Союз участников войны и встал во главе его. Во время второй мировой войны генерал Т. встретился с генералом А.А. Власовым, который поручил ему формирование корпуса в составе РОА. Во власовском движении Т. видел продолжение белого дела. После войны жил в Германии. Председатель Комитета русских невозвращенцев. В 1948 г. написал книгу «Дроздовцы в огне», которую посвятил русской молодежи, надеясь, что образы его соратников будут для нее тем примером, который «воодушевит на самоотверженное и бескорыстное служение Родине». Скончался 20 августа 1957 г. в Мюнхене. Похоронен 14 сентября 1957 г. на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа под Парижем.

Соч.: Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918-1920 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. Мюнхен, 1948.

Лит.: Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. Материалы к истории Белого движения М., 2002, Клавинг В. Гражданская война в России: Белые армии. Военно-историческая библиотека. М., 2003.

Цурканович Илларион Юрьевич (1878, Давыдовцы, австрийская часть Буковины - 194?, Прага, Чехословакия). Видный общественный и политический деятель, журналист. Из крестьянской семьи, учился в гимназии г. Черновцы и г. Радауцы. Окончил Черновицкий университет. Был членом студенческой организации «Карпать», редактором газеты «Русская правда» (1910-1914). Участвовал в Мараморош-Сигетском процессе (1913-1914), защищая крестьян в качестве журналиста. После закрытия газеты «Русская правда» пробовал издавать газету «Народная

воля». В конце 1914 был арестован австрийскими властями. Просидел в тюрьме до июля 1918 г. В 1917 г. его приговорили к смертной казни, затем приговор изменили. В начале 1919 г. И. Цурканович вступил в чехословацкую армию, в конце того же года поселился в Ужгороде. Здесь основал Карпаторусскую трудовую партию. Выпускал партий-

ную газету «Русская земля» (1923, 1925-1938). Был избран сенатором от своей партии в чехословацкий парламент (1929-1935). Некоторое время был редактором «Русского народного голоса» и директором типографии просветительско-благотворительного фонда «Школьная помощь».

После оккупации Подкарпатской Руси Венгрией (1939) уехал в Прагу. После войны издал «Русскую грамматику в сокращении для учителей и учащихся».

Лит: Маточий Павло Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848-1948). Ужгород, 1994; Поп. И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001; Суляк С. Русины в период первой мировой войны и Русской смуты // Русин. № 1 (3). Кишинев, 2006.

Штефан III Великий (Стефан, ?-2.VII.1504). Господарь Молдавии с 1457 г. Перед вступлением на престол Ш. Молдавское княжество находилось в сложной ситуации. После кончины господаря Александра Доброго (1432) страна в течение четверти века находилась в распрях и междоусобицах. За эти годы сменилось 9 господарей, некоторые из них добивались престола по три

раза, изгоняя друг друга. Польша, Венгрия и Турция поддерживали данную ситуацию ради своих интересов. Осознавая сложное положение государства, сын Богдана II Ш. увеличил численность войска, назначил способных военачальников и выступил на защиту страны. Современник событий польский историк Ян Длугош (1415-1480) писал, что Ш. призывал в армию «не только солдат и благородных, но и крестьян, уча каждого стоять на страже родины». Крестьяне составляли значительную часть его армии.

В 1465 г. Ш. освободил крепость Килию. Возврат Килии осложнил отношения с Венгрией. В 1467 у г. Байя Ш. разбил вторгшуюся в Молдавию армию венгерского короля Матьяша Хуньяди (Матвея Корвина, 1443-1490). 10 января 1475 г. в сражении у г. Васлуя Ш. разгромил турецкую армию. Турецкая армия насчитывала 120 тыс. чел. и дополнительно валашский корпус, у Ш. было 47 тыс. чел. Были убиты 4

паши, взято 100 знамен. Чтобы довершить поражение, Ш. преследовал отступавших турок. У переправы множество из них утонуло, попавшие в плен были посажены на кол. После победы господарь обратился к христианским монархам Европы с просьбой о помощи в борьбе с турками. Однако конкретной помощи ни от соседних христианских правителей, ни от папы Римского Ш. не получил. В 1476 г. турецкий султан начал новую войну с Молдавией. В качестве предварительного шага турки захватили в 1475 г. главный торговый центр Северного Причерноморья – гемузскую колонию Каффу. В ее обороне участвовали 160 купцов из Молдавии. Захват Каффы нарушил торговые связи страны с Востоком и Югом. В этом же году турки захватили в Крыму православное Мангупское княжество (Феодоро). В обороне Мангупа от турок участвовал отряд молдавских воинов, присланных Ш. на помощь своему союзнику и шурина мангупскому князю Александру. Летом 1476 г. турецкая армия во главе с султаном Мухаммедом II, завоевателем Константинополя, вторглась в Молдавию. Вместе с турками были валашские отряды, одновременно с востока вторглись татары. Ш. успел разгромить татар и отбросить их за Днестр, но перед турецкой армией стал отступать к Карпатам под прикрытием главных крепостей княжества: Сучаву, Нямец, Хотин. Чтобы затруднить продвижение врага, он приказал сжигать города и села. Были сожжены Яссы, Роман и др. города. Недалеко от Нямца, в Белой Долине, которая стала после этого называться Разбоень, в июле 1476 г. произошло решающее сражение. Армия Ш. была разбита. Захватить крепости туркам не удалось. Они понесли значительные потери, в их войсках началась эпидемия, и султан вынужден был отступить. Пока турки осаждали крепости, Ш. собрал на севере страны, где большинство населения были русины, ополчение и вместе с подошедшими на помощь венграм напал на отступающие турецкие войска и нанес им у Дуная поражение. Турецкая армия ушла из Молдавии в полном беспорядке. Ш. вторгся в Валахию, изгнал оттуда господаря Лайота Басараба – турецкого ставленника и поставил Влада Цепеша (1476), а в 1477 г. – Влада Цепелюша.

На некоторое время Молдавское государство стало одной из основных сил, сдерживающих турецкую агрессию. Ш. называл свою страну воротами в Европу, и этими воротами турки долгое время не могли овладеть. К сожалению, все попытки Ш. добиться помощи от европейских правителей оказались безуспешными. В 1484 г. турки захватили Килию и Белгород, тем самым отрезав Молдавию от моря. В 1485 г. турки разорили Сучаву. В этих условиях Ш. был вынужден заключить в 1487 г. мир с Турцией, согласившись платить ей ежегод-

ную дань в размере 4 тыс. дукатов. Одновременно он подтверждает союз с Венгрией. Мирный договор с турками позволил Ш. переключить свои силы на север страны.

В это время Молдавия устанавливает тесные отношения с Московской Русью. Установлению политического союза способствовала общность религии (православие), культуры и этнический состав Молдавского княжества, где около 40% населения составляли русские (русины). В период борьбы Москвы с Польшей Молдавия ослабляла Польшу, а также была своеобразным мостом, связывающим Русское государство с Западной Европой. Ш. заключает договор с великим князем Иваном III, в котором он приносит Ивану III присягу. Союз был скреплен браком Ивана Молодого, сына великого московского князя Ивана III, с дочерью Ш. от первого брака Еленой (Еленой Волошанкой). Иван III писал в грамотах, что Ш. «друг нашему другу, а недругу – недруг». При посредничестве Москвы были установлены союзнические отношения с Крымским ханством.

Когда в 1497 г. польский король Ян I Альбрехт под предлогом освобождения Белгорода от турок вторгся в Молдавию и осадил Сучаву, Иван III по просьбе Ш. послал грамоту своему зятю великому князю Литовскому и Русскому Александру, в которой предостерег его от выступления на стороне поляков. В результате литовское войско осталось у границы Молдавского княжества и в войне не участвовало. Польский король после безуспешной осады Сучавы вынужден был отступить и затем в битве в Козьминском лесу (в Буковине) был разбит. В июне 1498 г. Ш. организовывает ответный поход против Польши. Он захватывает крепости Трембовля, Бучач, Подгаец, затем направляется ко Львову и за Днестр в Покутию (земли, расположенные между Карпатами и верховьями Днестра). К его войску присоединяются местные жители – русины в количестве 3 тыс. чел. В 1499 г. был подписан мирный договор с Польшей. Однако оставался открытым вопрос о Покутии. В 1388 г. поляки взяли в долг 3000 рублей серебром у тогдашнего молдавского господаря Петра I Мушата, дав взамен Покутию. Нерешенность данного вопроса позволила Ш. поддерживать антипольские выступления местного населения, в частности восстание Мухи. В октябре 1502 г. Ш. присоединил Покутию к Молдавии.

Ш. был инициатором молдавского летописания, сооружения многочисленных храмов.

Умер Ш. 2 июля 1504 г. и похоронен в построенном им Путнянском монастыре.

Первой женой Ш. в 1463 г. была Евдокия, сестра киевского князя Симиона Олельковича. После ее смерти (1467) Ш. женился на княж-

не Марии из Мангупа, сестре мангупского князя (1472). Мария умерла в 1477 г. Третьей женой Ш. стала пленница - дочь валашского государя Раду Красивого Мария (Войкица). С ней он сочетался браком, вероятно, в 1478 г. Мария скончалась в 1511 г.

Известный русский историк Н.М. Карамзин писал о Ш.: «В сие время явилась знаменитая держава в соседстве с Литвою... Мы говорим о начале Молдавского княжества, управляемого воеводами, коих имена едва ли нам известны до самого Стефана Ш, или Великого, дерзнувшего обнажить меч на ужасного Магомета II, и славными победами, одержанными им над многочисленными турецкими воинствами, вписавшего имя свое в Историю редких героев: мужественный в опасностях, твердый в бедствиях, скромный в счастьях, приписывая его только Богу, покровителю добродетели, он был удивлением господрей и народов, с малыми средствами творя великое».

Личность господаря оставила в народной памяти неизгладимый свет. В молдавском устном поэтическом творчестве Ш. называют «Святой», «Старый», «Великий».

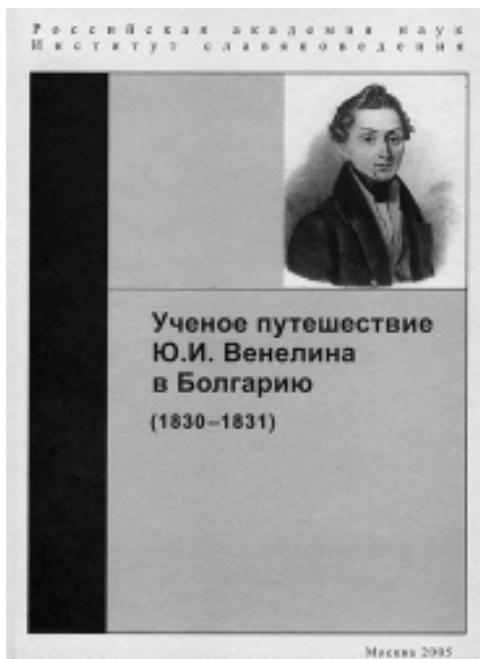
В 1992 г. Штефан Великий был канонизирован православной церковью.

Лит.: Бессарабия. Историческое описание. Посмертный выпуск исторических изданий П.Н. Батюшкова. СПб., 1892; История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965; Стати В. Штефан Великий, господарь Молдовы. Кишинев, 2004.

Сайт подкарпатского общества имени Кирилла и Мефодия <http://karpatorusyns.org>

ИЗ НАСЛЕДИЯ ВЕНЕЛИНА

Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830-1831). Публикация подготовлена Г.К. Венедиктовым. М., 2005. – 153 с.

В 2002 г. научная общественность России и Украины торжественно отпраздновала 200-летие со дня рождения видного русского слависта Юрия Ивановича Венелина (1802-1839), по сути являющегося основателем отечественной болгаристики. Важно отметить, что, кроме россиян и украинцев, интерес к Венелину, уроженцу

Угорской Руси, проявляли и его земляки-русины. Казалось бы, уже несколько лет нас отделяет от кульминации торжеств. Но, вопреки грустной традиции после юбилея сразу же забывать юбиляра, до сих пор выходят все новые и новые публикации, посвященные богатому и неоднозначному наследию ученого. Одной из таких публикаций является книга «Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830-1831)», подготовленная Г.К. Венедиктовым и изданная Институтом славяноведения Российской АН.

Основу книги составили уникальные материалы из московских и Санкт-Петербургских архивов, как официальные документы, так и письма частного характера, касающиеся путешествия Венелина в болгарские земли. Напомним, что кроме Болгарии славист также посетил тогдашние Молдавию и Валахию. В книгу вошли материалы, относящиеся к подготовке и всем этапам путешествия. В общей сложности – 52 позиции, снабженные отдельными комментариями. Абсолютное боль-

шинство опубликованной корреспонденции составили личные письма Венелина, адресованные выдающемуся русскому славянофилу М.П. Погодину (1800-1875).

Обобщающий характер носит вводная статья Г.К. Венедиктова (с. 3-16). В частности, в ней приведен обзор литературы по вопросу с указанием ряда имеющихся в ней неточностей. Собственно архивные материалы разделены на пять глав: «Официальные бумаги, касающиеся подготовки путешествия Ю.В. Венелина в Болгарию» (с. 17-44), «Подготовка Ю.В. Венелина к путешествию в Петербурге» (с. 45-68), «Начало путешествия: Москва – Харьков - Одесса» (с. 69-94), «Письма с Балкан: Варна – Силистра - Бухарест» (с. 95-142) и «Письма с обратной дороги: Кишинев – Одесса – Харьков - Москва» (с. 143-151).

Интересно, что опубликованные в книге документы в очередной раз свидетельствуют о глубинной карпаторускости, почти русинности Венелина и о восприятии его, в первую очередь, как карпаторосса современниками. Так, например, в письме президента Российской Академии А.С. Шишкова к министру народного просвещения князю К.А. Ливену относительно отправления Венелина за рубеж в одном из пунктов плана путешествия читаем следующее: «5) Исследовать нынешний болгарский язык в синтетическом и аналитическом отношении, то есть обозреть его грамматику, свойства, слог, связь и отношения его к малорусскому, **карпаторусскому** (выделено нами – М.Д.) и великорусскому наречиям» (№ 6, с. 24). Думается, данный пункт звучал бы иначе, если бы на месте Венелина был обыкновенный великоросс или российский малоросс.

Проживая в Российской империи, Венелин старался поддерживать контакты с немногочисленными земляками, проживавшими в России. Любопытной иллюстрацией к данному аспекту биографии ученого, к примеру, могут служить слова из письма Венелина к Погодину от 22 февраля 1830 г.: «В прошедшее воскресенье обедал у Балугиянского (первого ректора Санкт-Петербургского университета М.А. Балудянского (1769-1847), также уроженца Угорской Руси – М.Д.); чувствовал, что не нахожусь на своем месте, несмотря на землячество: это меня бесило: это не в характере карпатороссов» (№ 26, с. 65).

Пожалуй, именно в малых, порой незаметных нюансах, раскрывающих тайны золотого века отечественного славяноведения, и заключается важность публикации Г.К. Венедиктова. Огорчает лишь скромный тираж книги (300 экз.) и труднодоступность московских академических изданий для жителей других регионов.

Михаил ДРОНОВ

Юлиан РАМАЧ

Можлівосци нашого народного языка *

Од нашого приселеня зоз сиверовосточней Угорскей (нашей *Горніци*) до Бачкей штредком 18. вику, та по нешка, без огляду на цудзи уплїви, окреме на мощни уплїв сербского языка, наш народни язык зачувани ище релативно чисти. У нашей карпатскей языковой системи (принешеной з Горніци) маме ище вельо слова, форми, конструкції итд. попри хторих ище не хаснуеме сербски дублети. Велі слова, форми итд. зачувани у бешеди старших людзох и у языку старших авторох. Нашо медзивойново авторе лепше знали наш народни язык як цо го ми нешка знаме, бо у їх чаше наш язык бул под меншим сербским уплївом як нешка. Наведземе приклад хтори илуструе їх знанє народного языка:

На штації Ш. неставало зос вагонох шицкого цо год лем нука було. Длуго ше не могло винайсц, хто то роби. На концу ше виявело, же то робел сам шеф штації зос своїма урядніками. (РН ч. 230/1929)

Дієслово *неставац* ту похасноване як безособово (хторе вимага гу себе форму генитива: *неставало шицкого, неставало стварох*), док го ми нешка, под уплївом сербского *нестајати*, звичайно хаснуеме як особово (зоз субектом у номинативе: *неставало шицко, неставали ствари*, як у сербским *нестајале су ствари*). Место *винайсц* нешка под уплївом сербского *пронаћи* хаснуеме форму *пренайсц*, а место дієслова *виявиц ше* под уплївом сербского *показати се* хаснуеме дієслово *указац ше*:

На станіци Ш. неставало зоз вагонох шицко цо лем нука було. Длуго ше не могло пренайсц хто то роби. На концу ше указало же то робел сам шеф станіци зоз своїма урядніками.

Медзивойново авторе хасновали ище и други наше народни слова место хторих або паралелно з хторима ми нешка найчастейше хаснуеме сербизми (у заградзеню наводзиме найчастейши еквиваленти у сучасним литературним языку и їх походзене): **зарно** (*житарки* < серб. *житарице*), **металия** (*медаля* и *металия*; серб. *медаља*), **стреха** (*закрице*), **кривда** (*неправда* < серб. *неправда*), **серсан** и **серсам** (*алат* < серб. *алат*), **брег** (*побреже* < рсй. *побережье*), **полегчене** (*олегчане*

* По авторовой кніжки *Грамматика руского языка* (Нови Сад, 2002), пасуси 335.1–336.4 и 266.1–266.4.

< серб. *олакшање*), **позор** (*увага* < укр. *увага*), **алмужна** (*милостиня* < серб., цсл. *милостиня*), **погреб** (*хованє*), **меселатов** (*двогляд* < серб. *двоглед*), **елефант** і **єлефант** (*слон* < серб. *слон*), **страна** (*бок*), **хиба** (*грешка* < серб. *грешка*), **верх** (*поверхнось* < яз., рсй. *поверхность*, серб. *површина*); **гурки** (*черева* < серб. *црева*), **бараніна** (*овче месо*, *овчечина* < серб. *овчетина*), **потаємни** (*тайни* < серб. *тајни*), **(не)приязни** (*(не)любезни* < серб. *(не)љубазан*), **оштри** (*строги* < серб. *строг*), **залапени** (*зарабровани* і *залапени*), **випробовани** (*искусни* < серб. *искусан*), **криви** (*погришни* < серб. *погрешиан*), **валушни** (*способни* < серб. *способан*), **приобриц** (*змогнуц* і *здобуц* < укр. *здобути*), **бизовац ше** (*буц сигурни* < серб. *бити сигуран*), **штрофовац** (*карац*), **оштрофац** (*покарац*), **ощадовац** (*шпоровац* і *чувац* < серб. *чувати*), **замлєц** (*замлєц* і *страциц свидомосц* < серб. *изгубити свєст*), **препитац дакого** (*замодліц за пребаченє* і *пребачиц ше* < серб. *извинити се*), **обявиц ше** (*присц* і *явиц ше* < серб. *јавити се*), **вєкшац ше** (*повєкишовац ше* < серб. *повєћавати се*), **меншац ше** (*змєнишовац ше* < серб. *смањивати се*), **доказовац** (*твєрдзиц* < серб. *твєрдити*), **споро** (*швидко*), **на драже** (*на улїци* < серб. *на улици*), **спредз** (*спочатку*), **очивисно** (*очигледно* < серб. *очигледно*); дїєслова *мушиц* і *мац* у функції присловнїка: **мушел** (**мал**) **уж пойсь** (*вироятно уж пошол* < серб. *вероватно је већ отишао*), **мушел** (**мал**) **забуц** (*вироятно забул* < серб. *вероватно је заборадио*); вирази: **пристац на то** „соглашиц ше” (*зложиц ше з дачим* < серб. *сложити се с нечим*), **найсь свою шмерц** (*страциц живот* і *погинуц* < серб. *изгубити живот*, *погинути*): *у тим нещєсцу пєцєро нашли свою шмерц* „пєцєро страцєли живот, погинули” і др.

Дадєдни слова хтори тєдишнї авторє хасновали розликовали ше од сучасних по словотворних елємєнтх: вєкшину таких слєвх ми нєшка хаснуємє зоз сербским префиксом, суфиксом итд.; гуторимє *наджиц* (серб. *надживєти*, нашо **прежиц**), *ошлєбодзиц* (серб. *ослєбодити*, нашо **вишлєбодзиц** і **ошлєбодзиц**), *жимски* (серб. *зимски*, нашо **жимушнї** і **жимски**), *лєтни* (серб. *лєтњи*, нашо **лєтушнї** і **лєтни**), *упрєпасциц* (серб. *упрєпастити*, нашо **запрєпасциц**), *процив* (серб. *против*, нашо **проци**).

Од синтаксичних конструкторїох народного язика то напр.: поровнуюци вирєчєня зоз злучнїками **чим** – **тим**: **Чим** *чловєк вєцєй добрих дїлх виполнї тим* *вше вєцєй живота достава* (нєшка тоти вирєчєня хаснуємє зоз злучнїками *цо* – *то* і др.); дативски слєвозлучєня зоз злучнїком *гу*: *добри є гу мнє, рушєли ше гу сивєру* (ми тоти слєвозлучєня часто хаснуємє зоз сербским примєновнїком *спрам*); примєновнїк *попри* з локативом: *ишли попри лєшє, попри шицким тим* (ми го нєшка, под уплївом сербского примєновнїка *порєд*, найчастєйше хаснуємє з генитивом: *попри шицкого того*) і др.

И управяне (рекция) даєдних дієсловох було иншаке. Напр. дієслово *вериц* хасноване з акузативом: *Кажди человек, котри вери Бога, вери и душу, па понеже шицки народи веря божество над собу, то веря и душу*. Ми нешка под уплівом сербского *веровати у некога/не-што* тото дієслово хаснуєме з применівніком *до* (*вериц до дакого/дачого*). Наведзене виречене у сучасним языку би глашело: *Кажди человек, котри вери до Бога, вери и до души, та понеже шицки народи веря до божества над собу, то веря и до души*.

Велі таки слова, вирази и виреченя найстарши Руснаци и нешка хасную, цо указує же наш язык ма ище у себе нукашней моци и же є не цалком залапени зоз сербским уплівом.

Можлівосци нашого народного языка потвердзую и нови слова створени у нїм без цудзого упліву.

Даєдни нашо слова, независно од сербского упліву, доставаю з нукашню деривацию нови значеня. У бешеди створени напр. тоти нови значеня:

Слово **ширка** у прешлосци зме хасновали зоз значеньом „сумпор” (таке значене воно и нешка ма у карпатским ареалу), а кед ше у 19. вику почали правиц запальки у форми палічкох зоз сумпорову главку на концу, ми и тоти запальки наволали — *ширки*. (Тото значене не настало под сербским уплівом, бо ше по сербски тоти запальки не волаю *сумпори*, але *шибице*.)

Слово **печац** у прешлосци значело „печац на писму, паку и под.”. Тот печач у давнейших часох мал форму велькей гомбички. Кед ше зявели водово фарби (як школски прибор), вони спочатку тиж здабали на векши груби гомбички, одн. здабали на печаци на писмох и пакох, та зме виroyтно прето и їх наволали *водени печаци*. А кед ше зявели и древени клайбаси у фарби, ми и їх, гоч уж не здабали на печаци на пакох и под., наволали — *печаци* (бо мали исту функцію як и водени печаци). (По сербски ше водени фарби и древени клайбаси у фарби волаю *бојице*, а не *печати*, та нашо нове значене слова *печац* не могло настац под сербским уплівом.)

Слово **кросна** у прешлосци значело „справа за тканє” и „рам, цело справи за тканє (на хторим були приправени други часци того прибора за тканє)”. Кед ше зявели други справи хтори мали рам и часци приправени на нїм, ми и рами тих справох наволали *кросна*: *кросна* ролі (*роля* — польопривредна справа за ровнанє жемі), *кросна* бицигли и под. (Тото значене не могло настац под уплівом сербского, бо ше по сербски *кросна* за тканє волаю *разбој*, а *кросна* ролі, рам бицигли и др. ше волаю *рам*.)

Слово **цегелка** перше значело лем „мала цегла”, а кед ше зявели кальово цегли (за кальово печи) и керамични плочици, ми и едни и

други наволоали *цегелки*, та гуториме напр.: *Маю у хижі цегелкови пец, Фасаду украшели з цегелками.* (И тото значене не настало под сербским уплівом, бо ше по сербски кальово цегелки и керамични плочици не волаю *циглице*.)

У бешеди ше творя и нови слова з *руских основох* (без цудзого упліву). Розуми ше, у поровнаню зоз калками таки слова у руским язiku ест значно меней. У бешеди створени напр. тоти слова: **папригар** „продукователь паприги”, **новинкар** „предавач новинох”, **райбачка** „машина за райбане”, ветерніца „справа за вяце зарна”, **дротованец** „челїчни штранг”, **шандор-колесо** „бицигла” (вираз хасновани концом 19. вику: перши на бицигли по Керестуре теди ходзел легинь по мену Шандор); **цегелкови пец** „кальови пец”, **шпижово колачи** „колачи хтори ше пража у специялней *шпижовой* справи”, **крисова шапка** „шапка зоз крису”, **пребиваци папер** „индиго”, **куля на дроце** „кладиво” (спортски вираз хасновани концом 40-их рокох 20. вику у Керестуре) и др.

Же наш язык зачувал ище *нукаинї моци*, можеме видзиц и по тим же ше вон часто „проциви, спера” сербскому упліву.

Так у случайох кед у бешеди и литературним язiku паралелно хаснуеме сербизем и наш еквивалент, ми ше при писаню часто несвидомо опредзелюеме за наш еквивалент. Так напр., под сербским уплівом у литературним язiku хаснуеме *квалитативни генитив*, хтори блїжей одредзуе особу, предмет и др. по випатрунку, характеру, старосци и под., одн. дава квалитативну характеристику понятия: **човек нєвисокого росту, человек стреднїх рокох (погнутого ходу и под.), хлапец билих власох, дзивче чарних очох, продукт доброго квалитета, крача схилсней глави, врациц ше празних рукох.** Паралелно з такима словозлученяма хаснуеме нашо еквиваленти – инструментални словозлученя: **хлапец з билима власами, врациц ше з празнима руками;** конструкції з дієсловом *мац* и директним обектом: *тото дзивче шварне, цо ма очка чарни.* При прекладаню зоз сербского на руски сербски конструкції того типа прекладаме з генитивними словозлученяма (приклади под 1) або з нашима еквивалентами, або их описно прекладаме (приклади под 2). Факт же их не вше прекладаме з генитивними словозлученяма гутори же генитивни конструкції недосц одомашне-ни у нашим литературним язiku, одн. же их ище чувствуеме як цудзи. Приклади:

1) *Одговоріо [је] лица руменог од грознице, сјајних очију > одвигтовал розпаленей твари од горучки, блїщащих очох* (Ф. Молнар).

2) *Лежао [је] полузатоворених очију > лежал... зоз... наполи заджмуренима очми* (Р. Киплинг). – *Био је то... леопард, необично лијепа пјегаста крзна > Бул то... леопард, з незвичайно красну пегаву бун-*

дичку (Д. Дефо).

Тиж так у літературним языку под сербским уплївом хаснуеме велї словозлученя з применовнїком *без*: **без даякого шора** (серб. *без неког реда*), **без процивеня** (серб. *без противљења*), **без вельких усилвносцох**, **без найменшого возбуженя**, **без отрушинки розуменя**, **без пригварки**, **без преставаня**, **без шора**, **без слова** и др. Таки словозлученя у нашим літературним языку заш лем меней фреквентни як у сербским. Їх менша фреквенция – резултат уплїву народного языка, у хторим ше место словозлученьох **през Г** и **без Г** часто хасную други еквивалентни конструкції. Напр., у народним языку не гуториме *шедза през/без слова*, але *шедза цихо*, не гуториме *предмет през/без фурми*, але *нефурмасти предмет*, не гуториме *небо було без хмарох*, але *небо не було похмарене* итд. Меншу фреквенцию словозлученя *без Г* у літературним языку потвердзую и преклади зоз сербского языка на руски. Нашо прекладаче дакеди сербске словозлученє *без Г* не прекладаю зоз словозлученьом *без Г*, але го заменую з другима рускими еквивалентами. Так го, кед є у сербским языку у функції менового предиката, дакеди прекладаю на руски з конструкцію зоз дієсловом *маю*: *Ни Бока није био без слабости* > *Але и Бока бул човек*. **Мал и вон слабосци** (Ф. Молнар).

Сербске словозлученє *без Г* у функції додатку предикату прекладаче дакеди прекладаю з еквивалентними присловнїками и дієприсловнїками: (1) *Хо!* – *рече Могли седајући без шума* > *Ого! гварел шедаюци поцихи* (Р. Киплинг). (2) *Сјела је до њега и тако су дуго остали без ријечи* > *Шедла гу ньому и так дуго остали не бешедуоци* (М. Крлежа).

У слїдующим прикладу словозлученє *без Г* ма допусне значенє и преложене є з допусним виреченьом: ... *на кад [учитељ] дође до криве девојчице, он ће одмах знати без ичијег говорења* > ... *а кед дойде по виновате дзивче, вон такой будзе знац, гоч му ніхто ніч не вивола* (М. Твен).

Невичерпаносц нукашней моци нашого языка потвердзую и гришки хтори Руснаци у гомогених руских стредкох под уплївом мацеринского языка правя кед бешедуо по сербски. Наведземе приклади з писаних составох керестурских школярох:

Даєдни меновнїки у руским и сербским языку не истого роду (напр. руски меновнїк *глад* хлопского роду, а сербски *глад* женского роду), та школяре сербски меновнїки дакеди хасную у роду яки маю у руским: (1) *Ја мислим да тај глад могао би се брзо решитиш* (под уплївом нашого **тот глад**; по сербски **ова глад**). (2) *На жучу је имала каменчиће* (< рус. **на жовчу**; сербске *жуч* женского роду: **на жучи**).

Кед сербске и руске дієслово маю розлични префикси, школяре даке-

ди похасную сербске дієслово з руским префиксом: (1) Када сам **израс**тао, увидео сам да су ми родитељи увек добро желели (< рус. кед сом **ви**роснул; серб. када сам **п**орастао). (2) Када сам **по**пробала, било је лако (< рус. **по**пробовац; по сербски: када сам **пр**обала). (3) Тата је рекао да сутра **по**носимо угаљ (< рус. **по**ношиц; серб. да **у**несемо угаљ).

Сербски применовнїки школяре тиж хасную под уплївом нашого языка: (1) **Без рада немали бисмо из чега живети** (< не мали бизме з **чо**го жиц; серб.: не бисмо имали од **че**га живети). (2) **К** нашим колима пришао је милиционер и затражио исправе (< **гу** нашома авту; по сербски без применовнїка: **нашим колима** пришао је). (3) **Из дрвета се може направити много лепих предмета** (< **зоз** дрвета; по сербски: **од дрвета**). – **Све проблеме треба решавати са властитим снагама** (под уплївом нашого **зоз власними моцама**; по сербски без применовнїка: **решавати проблеме властитим снагама**).

У независно-зложених противних виреченьох место злучнїкох **него** и **већ** школяре дакеди хасную злучнїк **али**: (1) **Школа нас не учи злу али добру** (< **Школа нас не учи злу, але** добру; по сербски: **Школа нас не учи слу, већ (него)** добру). (2) **Некад не идем да играм фудбал, али узмем књигу и читам** (< не идзем бавиц фодбал, **але** вежнем кнїжку и читам; по сербски: не идем да играм фудбал, **већ (него)** узмем књигу и читам).

Руски слова, вирази и виреченя школяре дакеди буквално прекладаю (калкую) на сербски. Так наставаю „сербски” слова и конструкції хтори у ствари не постоја у сербским языку: (1) **Силазили су се свако вече** (< под уплївом нашого **сходзели ше**; серб. **састајали су се**). (2) **Неће му се ништа** (< нашо **ніч ше му не сце** (робиц); серб. **нема воље ни за шта**). (3) **Било је чути пуцњаву** (< нашо **було чуц штреляне**; серб. **чула се пуцњава**).

Школяре хасную и семантични калки: (1) **Памтим прве љубавне цедуљице у школским клупама** (< рус. **паметам** перши **цидулки**; серб. **сећам се** првих **цедуљица**). (2) **Назвао га је ружним словима** (< рус. з **бридкими** **словами**; серб. **ружним речима**). (3) **Волим да садим цвеће у црепове** (< рус. **любим** садзиц **квеце до черепох**; серб. у **саксије**). (4) **Ратари су жито употребљавали као сточну храну** (< рус. **жито**; серб. **пшеница**).

З горнїма прикладами илустровали зме нукашню моц и богатство нашого народного языка. А на фундаментах народного языка настал и наш литературни язык. Же бизме фундаменти литературного языка зачували цо стабилнейши, мушиме богатство народного языка до максима вихасновац у дальшим розвою нашого литературного языка.

ЖРИДЛА

Д. Дефо – (1) Defo Danijel: *Robinzon Kruso*. Svjetlost, Sarajevo, 1984; (2) Дефо Даниел: *Робинзон Крусо*. Преложел В. Бесермині. Завод за издаване учебнікох, Нови Сад, 1981;

Р. Киплинг – (1) Киплинг Радјард: *Књига о џунгли*. Завод за издавање уџбеника, Нови Сад, 1983; (2) Киплинг Ридјард: *Книјска о джунгли*. Преложел Ју. Пап. Завод за издаване учебнікох, Нови Сад, 1983;

М. Крлежа – (1) Крлежа Мирослав: *Повратак Филипа Латиновића*. Рад, Београд, 1983; (2) Крлежа Мирослав: *Врацане Филипа Латиновича*. Преложела Наталија Канюх. «Руске слово», Нови Сад, 1983;

Ф. Молнар – (1) Молнар Ференц: *Дечаци Павлове улице*. Завод за издавање уџбеника, Нови Сад, 1984; (2) Молнар Ференц: *Хлаци з Павловој улици*. Преложела Серафина Медеша. Завод за издаване учебнікох, Нови Сад, 1979;

РН – *Руски новини за Русинох у Краљовини С. Х. С.* (роки 1924–1941). Властитель Руске Народне Просвитне Дружтво, Руски Керестур.

М. Твен – (1) Твен Марк: *Том Сојер*. Превоо С. Винавер. Свјетлост, Сарајево, 1984; (2) Твен Марк: *Дожица Тома Соера*. Преложел М. Скубан. Завод за издаване учебнікох, Нови Сад, 1980.

СКРАЦЕНЈА

Г и Г = генитив, **рси.** = русийски, **рус.** = руски (југославјанскорусински), **серб.** = сербски, **укр.** = украјнски, **цсл.** = црковнославјански, **јз.** = јзичие (угроруски литературни јазик).

ЕДИНЬИ КНИЖНЬИ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

Первый тематический книжный магазин по "украинскому" вопросу.

Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

Совместный проект сайтов "Единая Русь" (www.edrus.org), "Украинские страницы" (www.ukrstor.com) и Малорусской народной исторической библиотеки (mnib.malorus.org)

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>
e_mail: magazin@malorus.org Тел.: +7 (903) 53 44 218

Адрес: Россия 109028 Москва. До востребования.

Предъявителю ОЗП 5 IN 1196995

Александр НИКОЛАЕНКО**УЧИТЕЛЬ И ЕГО УЧЕНИКИ**

В начале XIX в. в России возникла необходимость проведения государственной реформы системы образования. Однако нужных для этого подготовленных отечественных кадров не хватало. Задача формулировалась так. Надо было приглашать квалифицированных профессоров, желательно славянского происхождения, которые бы говорили по-русски или смогли в короткое время изучить русский язык. Попечитель Петербургского учебного округа Н.Н. Новосильцев, которому было поручено выполнение этого задания, попытался решить этот вопрос без затруднения. Он обратился за помощью

к И.С. Орлаю, жившему тогда в России.

Почему такой высокопоставленный государственный деятель считал нужным обратиться к Орлаю? Иван Семенович Орлай (1770-1829) родился в семье офицера (по другим данным, в семье священника) в Венгрии в селении Хуст Мараморошского комитета¹.

Сведения об образовании И. Орлая противоречивы. Т. Байцура, ссылаясь на «Русский биографический словарь» И. Кубасова, приводит такие данные. Свое начальное образование он получил в Мукачевском народном училище, затем перешел в Ужгородскую гимназию, потом в Великокарловарскую высших наук гимназию, где изучал математику, логику и историю. В 1788 году Орлай поступил во Львовский университет. Здесь он уделял внимание в основном математике, физике, естествознанию, истории, философии, немецкому языку и философии. В 1789 г. сдал экзамены по философии в Эрландской консистории и поступил на богословский факультет Пештского университета (Генеральная Йозефинская семинария)².

Однако есть и другие данные. Они исходят из того, что И. Орлай практически готовился к службе священника. Поэтому он решил продолжить свое духовное образование в столице родственной ему России и принят был в Александро-Невскую семинарию. Вскоре в связи с открытием медико-хирургических училищ медицинская коллегия об-

ратилась к Синоду с просьбой разрешить произвести набор среди семинаристов, владеющих латынью. В результате группа бывших семинаристов зачисляется в ученики медицинских училищ, среди них был и Иван Орлай. По окончании курса наук 7 мая 1791 г. произведен лекарем и поступает на службу в Генеральный сухопутный госпиталь³.

В следующее десятилетие своей жизни Орлай сделал головокружительную карьеру. В 1801 г. в качестве придворного медика нового царя Александра I в ночь дворцового переворота дежурил возле тела мертвого императора Павла. Он же, Орлай, подписал медицинское заключение о его смерти⁴.

По национальности Орлай считал себя карпатороссом. Говоря так, совершенно не стоит забывать, что речь идет о начале XIX века. В это время национальность определяли по осознанию своей принадлежности к определенной территории и месту рождения. Именно название «карпаторосс» и выражает это осознание. Первая часть его говорит о территории, к которой принадлежит Орлай по месту своего рождения, а вторая часть – о представлении о родстве с русским народом, которое испокон веков были присуще коренным жителям Карпат⁵.

5 марта 1803 г. Орлай представил Новосильцеву записку, в которой излагал свой взгляд на поставленный перед ним вопрос. «Весьма легкое, верное и действительное средство, - пишет Орлай, - иметь в скором времени способных и знающих преподавателей, которые могли бы в самый непродолжительный срок излагать науки по-русски. Средство это заключалось в приглашении иноземных наставников славянского происхождения, и преимущественно карпатороссов, так как они обыкновенно знают основательно церковнославянский язык»⁶. Из числа названных Орлаем карпаторосских профессоров, получивших это звание в Австрийской империи, в Россию, были приглашены М.А. Балугьянский, В.Г. Кукольник, П.Д. Лодий, в дальнейшем положительно зарекомендовавшие себя на ниве просвещения. Достаточно сказать, что М. Балугьянский и В. Кукольник преподавали великим князьям Михаилу и Николаю, впоследствии императору Николаю I. Они вместе с П. Лодием были профессорами педагогического института, а затем образованного на его базе университета.

В 1804 г. Орлай публикует в журнале статью «История о карпатороссах»⁷, которая привлекла к себе внимание, в том числе и Карамзина. В этом сочинении Орлай утверждал, что предки русинов пришли в Паннонию вместе с Арпадом⁸. Это факт упоминается в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Орлай здесь показывает хорошее знание не только венгерских и византийских источников, а также знакомство с публикациями современных ему историков (Шлецер, Миллер).

В 1806 г. «по особому императорскому поручению» Орлай посетил Германию, где в Кенигсбергском университете был произведен «свободных наук магистром и философии доктором». Посетил также Дерптский университет, где представил свою диссертацию, которая была напечатана. Ему присвоено звание доктора медицины и хирургии. Вернулся из поездки в 1807 г. Орлай выезжал еще в 1810 г., был «признан почетным членом Ерлагенского физико-медицинского общества».

К сожалению, подробного описания указанных поездок я пока не обнаружил и ограничиваюсь только общими данными. Кенигсбергский университет того времени был освящен именем великого Канта, но ко времени пребывания Орлая в Кенигсберге Канта уже не было в живых. Выступление Орлая было, вероятнее всего, посвящено филологии латинского языка, которым Орлай владел в совершенстве. С кем он встречался и имел беседы в Кенигсберге, можно только предполагать. Возможно, его интересовал Иоанн Готфрид Гердер и его учение, его также весьма интересовали вопросы истории Карпат и национальной принадлежности коренных жителей.

Есть информация о возможных связях Орлая с Гёте, которого он мог посетить ранее, во время поездки в Германию⁹. Произошло это якобы в 1795 г., когда Орлай стал членом Иенского общества естественных наук. Позже Орлай неоднократно встречался с этим «великим мужем» Германии, они обменивались письмами.

В 1807 г. избран ученым секретарем Медико-хирургической академии и назначен помощником лейб-хирурга Вилие – главного по армии медицинского инспектора. Орлай принимал участие в разработке Устава академии при начальном ее образовании и издании военной фармакопеи. В 1811 г. назначен академией редактором всеобщего журнала врачебной науки, который был учрежден академией.

Принимал участие в Отечественной войне 1812 г. С апреля 1812 г. «исправлял добровольно должность ординатора сухопутно-генерального госпиталя». В октябре этого же года с должности ординатора был уволен «по причине уменьшения числа больных», но еще некоторое время продолжал лечить. За усердие и труд был пожалован орденами и произведен в статские советники. В 1817 г. Орлай подает прошение по состоянию здоровья освободить его от звания ученого секретаря академии. Просьба его удовлетворена, но он был оставлен доктором императора и состоящим по особым поручениям при президенте академии баронете Виллие.

Орлай начинает заниматься устройством своих личных дел и совершает поездку в южные края. В Миргородском уезде Полтавской губернии он приобретает крошечное имение Михайлодар, в котором все-

го было 6 душ. Заметим, что имение это находилось рядом с имением матери Гоголя. Этим же летом вместе с семьей генерала Дорохова он посещает в Нежине семью трагически погибшего своего друга В.Г. Кукольника и гостит у его вдовы. Визит носил не случайный характер.

В Нежине в апреле 1820 г. Высочайшим рескриптом было открыто первое на левобережной Украине высшее учебное заведение, Гимназия высших наук кн. А. Безбородко. Созданное новое учебное заведение, несмотря на название «Гимназия», давало выпускникам его высшее образование, приравненное к университетскому. В.Г. Кукольник дал согласие быть его директором, и в июле 1820 г. он был утвержден в этой должности.

Кукольник был выбран директором гимназии не случайно. К этому времени он был профессором Санкт-Петербургского университета, доктором свободных художеств, философии и права, автором многих научных трудов, в том числе и учебника по гражданскому праву. Пользовался заслуженным уважением. Достоин внимания тот факт, что вместе с И. Орлаем он присутствовал на лицейском экзамене А.С. Пушкина при переводе его из «младшего возраста» в «старший». Как уже говорилось, в 1813-1814 гг. он обучал римскому и российскому гражданскому праву великих князей.

Правда, в 1819 г., когда происходили выборы ректора Петербургского университета, В.Г. Кукольник не был избран. Он даже не баллотировался на эту должность, а был назначен проректором. «Зачем же Петербургский университет выбрал себе проректора, а не ректора? – писал в письме Е. Болховитинов. – Кукольник стоит подлинного имени»¹⁰.

На этот вопрос до настоящего времени нет однозначного ответа. Правда, нужно сказать, что в последние годы царствования Александра I правительственная политика по образованию резко изменила ориентиры. Взял верх реакционный курс, свидетельством чему явились возникшие многочисленные «дела о вольнодумстве». Приведем только перечень этих дел: 1816 г. - «дело» в Харьковском университете, 1819 г. - в Казанском университете, в 1821 г. - «дело» в Петербургском университете. Было «дело» даже в Петербургской духовной академии. Завершающим в череде сменявших друг друга дел было «Дело о вольнодумстве» (1827) в Нежинской Гимназии высших наук.

Утверждать, что эти дела как-то повлияли на судьбу В.Г. Кукольника, трудно, но и исключать этого нельзя. К большинству перечисленных «дел» имели самое прямое отношение представители карпаторусской интеллигенции, непосредственно связанные с В.Г. Кукольником (П. Лодий, М. Балугьянский, Ф. Янкович). Учебник П. Лодия по «естественному» даже праву был признан крамольным.

Надо помнить также, что теорию «естественного» права в России начали преподавать карпатороссы, переехавшие из Австрии в Россию по приглашению Александра I. Первыми отечественными учебниками по «естественному» праву были учебники В.Г. Кукольника, вышедшие в 1810, 1813 и 1815 гг. Последнее издание вышло в 1816 г.¹¹

24 августа вместе с семьей В.Г. Кукольник приезжает в Нежин. 1 сентября (по другим данным – августа) 1821 г. В. Кукольнику пришлось заниматься хозяйственными и разными кадровыми делами, а также самому проводить занятия. К началу занятий преподавательский штат не был укомплектован. Причин было несколько. Поэтому большинство предметов (латинский язык, российская грамматика, история, география) В.Г. Кукольник преподавал сам вместе с сыном Платоном. Согласно «Экзаменационному списку воспитанников Гимназии первого приема» на протяжении 1820-1821 учебного года в гимназию зачислен 21 ученик, среди которых был и Н. Гоголь¹².

Неожиданно для всех В.Г. Кукольник 6 февраля 1821 г. умирает. Сын его, русский писатель Н.В. Кукольник, ученик Нежинской гимназии, так объясняет причины случившегося: «Надежды разом были уничтожены; средства отняты, к тому же присоединилась тяжкая скука учебного, совершенно изолированного, потому что не только общество, но и те, которые должны были служить ему помощниками, не могли вполне понимать видов его, разделять его мысли и чувства, и тоска слишком скоро потрясла чувствительный организм. Он впал в ипохондрию, быстро и неотразимо увлекшую его в преждевременную могилу». И как дополнение к сказанному дается пояснение: «В.Г. Кукольник в припадке меланхолии выбросился из окна третьего этажа здания лицея и умер вследствие этого падения»¹³.

Так что посещение вдовы друга и его детей для Орлая было святой обязанностью. Ознакомившись с Нежином, с гимназией, Орлай принимает решение переехать сюда работать. 3 сентября 1821 г. он назначается директором гимназии вместо умершего друга, а в конце октября 1821 г. переезжает в Нежин. 1 ноября он приступает к исполнению обязанностей директора.

Обстановка среди преподавательского состава гимназии на этот момент складывалась напряженная. Несколько месяцев гимназию возглавляло Временное правление, состоявшее из профессоров гимназии. Среди профессоров выявились желающие любым путем продвинуться. К тому же вдова покойного директора гимназии постоянно требовала от попечителя учебного округа принять меры в отношении преподавательского состава, который, по ее мнению, был виноват в смерти В. Кукольника. Старший сын покойного директора Платон рассчитывал, что ему будет предложено место отца, но когда стало ясно,

что этого не произойдет, тоже начал вести себя неадекватно и вскорости рассчитался (октябрь 1821 г.). Вдову с детьми по требованию попечителя Харьковского учебного округа просто выселили. Произошло это в сентябре 1821 г., буквально сразу после посещения ее Орлаем¹⁴. Сын Нестор перевелся в Житомирское уездное училище. Мать уехала в Прибалтику, в имение, подаренное мужу Александром I.

Орлай, приступив к исполнению, занялся, в первую очередь, хозяйственными делами. 19 ноября 1821 г. Орлай обращает внимание на недостаточное количество учебников. Конференция гимназии принимает решение приобрести учебники по истории, математике, географии, риторике, красноречию и др. 1 декабря Орлай заслушивает сообщение библиотекаря о состоянии книг, оставшихся в гимназии после смерти предыдущего директора. Он принимает решение составить каталог с разделением книг на церковные, нравственные, физические и др.

Сразу же началась и его организаторская и педагогическая деятельность. 8 ноября 1821 г. проходит первое заседание конференции гимназии, на которой Орлай излагает свой план устройства вверенной ему школы. Он предлагает поделить воспитанников на шесть разрядов (принципаты, грамматисты, синтаксисты, риторы, пииты и эстетики). Надзирателям вменяется общаться с учениками во время дежурств только на иностранном языке.

Вводится порядок, по которому преподавателям рекомендуется свободно высказывать «свои мысли по управлению гимназией», даже если они и направлены против какой-нибудь меры, предлагаемой самим директором. Если чьи-нибудь суждения окажутся основательными, они подлежат обязательной записи в журнал.

В январе 1822 г. Орлай ставит вопрос о создании в гимназии научного общества, которое бы занималось изучением истории местного края. Но это предложение не находит поддержки конференции гимназии по причине малочисленности профессорско-преподавательского состава, отсутствия необходимых источников и проблем, связанных с учебным процессом. Орлай выражает по этому решению свое особое мнение. Но идея Орлая находит поддержку у гимназистов.

В 1824 - начале 1825 г. гимназисты сами решают создать историческое общество и принимают решение написать, ни много ни мало, всемирную историю. Кроме того, отдельные гимназисты начинают работу над составлением малороссийского словаря.

Коллектив учеников, доставшийся Орлаю, имел свои особенности, которые отдельные педагоги гимназии называли элементарной «распущенностью» (выражение надзирателя Моисеева). Так, ученик Любич-Романович на стене гимназического музея сделал надпись: «При

выпуске береги зубы, Моисеев». Ученик Кобеляцкий в ответ на замечание преподавателя Зельднера начал хлестать его хлыстом по ногам, а когда тот стал убегать от ученика, погнался с хлыстом за ним. И подобные примеры были не единичны. Они говорят, прежде всего, что преподавательский коллектив, доставшийся Орлаю, был не на уровне, и Орлай занялся кадровыми мерами. Эти меры были направлены именно на улучшение воспитательного процесса. Об этих мерах случайно сохранились свидетельства.

В рапорте от 2 июля 1827 г. проходивший по «Делу о вольнодумстве», которое расследовалось уже после ухода Орлая с должности директора гимназии, профессор Н. Белоусов давал прибывшему из Петербурга проверяющему такие показания: «...Орлай многократными убеждениями принудил меня принять на себя должность инспектора... Я долго отказывался, ибо видел, сколько труда, беспокойств и неприятностей должно было переносить при столь развращенном состоянии пансиона, в котором он тогда находился. Но когда сей почтенный своими заслугами в нашем отечестве муж начал меня почти со слезами убеждать, представляя и гибель юношества, и обманутую надежду родителей, и пагубу, угрожающую целому заведению, присовокупляя, что на меня только он единственно полагает надежду, что я все могу исправить, тогда я уже решился принять на себя тяжкое бремя...»¹⁵.

Сам Орлай в своей педагогической деятельности руководствовался либеральными методами по отношению к воспитанникам. Многим это не нравилось, но гимназисты с пониманием относились к его требованиям. Так, П. Кукольник, один из учеников Орлая, который возвратил его в 1823 г. гимназию, вспоминал: «Некоторые наставники, еще в бурсе привыкшие к раболепству, называли этот период существования гимназии периодом беспорядка. Толковали, что в оно время профессора не слушались директора и спорили до глубокой ночи в конференциях. Так понимали педагоги по титулу прения ученого словесия? Иван Семенович с умыслом предоставлял наставникам свободу споров, в надежде и из них образовать самостоятельное и разумное общество»¹⁶. И в этом он преуспел.

Общая интеллектуальная обстановка, созданная в гимназии за время, когда ее возглавлял Орлай, послужила базой тому, что в конце 1820-1830-х гг. из ее стен вышла целая когорта литераторов, оставивших заметный след в истории литературы и гуманитарных наук. Среди них были поэты, прозаики, очеркисты, этнографы, переводчики. Важную роль в создании этой базы играл И. Орлай. Он создал специальную программу гуманитарного образования. В основе созданной программы лежала идея Орлая, согласно которой «в последнем трех-

летия, или академическом курсе будут студенты упражняться практически в сочинениях на всех подающихся в гимназии языках».

Спектр эстетических направлений был достаточно разнообразным. Это прежде всего классическая художественная традиция. Нужно добавить сюда и увлечение древнегреческой культурой (Платон, Сократ, Демокрит, Аристотель и др.).

Система образования, которую создал И. Орлай, носила «энциклопедический» характер (как охарактеризовал ее Н. Кукольник). Этот ее характер сформировал одну из примечательных особенностей мировоззрения выпускников: поразительную жажду знаний о мире, стремление к всеохватывающим формулам, поиск универсального «ключа» к истинной жизни¹⁷.

В августе 1825 г. по гимназии распространяются слухи, что Орлай получает другое назначение. В сентябре 1825 г. он информирует конференцию, что ему действительно поступило предложение занять место лейб-медика Его Императорского Величества. Он срочно выезжает в Таганрог, но спустя месяц, в октябре 1825 г., возвращается в Нежин и продолжает исполнять обязанности директора.

В это время в гимназии учащимися образуется литературное общество, которое вскладчину выписывает журналы и книги. К этому же времени относятся и литературные опыты воспитанников. В журналах «Северный архив», «Дамский журнал», «Украинский журнал» и других публикуются произведения гимназистов и отдельных преподавателей гимназии.

В июле 1826 г. на конференции заслушивается рапорт «Об испорченности некоторых воспитанников», но Орлай уже на все смотрит философски, ибо 1 августа 1826 г. его назначают директором Ришельевского лицея в Одессе. Между остающимися профессорами гимназии к этому времени вновь разгорелись раздоры, и это негативно сказалось как на учебном процессе, так и на дальнейшей судьбе гимназии. С отъезда Орлая новое начальство начало по-своему прибирать к рукам пансионеров, что не замедлило породить в их среде тревогу и смуту. Жалобы поднимаются одна за другой, начинаются расследования, принимаются крутые меры.

Вот только один характерный пример того времени. Гимназист К. Базили, греческого происхождения, семья которого пережила турецкую резню у себя на родине в Греции, поступил в гимназию в 1822 г. Он был из богатой семьи и на родине получил классическое образование. Спасаясь от гонения, он вынужден был переехать в Россию. В гимназии он пользовался уважением Орлая и других преподавателей. В 1825 г. ему было разрешено сдать экзамен за два года с переводом из пятого класса в седьмой. Однако ученый секретарь пе-

репутал дела, не составил нужный акт, и Базили был переведен только в шестой класс.

И. Орлай, переехав в Одессу, посоветовал его матери перевести сына в Одессу. В июле 1827 г. Базили уехал в Одессу. Орлай предложил ему жить в своем доме и поручил занять временно вакансию греческой словесности. Одновременно Базили стал преподавать русскую словесность и в Греческой коммерческой гимназии.

В 1829 г. Орлай умер. Советом Одесского лицея было поручено Базили произнести в соборе надгробную речь на греческом языке¹⁸.

Буквально через три месяца (начало ноября 1826 г.) после ухода Орлая гимназию посещает почетный попечитель ее Кушелев-Безбородко. Он остается недовольным положением дел в гимназии. Об этом находим упоминание в одном письме Н. Гоголя к матери: «К нам приезжал граф, был у нас немалое время, много говорил, ничего не сделал и уехал восвояси. Орлай наш так успел везде охулить нашу гимназию, что, думаю, и он оттого так мало о ней печется»¹⁹.

Как можно оценить деятельность И. Орлая? Украинские националисты сегодня оценивают ее отрицательно. Василий Пачовский, писатель и ранний украинский историк Закарпаття, пишет об этом так: «[В]сі вчені тої доби не повернулися до народу, а пішли на службу чужим богам... П. Лодій, Балудянський, Іван Орлай, брати Кукольники до Росії, Юрій Гуца до Болгарії. Для нашого народу з Закарпатської України вони не дали нічого, покинули свій край і нарід і не вмiли поставити національних змагань на народному ґрунті, й не створили з народної мови своєї літератури, як їх сучасники мадяри. Захопила їх душі велика Росія, а рідний нарід залишився без світочів у темноті. Вони могли бути між найпершими, а пішли до Росії на другорядних діячів і пропали там, загубивши талант свого народу»²⁰.

Не вдаваясь в детали, касающиеся братьев Кукольников, скажем, что однозначно ответить на вопрос, что дали поступившие на службу России в начале XIX в. карпаторусские ученые «Закарпатской Украине», трудно. В то время, когда они перебрались в Россию, этот регион еще входил в состав Австрии и Украиной не был. Только с 1945 г. по воле Сталина он стал украинской территорией, той самой, которую Пачовский и называет «Закарпатской Украиной». Поэтому прежде всего отметим саму некорректность подобной постановки вопроса. Достаточно только вспомнить фамилии выпускников Нежинской гимназии, таких, как Гоголь, Гребенка, Кукольник, Редкин, Любич-Романович, Билевич, Лукашевич, Афанасьев-Чужбинский, Забила, Мокрицкий, В.В. Тарновский, П. Мартос, Я. де Бальмен. В культуру и науку России и Украины каждый из них внес определенный вклад. Из всей когорты перечисленных учеников я подробно рассмотрю влияние Орлая

на ведущих русских писателей Гоголя и Н. Кукольника и попробую показать, как оно отразилось на их творчестве.

Прежде всего, надо отметить, что Орлай - прототип «необыкновенного наставника» Александра Петровича во втором томе «Мертвых душ» Гоголя. Сходство педагогических принципов директора гимназии и «директора» Александра Петровича обнаруживается и в образе преподавания. Состояние дел в Нежинской гимназии после отъезда Орлая нашло определенное отражение в описании во втором томе «Мертвых душ» учебного заведения Александра Ивановича Тентеникова именно после того, как «чудный наставник» скоропостижно умер. «Все переменялось в училище: на место Александра Петровича поступил какой-то Федор Иванович. Человек добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи [...]. Налег он тот же час на какие-то внешние порядки, стал требовать от детей того, чего можно требовать только от взрослых»²¹.

Стоит также обратить внимание на другое важное обстоятельство, о котором упоминают очень редко. Это любовь и интерес к истории Закарпатья, к истории запорожского казачества, которые привил Орлай ученикам гимназии. В своих беседах с гимназистами, в своих публикациях Орлай давал исторические сведения о Закарпатье, Буковине и Галичине, проводил мысль о единстве славянских земель и о пагубности междоусобных раздоров. Эти взгляды Орлая нашли отражение в повести Гоголя «Страшная месть». Здесь Гоголь несколько раз упоминает Карпаты, причем им употребляется название Карпатских гор в единственном числе - «Карпат», т.е. в такой форме, которая была обычна для Закарпатья. В такой же форме употребляет Гоголь это слово и в незаконченной очерке о славянах: «Горы сторожат эту непомерную безмерность и равнину. Пустынными рядами уральскими, снегоглавым Кавказом, ветвистым Карпатом они окружили ее как бы с тем, что <бы> здесь сохранилась долговременно особая своеобразность, особый отпечаток на здешних народах».

Взгляды Орлая сказались и на отношении его учеников к истории запорожского казачества. Важно отметить, что своими убеждениями в необходимости единства славянских земель Орлай обязан исключительно непосредственному переживанию трагической судьбы своего народа – отторгнутых от России единоплеменников. Это у Гоголя выразилось в создании повести «Тарас Бульба». В работе над этой повестью, помимо впечатлений от общения с Орлаем, Гоголь пользовался собранием «галицко-русских» песен В. Залесского, изданным в 1833 г. во Львове. В 30-е г. XIX в. Гоголь начал усиленно заниматься историей Южной Руси, запрашивал у Погодина библиографию публикаций по этой теме.

Но особенно заслуживает внимания взгляд Орлая на природу русского языка. Он проповедовал идею, что русский язык един для всех славян. Идея эта сложилась исторически и неоднократно высказывалась различными представителями славянской (и закарпатской в том числе) культуры. Еще в 1799 г. в первой словенской газете «Lublanske Novize» (№ 26 за 29 июля) Валентин Водник писал: «Теперь мы видим своими глазами, каких могучих и великих братьев имеем на свете. Они сохранили в совершенной чистоте наш славянский язык. К ним должны мы приближаться, если хотим очистить свой язык. И у них мы должны учиться, как надо защищать родину от врага»²². Аналогичного мнения придерживалось большинство карпаторусских писателей того времени.

Надо отметить, что в общении с закарпатскими «просветителями» того времени эта мысль Орлая находит подтверждение. Известный карпаторусский просветитель И.Бережанин (Фогораший) писал ему (1827): «якъ в угрорусии учена и просвѣщенна его часть ... пишеть и говорить чистим старинным или руським языком, так совершенно, какъ и самыи великороссияне»²³.

Отсюда понятно возражение, которое высказывал Н. Гоголь против попыток создания особого украинского литературного языка: «Нам ... надо писать по-русски... надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родным нам племен. Доминантой для русских, украинцев и чехов должна быть единая святыня - язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан, католиков, лютеран и гернгуттеров»²⁴.

Рассмотрим, как сказалось влияние Орлая на творчестве другого его ученика, Нестора Кукольника (1809-1868). Кукольник был сыном друга Орлая, поэтому в гимназии он пользовался возможностью близкого общения с ним. Родом он был карпаторосс. Он так и писал о себе: «... я был сын карпаторосса, хотя и до сих пор еще не видал родных Карпатов. Эта любовь к далекой родине никогда не угасала»²⁵. Как видим, судьба угророссов (или «карпатороссов», как они стали позже называться) была ему близка и понятна. Устное народное творчество народов Закарпатья особо отличалось героическим эпосом - балладными песнями с их особенностями в виде элементов чудес, взволнованностью и эмоциональностью²⁶. И Кукольник пользовался этим в своем творчестве, создавая патриотические (иногда даже ура-патриотические) произведения. И именно эту сторону его драм не воспринимало большинство русских философов и писателей-современников (Лермонтов, Некрасов, Тургенев, Чаадаев, Аксаков и др).

Кукольник был не согласен, что малороссам необходим особый литературный украинский язык. Он, как и Гоголь, считал, что русский

язык должен быть единым. И это он показал в своих произведениях о казачестве.

Тематика казачества тоже занимает немалое место в его творчестве. Он ей посвятил несколько произведений («Вольный гетман пан Савва», «Запорожцы» и историческое сказание «Азовское сидение»). В отличие от гоголевского «Тараса Бульбы» Кукольник пытается именно через бытовые сцены передать дух Запорожья и по-своему решает вопрос разговорной речи. Он слегка модернизирует колоритную украинскую речь и дает ее «живьем», без перевода, сопровождая лишь подстрочными примечаниями. Диалоги казаков пересыпаны типичными украинскими просторечными выражениями типа «бисов сын», «чортма», «до биса», «гарно браво» и т.п. Это делало речь действующих лиц живой, доступной для восприятия русским читателем²⁷.

Рассказ Н. Кукольника «Вольный гетман Савва» основывается на сюжете, взятом из одной галицийской песни. Именно здесь, в этом рассказе, Кукольник повторяет слова Орлая: «Украина простиралась от Кавказа до Карпата, а на юг до Балканов».

Но особенно примечательно то, что, создавая свое историческое сказание «Азовское сидение» (1855), Кукольник пытается пригласить критиков к дискуссии о судьбе Украины и украинского народа. К сожалению, никакой дискуссии не получилось, а вышла одна лишь отрицательная рецензия Н. Чернышевского, продемонстрировавшего незнание и непонимание бытовых особенностей донского казачества и его разговорной речи²⁸. Уместно заметить, что, издавая в 1918 г. «Донскую хрестоматию» для казачьих школ, атаман П. Краснов включил главу из «Азовского сидения» как пример для изучения²⁹.

Что касается самого русского языка, то Кукольнику неоднократно высказывали упреки в ненадлежащем знании русского языка. Он сам об этом писал: «У меня, право, так много врагов, что я уже и счет потерял. Беспреданно кричат противу моего слога, противу моего языка»³⁰. Недовольство языком писателя выражал А.С. Пушкин. Приведем сохранившийся ответ Кюхельбекера на одно такое замечание: «Не слишком ли ты строг к Кукольнику? [...] Язык Кукольник знает плохо, стих его слишком изнежен, главный порок его – болтовня; но все же он стоит того, чтоб, например, ты принял его в руки; в нем мог бы быть путь, дай ему больше сжатости, силы, бойкостей; мыслей и чувств у него довольно, особенно (не во гнев тебе) если сравнить его кое с кем из наших сверстников, из наших старших братьев – Гоголь?»³¹. И. Тургенев прямо обвинял Н. Кукольника в незнании русской жизни, а Ф. Булгарин напоминал ему, что он живет в России, а не в своих Карпатских горах³².

У Н. Кукольника мало произведений, где прямо описывались бы события из закарпатской истории. Можно упомянуть стихотворение «Сербская элегия» (1839), где в стихотворной форме поддерживается идея потенциального единства южных славян в целом, сербов и хорватов в частности. Еще раньше, тоже в стихотворной форме Н.Кукольник обращается к краям предков в стихотворении «К Бугу» (1836):

..... Быть может и меня
Сломает враг.... Пускай! Умру, но Бугу
Пошло прости, как царственному другу.

Ту же идею проводит он в стихотворении «Империя» (1842):

Не семь холмов, а семь морей –
Подножия святой державы!
Три части света – ложе ей,
Полмира – мера русской славы.

Показательно, что, говоря о России как «Империи», в ее состав Карпатские горы им были включены, хотя внимание на этом не акцентируется.

Попробуем разобраться, почему так мало собственно закарпатских тем в произведениях Н.Кукольника. Действия в его произведениях развиваются в землях, с которыми Россия соседствовала на западе. Интересуется он местами, откуда пошло Великое княжество Литовское и Русское, т.е. северо-западным краем (включая Белоруссию), а также Холмщиной и Подляшьем. Этот интерес возник в юношеские годы, когда он, познавая историю предков, понял, почему они вынуждены были уйти с родных земель. Он осознавал роль иезуитов в разорении предков отца и правильно оценивал попытки разных его современников пропагандировать «украинофильство» и русофобию, в том числе с помощью польских или полонофильских кругов юга и северо-запада России. История и этого края, и соседней Белоруссии очень волновала Н. Кукольника. Его роман «Альф и Альдона» (1842) и сегодня может быть настольной книгой современной Литвы, так глубоко и прочувствованно показана история края³⁴. А роман «Две сестры» (1863) дает представление о внутренней жизни северо-запада России, где основное содержание составляет призыв к толерантности³⁵.

Ряд исторических произведений Кукольника связан с именем князя Холмского. Земли Холмщины прошли сложный исторический путь. Эти древние земли Галицко-Волынского княжества со второй половины XIV в. до 1795 г. были в составе Речи Посполитой, с 1795 по

1809 г. входили в состав Австрии, позже вошли в состав России, затем, в 1918 г., недолго были в составе Украины и, наконец, опять были присоединены к Польше. Но Кукольник рассматривает действия князя Холмского в тот период, когда именно шло «собрание земель Русских». Он даже дает свое толкование отдельным действиям князя, чем вызывает неодобрение в российских элитных кругах интеллигенции того времени.

В драме «Князь Холмский» (1840) излагается эпизод, когда князь пытается изменить русскому царю. Предательство становится известным, и Иоанн III его прощает. Вот как объясняет подоплеку описанного события сам Кукольник. 8 октября 1853 года в письме к историку и писателю А.В. Висковатову Кукольник пишет: «...В горячих головах любчан, гданчан, рижан, ревельцев, новгородцев, псковитян и т.д. родилась и долго поддерживалась идея Балтийской Венеции, республики с протекторатом особого дожа и патрициев.[...]

Иоанн первый разрубил эту химеру уничтожением Новгорода, что имело, к сожалению, самые пагубные последствия для просвещения России. Вот всевозможной краткости те мотивы, которые были поводом, почему я перетолковал вину Холмского по-своему»

И далее он так объясняет действия князя Холмского, изображенные в драме: «Разве этого не могло случиться? Мысль была в самом разгаре. Эстония накануне разрушения, полководец молодой и предприимчивый, любимый войсками, которые на первых порах могли бы составить оплот и противу Москвы, и противу магистров»³⁶.

Правда, в описываемый в произведениях Кукольника период Холм уже не принадлежал князю Холмскому, но политика требовала (и Кукольник это показывает) не «загонять» Холмского в Польшу, а привлекать его к России.

История показала правоту Кукольника. В течение веков Холмщина разделяла судьбу закарпатских земель и, несмотря на все бедствия и бури, жила своей культурной и религиозной жизнью. Пребывание Холмщины в пределах Королевства Польского, которое до событий 1863 г. имело широкую автономию, содействовало как полонизации населения, так и латинизации церковного обряда. Из-за различия политически-правового характера между Россией и Австрией и мощной бюрократизации российских и австрийских систем, не дающих свободного развития каких-либо из национальных инициатив, здесь не удалось заложить фундамент национального возрождения, как это произошло в соседней Галиции³⁷.

Заканчивая рассмотрение влияние Орлая на творчество Н. Кукольника, нельзя не сказать об отношении Кукольника к «славянофильству». В отличие от Гоголя он называл его «пошлым»³⁸. И понять это

можно. «Русское славянофильство, правда, стремилось к оказанию помощи болгарам, черногорцам и сербам, к отнюдь не символическому водружению православного креста над святой Софией. Но те же славянофилы ничего не знали о своих русских славянских братьях, проживающих тут же, за междоурусско-австрийского рубежа.

Российская империя, считая Австро-Венгрию «лоскутной монархией», даже и не подумывала об оказании какой-либо помощи русскому населению, проживающему в Галицкой и Карпатской Руси³⁹.

И это подтвердили события 1848 г., когда войска Николая I прошли через территорию Карпатской Руси, так ничего не сделав для ее освобождения. Это не могло не вызвать разочарования среди карпатороссов, проживавших в России.

Кукольник считал, что славянофил – это, прежде всего, «местный патриот», который скорбит, о чем скорбеть следует, а радуется, чему радоваться надо⁴⁰. Он разделял идеи карпаторусских просветителей (Головацкий, Добрянский, Раковский и др.) и в своем творчестве проповедовал веру в единый русский язык и просвещенного монарха. Русофильское влияние он оказывал на своих племянников. Достаточно сказать, что своего племянника И.А. Пузыревского, выезжавшего в командировку в Германию, он наставлял: «Если тебе и придется чем-то гордиться в жизни, то гордись тем, что ты русский»⁴¹. Подтверждением тому, что подобное славянофильское воспитание приносило плоды, является факт, что в предисловии к книге Ф. Аристова в числе журналов по тематике славяноведения называется журнал «Славянская корреспонденция» И. Пузыревского⁴².

Кукольник помнил, что отец, «не надеясь на Венгрию, не любя Австрии... решил посвятить труды свои славянам». Однако, в ряде своих произведений последних лет он говорит и о судьбе южных соседей карпатороссов. В 1860 году на сцене Мариинского театра ставится опера композитора Дютша «Кроатка». Музыка оперы была написана на либретто Н.Кукольника⁴³. События, представленные в опере, относятся к борьбе кроатов с венграми. Несмотря на успех, сопровождавший первое представление, опера вскоре была снята с репертуара. По мнению специалистов (Н. Финдейзен), это произошло потому, что сюжет оперы, в которой описывалось восстание или борьба хорватов с венграми, не совсем гармонировал с настроением высшего общества того времени. Знакомство с цензурной историей оперы подтверждает эту гипотезу и позволяет понять истинные причины печальной судьбы произведения.

Нельзя умолчать и тот факт, что при издании собрания сочинений у Кукольника возникли неприятности с цензурой. Цензура не пропускала описания, пусть эпизодически, событий, которые хотя бы какое-

нибудь отношение имели к Венгрии⁴⁴. В замечаниях к роману «Дурочка Луиза» цензор потребовал убрать все случаи упоминания о венграх, на что Н. Кукольник заметил: «Можно исключить помаранное [...], как относящееся до Венгрии по сближению с последними происшествиями, ибо тут как будто представляются некоторые основания, хотя тут безграничная разница». И разницу он поясняет: «Гидру своеволия, фанатизма политического, преступного и губительного для всех народов, а тогда дело шло о вере». В конце концов, Н. Кукольник исключил этот роман из своего собрания сочинений, но исправлять его не стал.

В заключение скажем, что И. Орлай своей деятельностью практически первым обратил внимание русской общественности на существование, нужды и национальные стремления населения Карпатской Руси. Именно в этом он видел извечную историческую правду – стремление всех славянских народов к слиянию в могучем русле славянства. В этом же духе он и воспитывал своих учеников.

О том, как следовали заветам Орлая два его ученика – Н. Гоголь и Н. Кукольник, мы постарались кратко рассказать. Большинство других учеников тоже внесли значительный вклад в разные сферы знаний и культуры. Классиками украинской литературы считаются В. Забила и Е. Гребенка. Видным этнографом был А. Афанасьев-Чужбинский. Известным специалистом права стал Редкин, академиком Российской Академии художеств был избран А. Мокрицкий. В строительную механику внес вклад Д. Журавский. Дипломат Г. Базили описал свои поездки на Ближний Восток. Благодаря В. Тарновскому возник первый музей Шевченко на Украине. И даже «реакционер» П. Мартос был издателем первого «Кобзаря». А Я. де Бальмен делал иллюстрации к «Кобзарю», и Т. Шевченко посвятил ему свою поэму «Кавказ».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байцура Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Пряшев, 1971. С. 25. Т. Байцура указывает, что это место рождения признают большинство исследователей, хотя встречается и указание на место рождения в селении Паладь.

2. Русский биографический словарь. Обезьянов–Очкин. СПб., 1905. С. 309.

3. РГИА. Фонд 371. Оп. 1. Ед. хр. 691. Л. 34. Эти данные не соответствуют формулярному списку И. Орлая (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Ед. хр. 1828. № 96. Ч. 2. Л. 24.), где указано, что И. Орлай перевелся из Римско-императорско-королевской службы, где был профессором в Велико-Карловской гимназии (Венгрия). Данные приводятся по «Формулярному списку д.с.с. Орлая», опубликованному в сборнике «Гоголеведческие студии», Вып. 2 (13), Киев-Симферополь.

поль, 2005. С.37-50. В дальнейшем при описании получаемых Орлаем степеней и должностей цитирование, выделенное кавычками, делается по этому источнику без указания его.

4. *Виленский Ю., Звиняцковский В.* Наставник великого учителя // Медицинская газета. 1989. 31 марта. № 39.

5. Этнонимический символ «карпаторосс» впоследствии был заменен этнонимическим символом «русин», который стал доминирующим и восходит к русским летописям X-XII веков и к «Русской Правде» Ярослава. Русины – это коренное население Карпатского региона. Сегодня в 11 странах мира они признаны как отдельный этнос. Проживают ныне в Польше, Украине, Румынии, Молдавии, Словакии, Венгрии, Сербии и других странах. Более подробно по данному вопросу см.: *Дулличенко А.Л.* Карпатские русины сегодня: некоторые этнолингвистические аспекты // Славяноведение. 2005. № 1. С. 20-30, а также *Розамирина Н.* Кто мы? Интервью с С.Г. Суляком // Аргументы и факты - Молдова. 2005. № 26.

6. *Кукольник Н.В.* И.С. Орлай // Лицей князя Безбородко. 1859. С. 70-80.

7. *Орлай И.С.* История о карпатороссах // Северный вестник. Т. II. СПб., 1804. Обычно исследователи ссылаются на эту публикацию, не обращая внимание на то, что позже статья Орлая была перепечатана в книге К.С. Свинцинского «Материалы возрождения Карпатской Руси». Львов, 1905. С. 56.

8. *Юрасов М.* Новые данные о крещении предков русинов св. Мефодием или его учениками // Русин. 2005. № 2. С. 46-54.

9. *Зімоля М.І.* На відстані часу // Микола Гоголь і світова культура.-Київ-Ніжин, 1994. С. 120-124.

10. Письма митрополита Киевского Евгения Болховитинова к Анастасевичу // Русский архив. 1889. Кн. 2. С. 179-181.

11. *Байцюра Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. С. 126-129. Список изданных произведений В. Кукольника приведен тут же, с. 191-192.

12. Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820-1821). Гоголеведческие студии. Выпуск восьмой. Нежин, 2002. С. 10-12. Далее все события, относящиеся к Нежинской гимназии, датируются по этому источнику без отдельных ссылок

13. *Кукольник Н.В.* Мои воспоминания // Исторический вестник. 1891. № 7. С. 79-99.

14. *Щеголев П.Е.* Из школьных лет Н.В.Гоголя // Исторический вестник. Февраль. 1902. С. 510-512.

15. *Байцюра Т.* Иван Семенович Орлай. Жизнь и деятельность. Братислава; Пряшев. 1977. С. 141-142.

16. *Кукольник Н.В.* И.С. Орлай (Из памятной книжки) // Лицей князя Безбородко. СПб., 1859. С. 77.

17. *Михед П.* Н.В. Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородко // Михед П. Кризь призму бароко. Киев, 2002. С. 326.

18. *Халчинский И.А.* К.М. Базили // Лицей князя Безбородко. СПб., 1859. С. 5-13.

19. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. Т. 10. М., 1950. С. 79.

20. Пачовський В. Історія Закарпаття. Мюнхен, 1946. С. 137.
21. Виноградов И. «Необыкновенный наставник» И.С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Гоголевские студии. Вып. 2 (13). Киев-Симферополь, 2005. С. 14-57.
22. Цит. по: Водовозов Н.В. Славянские интересы Гоголя // Ученые записки Московского городского педагогического института им. Потемкина. Т. CVII. 1960. С. 110.
23. Плишкова А. Формовання літературного язика карпатських русинів до середини 19 стороча в дотыку великоруськості // Русин. Прешов, 2004. № 3-6. С. 3.
24. Исторический вестник. 1886. № 12. С. 479.
25. Кукольник Н.В. И.С. Орлай // Лицей князя Безбородко. С. 77.
26. Линтур П. Народные песни-баллады Закарпаття // Вопросы литературы. 1958. № 5. С. 126-151.
27. Черный И.В. Малая проза Н.В. Кукольника, Харьков, 1996 С. 28-29.
28. Чернышевский Н.Г. «Азовское сидение» Н. Кукольника (рецензия) // Современник. 1855. Т. XL. № 6. Перепечатано в ПСС, Т. II. М., 1947. С. 699-702.
29. Донская хрестоматия, Новочеркасск, 1918.
30. ОР ИРЛИ. Ф. 371. Ед. хр. 16.
31. Кюхельбекер В.К. Сочинения. Л., 1989. С. 497-498.
32. В карпатском происхождении упрекал Кукольника Булгарин (Отчет Публичной библиотеки, 1885, с.143-144). Тургенев, утверждая, что Кукольник был основоположником «ложновеличавой школы», прямо давал понять, что он «не знает родины» - России. (Тургенев И. Воспоминания о Белинском. ПСС и писем в 30 т. Т. 11. М., 1966. С. 35-37).
33. Кукольник Н.В. Мои воспоминания // Исторический вестник. 1891. № 7. С. 79-99.
34. Вердеревская Н.А. Романы Нестора Кукольника // Идеи и образы русской и зарубежной литературы. Елгава, 2004. С. 6-12.
35. Шверубович А. Братья Кукольники. Вильно, 1885. С. 8-9.
36. ОР ГРБ. Ф. 53. Картон 1843. Ед. хр. 6338. Лист 728-728 об.
37. Гаврилюк Ю. Холмская Атлантида // День. 2005. 22 сентября. № 173-174.
38. Щукинский сборник. Вып. 6. М., 1907. С. 422-423.
39. Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерк этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004. С. 86.
40. Кукольник Н. Статья без заглавия // Сын Отечества. 1858, № 1. С. 18.
41. Кукольник Н. Зеленая книжечка // Русская старина. 1908. Март. С. 687-653.
42. Аристов Ф.Ф. Карпаторусские писатели. Т. 1. М., 1916. Репринтное издание. Бриджпорт (США), 1977. С. А-25.
43. Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года). Сост. Т.К. Иванов. М., 1966. С. 171-172.
44. ОР ИРЛИ. Ф. 371. № 130. ЛЛ. 1-4.

ФРАНКО Иван Яковлевич (27.8.1856, с. Нагуевичи, ныне с. Ивано-Франково Дрогобычского района Львовской обл., – 28.5.1916, Львов). Писатель, ученый, общественный деятель, стоявший на позиции украинизма. Родился в семье сельского кузнеца, русина. Окончил гимназию в Дрогобыче. В 1875 г. поступил на философский факультет Львовского университета. Писать начал еще в гимназии; в студенческие годы широко развернулась его литературная и публицистическая деятельность. В 1878 г. вместе с М. Павликом издавал журнал «Громадський друг» («Друг общества»), дважды закрывавшийся полицией и выходивший под другими названиями [«Дзвін» («Колокол»), «Молот»]. Печатался в украинофильских [«Світ» («Свет»)], польских [«Львовский курьер» («Kurjer Lwowski»), «Друг народа» («Przyjaciel ludu»), «Труд» («Praca»)], немецких [«Время» («Die Zeit»)] и др. периодических изданиях. В 1890 г. основал вместе с Павликом и О. Терлецким в Галиции Русско-украинскую радикальную партию, объединившую крестьян и ремесленников, издавал журнал «Народ» (1890) и «Хлібороб» (1891). В 1894–1897 гг. вместе с женой Ольгой издавал журнал «Житте і слово». В 1891 г. сдал выпускные экзамены в Черновицком университете; в 1893 г. защитил докторскую диссертацию («Варлаам и Иосаф, старохристианский духовный роман и его литературная история») в Венском университете. Был избран доцентом кафедры украинской литературы и этнографии Львовского университета, но не был допущен к преподаванию. В 1906 г. Франко присвоено Харьковским университетом звание почетного доктора русской словесности. В дальнейшем Франко главное внимание уделял литературному творчеству, переводам (с русского, польского, немецкого, английского, французского, чешского, словацкого языков; перевел Г. Гейне, У. Шекспира, А. С. Пушкина и др.) и научной деятельности (труды в области истории, экономики, фольклористики, этнографии, литературоведения). Первый зрелый сборник стихов Франко «С вершин и низин» вышел в 1887 г.

Стоя на позициях умеренного украинского национализма, И. Франко с симпатией относился к деятельности русинских общественных деятелей, стоявших на общерусских позициях, не принижал их роли в просвещении народа. Он также осуждал оголтелый национализм и русофобию. В своей статье «Искренность тона и искренность убеждений» (1905 г.) он писал: «Мы все русофилы, слышите, повторяю еще раз: мы все русофилы. Мы любим великорусский народ и желаем ему всяческого добра, любим и изучаем его язык и читаем на этом языке, вероятно, не меньше, а может и больше, чем вы».

Разумеется, не все утверждения автора бесспорны. В частности, вызывает недоумение постоянное употребление этнонима «украинец» по отношению к политическим деятелям общерусской ориентации и всему населению Галиц-

и

кой Руси и Малороссии, в то время таковыми себя не считающими, а также игнорирование того факта, что русский литературный язык – не только великорусский. Это общерусский язык, вклад в создание которого внесли все ветви русского народа, в т.ч. и русины.

Однако нам не может не imponировать толерантность, которая прозвучала в материалах И. Франко, готовность объединиться со своими идейными противниками на ниве просветительской работы среди простого народа.

Статья «Формальный и реальный национализм», публикуемая ниже, была написана в 1889 г. как выступление в полемике об отношении галицких украинофилов к русской литературе. Первым в этой полемике выступил А. Кониский. Его «Лист подорожного» («Письмо проезжего») и «Особый русский язык» (статья и в оригинале была озаглавлена по-русски) были напечатаны в шестом номере журнала «Правда» за 1889 г. Конискому ответил М. Драгоманов (под псевдонимом Чудак), поместивший в восьмом — одиннадцатом номерах журнала «Зоря» за тот же год статью «В справі відносин українців до російської літератури» («К вопросу об отношении украинцев к русской литературе»). Статья Франко «Формальный и реальный национализм» касается спора между Кониским и Драгомановым, одновременно являясь ответом и на статью Г. Звездочета (поэта Трофима Зиньковского) о национальном вопросе в России (львовский журнал «Правда», 1889, № 9), и на передовую десятого номера журнала «Правда» за тот же год, посвященную национально-политическому воспитанию «украинцев» в Галичине.

Франко в своей статье подходит к решению национальных проблем с позиций революционного демократа, обличая украинских националистов из редакции «Правды», подчеркивая роль русинов, стоящих на общерусских позициях, в просвещении простого народа.

Примечания, составленные Б.А. Тургановым (*Франко Иван. Сочинения в десяти томах. Т. 10. Статьи, письма. М., 1959. С. 709-711*), существенно переработаны и дополнены С.Г. Суляком.

Статья и в оригинале была озаглавлена по-русски.

ФОРМАЛЬНЫЙ И РЕАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Впервые за многие годы в литературе нашей возник спор по принципиальному вопросу. Как понимать национализм? С легкой руки возбудил этот вопрос [львовский журнал] «Правда»¹, толкуя национализм как нечто враждебное так называемому интернационализму. Предостережения, которые эта редакция по поводу интернационализма сочла нужным сделать галицко-украинской молодежи, вызвали среди нее

справедливое возмущение, которое и проявилось в ответе «Одного из молодежи», напечатанном по-украински и украинскими буквами в краковском «Ognisko»². Одновременно и г. Чудак в «Зорі» разобрал этот вопрос и принципиально, и практически, с точки зрения Галичины и [Надднепрянской] Украины, в частности, с точки зрения украинской литературы. Вся читающая публика должна быть благодарна редакции «Зорі» за помещение этих весьма ценных статей г. Чудака, которые, помимо множества нового материала, отличаются также смелым и глубоким анализом различных важных и насущных вопросов нашего духовного и литературного развития. Тем интереснее было для нас прочитать в двух последних выпусках «Правди» несколько статей и заметок, которые прямо или косвенно поднимают дискуссию по тому же вопросу; мы думаем, что и для читателей «Зорі» нелишне будет познакомиться несколько подробнее со взглядами того журнала, который собирался стать органом, связывающим интеллигенцию украинскую с галицкой, а ту и другую вместе - с духовными интересами демократической и прогрессивной Европы.

К великому сожалению, почти с самого начала редакция «Правди» сама для себя сделала невозможным выполнение этой задачи, сосредоточив обсуждение исключительно на формально-национальном пункте, меряя все вопросы абстрактной национальной меркой. Мы далеки от того, чтобы отрицать важность национального вопроса, то есть развития народности во всех присущих ей формах (язык, обычаи, одежда и т. д.); но все же мы не хотим никогда забывать, что развитие народности - это лишь одно из проявлений развития народа, наряду с развитием экономическим, общественным, развитием просвещения и т. д. Ясное дело, оно тесно связано со всеми этими проявлениями развития; но именно потому нельзя его принимать за нечто кардинальное, наиболее важное и исключительно определяющее: развитие народности без развития живого народа, его благосостояния, просвещения, равенства общественного и прав гражданских - это либо пустая мечта, доктринерство, либо искусственное тепличное создание. Национальная литература, искусство и так далее должны быть следствием живой потребности нации и удовлетворять эту потребность. Нации, которая умирает с голода, в которой девяносто процентов людей не умеют ни читать, ни писать и не имеют де-факто никакой политической свободы, - такой нации нужны хлеб, азбука и конституция; театры, концерты, «национальными» романами и стихами очень мало ей поможешь.

К несчастью, редакция «Правди» или не видит этого, или, если видит и отмечает факты, то не делает из них простейших выводов, чтобы привести их к органической цельности. Так, например, она счита-

ет украинскую штунду «вполне логичным результатом всей суммы тех жизненных условий, к каким привело украинский народ общерусское благо» («Правда», X, 65), - то есть попросту следствием «обрусения», а не следствием развития религиозной мысли, которое началось еще в XVI и XVII веках и было только приостановлено обрусением и царской централизацией, - а также развития социальных условий, которое с обрусением не имеет ничего общего. Далее, редакция «Правды» хотя и приводит немало фактов экономической нищеты и разорения украинского народа, однако почему-то ни разу не приходит к позитивной мысли, как устранить эту нищету и это разорение, и не приходит именно потому, что все эти факты, чисто экономические, то и дело и вовсе не кстати приправляет национальным соусом. Наконец и в самом национальном вопросе редакция «Правды», хотя и видит ясно, что основная беда украинского дела в России заключается теперь в отсутствии политической свободы, но все же, разразившись громкими и довольно фразистыми обвинениями по адресу деспотизма, она ни разу не поставила вопроса о том, что надо делать украинцам, чтобы повалить этот деспотизм и добыть политическую свободу. Наоборот, то и дело повторяя, что украинцам в России теперь ничего делать нельзя, что там не только правительство, а и вся (или чуть ли не вся) интеллигенция и «раса» великорусская стремятся уничтожить украинскую народность, редакция «Правды» словно бы старается доказать, что украинцы за политическую свободу бороться не думают и что даже достижение политической свободы Украине ничем не поможет, ибо укрепит силу ее завзятых врагов, прожорливых москалей. А в таком случае мы видим для русской Украины только два выхода: либо погибать, не обращая внимания на все и всякие вопли о полной самостоятельности, либо ждать какого-нибудь чуда, какой-то европейской катастрофы, которая оторвала бы Украину от России и сделала бы из нее нечто похожее на теперешнюю Болгарию. В обоих случаях программа «Правды» сводится к азиатскому, фаталистическому слову «ждать». Для органа, который намерен быть посредником между Украиной, Галичиной и Европой, это довольно странно выглядит.

Не менее интересен и следующий факт. В самых принципиальных статьях «Правды», как, например, в статье «Национальный вопрос в России» и в ответе «Зорі» на статьи г. Чудака, мы не видим того, что называется историческим и сравнительно-историческим фундаментом. Обычно указывается то или иное явление, дается этому явлению то или иное наименование, упоминается порою и о том, что такое явление существует уже годы или столетия, но никогда даже не ставится вопрос: какова причина этого явления? Откуда оно взялось и чем поддерживается? Существуют ли такие или сходные явления в других

краях, и как они там проявляются? Между тем, вопросы эти очень важны, едва ли не наиболее важны для настоящего понимания данного явления! Возьмем примеры. В статье «Национальный вопрос в России» говорится, что Россия - неизвестно, одно ли правительство, или все русское общество - угнетает с давних пор и продолжает угнетать Украину, не дает развиваться ее национальной жизни. По правде говоря, нового в этой статье не сказано ничего; нов здесь разве один только метод писать статью о национальном вопросе в России - почти по одному лишь Каткову. В самом деле, три четверти этой статьи составляют пространные выписки из катковских статей, которые печатались в «Московских ведомостях», «Современных известиях», «Русском вестнике» 1863-1866 годов. Кого думал автор поучать этими выписками о вещах, молотых и перемолотых и в России, и у нас, - трудно понять. Но что выписками этими он затемнил дело, давая повод предполагать, в одном случае, что это были взгляды правительства, а в другом - что так думало все русское общество, - это совсем нехорошо. Нехорошо и то, что, приписывая такие взгляды правительству ли, или русскому обществу, он не спросил себя: а какова была причина этих взглядов? Откуда у Каткова и его товарищей возникла эта идея «государственности», и что в этой идее такого, что придавало ей весу? Ведь надо же признать, что каков бы ни был Катков, все же он глупым невеждой не был, а в молодости прошел либеральную школу вместе с Герценом, Белинским и прочими. Даже если предположить, что идею «государственности» он подхватил и развивал ради личной карьеры (это не совсем верно, ибо идея эта была краеугольным камнем гегельянской философии, которою Катков проникся в молодости в кружке Станкевича), то все же хотя бы у людей, которые прислушивались к его словам и признавали их правильными и следовали за ними, надо признать какие-то убеждения, нечто большее, чем страх за свою шкуру и чем желание карьеры. И дальше: думает ли автор, что один только Катков и есть во всем свете, что одно только русское общество болеет идеей «государственности», то есть государственной цивилизации и нивеляции? Разве он не видит, что творится сейчас в конституционной Германии? Разве он не знает, как поступает Бисмарк с поляками и эльзасцами? Разве он не слышал никогда, что немецкий философ Гартман (тот самый, который выдумал «Киевское княжество»)³ выдумал также слово «ausrotten»⁴ как суть обращения германского правительства с поляками? Не могу допустить, чтобы автор не знал этого, -ведь он и «Revue Contemporaine» в оригинале цитирует, значит, все-таки знает кое-что о Европе. А если знает, то почему не упоминает об этих фактах, столь необходимых для оценки российской катковщины? Вот то-то и есть, что и Бисмарк, и его Гартман, уничтожая поляков в По-

знани, разоряя Эльзас только для того, чтобы искоренить французский элемент и симпатию к Франции, делают это исключительно во имя излюбленного редакцией «Правды» национализма, во имя «чистоты расы» и «однородности национального государства», то есть во имя таких вещей, о которых редакция «Правды» вздыхает, как о высших идеалах человеческой цивилизации и политического прогресса. Не мешает обратить внимание на статейку «О национально-политическом воспитании», где редакция с той же меркой исключительного национализма подходит к делам галицко-буковинским. Скелет аргументации этой статейки совершенно догматичен. «У каждого народа были и имеются свои ренегаты, свои предатели, свой, так сказать, мусор, мусор».

Есть такой мусор и в галицко-украинском обществе, и таким, ясное дело, являются так называемые «общероссы». Это - «результат патологического состояния и национального украинского общества, и правительственных сфер», - значит, к дезинфекции и оздоровлению редакция «Правды» призывает и общество, и правительственные сферы.

Общество должно «вооружаться просвещением, свободным словом, смелой мыслью и солидарностью», а правительство не должно благоприятствовать росту того, что мы называем «нашим украинским мусором», потому что «ни от кого другого, как от правительства, зависит обеспечить школу теми или иными преподавателями, теми или иными учебниками». Мы не знаем, будут ли благодарны галицкие власти редакции «Правды» за ее мудрый совет, но нам кажется, что совет этот не столь уже и мудр, а к тому же не совсем чист. Редакция «Правды» не совсем верно думает, что «ни от кого другого, как от правительства, зависит обеспечить школу теми или иными преподавателями». Может быть, в России и так, а у нас не совсем так. У нас есть положение, которого власти обязаны придерживаться при обсуждении преподавательского состава, и если из двух претендентов на какое-нибудь место учитель-«объединитель» окажется более квалифицированным и более заслуженным, чем учитель-«украинофил» (в конечном счете, при обсуждении кандидатур власти даже не имеют права спрашивать кандидатов об их политических взглядах), то власти без нарушения закона и справедливости не смогут дать это место украинофилу, а должны будут дать его объединителю. Советуя правительству поступать наоборот, редакция «Правды» в своем великом либерализме толкает его на путь протекции, nepoтизма⁵ и несправедливости, и все это во имя единого, нерушимого принципа национализма! И напрасно редакция предостерегает против «такой дезинфекции, какая была осуществлена процессами А. Добрянского⁶ и компании», - ибо, призвав однажды власти вмешиваться в наши партийные отношения, судить, что у нас

является «мусором», а что - чистым зерном, протезировать одних и не давать хода другим, - редакция создает такой прецедент, после которого дезинфекция вроде процессов Добрянского - всего лишь простой логический вывод.

Да и самые эти клички: «мусор», «ренегаты», «запроданцы»! Как легко ими бросаться, как трудно прийти с ними к какому-нибудь толку! Уже одно то, что в Галичине обе «партии» украинские яростно швыряют друг в друга этими прозвищами, должно было бы заставить редакцию «Правды» быть осторожнее. Ведь что означает слово «ренегат»? Оно означает человека, который отрицает, отбрасывает то, что до него считалось как *positum*, как нечто нерушимое. В этом случае Шашкевич⁷, отбрасывая нерушимую до его времени церковшину и этимологию, с полным правом мог быть назван ренегатом, и каждое направление, которое свои принципы считает за *positum*, за вещь, обязательную для всех, точно так же вправе назвать ренегатами всех тех, кто не придерживается его принципов. Значит, ценность этого названия чисто субъективная: я прилагаю к другому свою личную мерку, и, если он под нее не подходит, - значит, он и ренегат. А то, что кое-кто из наших «ренегатов», из этого нашего «мусора» (например, Наумович, Дидыцкий⁸ и другие) сделали для развития галицко-украинского общества и простого народа в десять раз больше, чем сотни и тысячи самых лучших неренегатских ортодоксов, вместе взятых, это редакции «Правды» не касается, ибо это не подходит под мерку исключительно национальную. И снова нам приходится повторить здесь то, что мы сказали выше. Редакция «Правды» смело возглашает: ренегаты, мусор, запроданцы, - и даже не подумает о том, чтобы спросить себя: а откуда они взялись? Что их породило? И что их держит на свете? Правда, редакция «Правды» склоняется к признанию, что, кроме «запроданства», то есть рублей, есть тут нечто иное, есть «соответствующая почва», есть «атмосфера, которая способствует росту бурьяна». Какая это почва, какая атмосфера - редакция не объясняет, хотя это, вероятно, и должно было быть первым ее делом, если она хочет давать рецепты оздоровления. Что почва такая действительно есть, и не среди одной только интеллигенции, а и в простом народе, и не только в темном и неграмотном, а и в грамотном, на это мы приведем редакции «Правды» следующий факт - пусть разжевывает. Было время, когда «Наука»⁹ Наумовича имела около трех тысяч подписчиков, число, которого никогда не достигала ни одна «украинофильская» газета. «Наука» существует и поныне, народ ее читает с удовольствием, несмотря на процессы, эмиграцию Наумовича, церковные запреты и т. д. «Правда русская» Гр. Купчанко¹⁰ расходится в народе также в весьма большом числе; мы знаем факты, что даже в селах, по нашим услови-

ям, наиболее просвещенных, мужики подписываются на нее тайком, боясь священника-народовца и церковного запрета, и хотя имеют читальню, но газету Купчанко читают частным образом у себя дома и прячут ее, точно невесть какое сокровище, - и это те же мужики, которые устраивают торжественные вечера в память Шевченко и Шашкевича. И не забудем, что среди интеллигентных галицко-украинских «запроданцев» находятся люди (может быть, их больше даже, чем среди правоверных народовцев), которые ради мужика или по вопросу о языке и письменности украинской в десять раз смелее выступят, в десять раз скорее заявят протест властям и всяким «сильным мира сего», чем многие народовцы. Не забудем, что между этими «запроданцами» находились и находятся люди, которые весь век живут в самых скромных условиях, в тесноте и нужде, служа делу, которое им кажется справедливым, и которые не поколеблются наложить на себя руку, если увидят, что дело, в котором они видели силу и честь народа, приходит в упадок (Балух). Когда я слышу, что к таким людям прилагают слово «запроданцы», мне всякий раз вспоминаются бывлые ведьмы и колдуньи, которых всяческие ортодоксы сжигали на кострах за то, что они «продались черту», хотя эти несчастные «запроданцы» жили обычно в самой великой нищете и никакой корысти от этого запроданства не имели.

С такой же точно формально-национальной меркой редакция «Правди» подходит к вопросу об отношении галичан к русской литературе. «По совести говоря, мы хорошо не понимаем, что в этом деле неясного и что надо выяснить? Отношение галицко-украинской (но не «общерусской») интеллигенции к русской литературе и к великорусскому или русскому народу должно быть в точности таким же, как и ко всякой другой литературе, будь то французская или шведская, как и к любому из соседних народов: кто хочет и имеет на это возможность, пусть читает, пусть изучает какую угодно литературу». И, высказав эту непоколебимую догму, редакция «Правди» полагает, должно быть, что высказала небывало мудрую фразу, хотя в самом начале этой мудрой фразы сама поставила фатальные слова: «Мы хорошо не понимаем». А если не понимаете, так зачем же догмы устанавливаете и другим в них верить приказываете? И зачем, не понимая хорошо дела, подаете перед всей Украиной донос на общество имени Шевченка, что вот, мол, оно в своем органе устами г. Чудака пропагандирует «общерусскость»? Хорошо ли это? К лицу ли это украинско-европейскому органу?

А что это действительно так, что редакция «Правди» не понимает и не хочет понять того, по поводу чего взялась отвечать «Зорі», это видно уже из вышеприведенных слов ее доктринерской и пустой догмы.

Г-н Чудака в «Зорі» привел множество фактов, чтобы доказать, что литература русская для галицких украинцев имеет совсем иное, особое значение, нежели все прочие литературы европейские; отвечая «Зорі», редакция «Правди» должна была бы прежде всего остановиться на этом пункте, разобрать и взвесить факты. Но нет, редакция «Правди» вместо этого провозглашает свою догму и думает, что ею она сразу покрыла все аргументы г. Чудака. Но для нас, галицких украинцев, которые на самих себе убедились, какое безмерно различное влияние имели на нас произведения Ауэрбаха, Шпильгагена, Дюма, Диккенса и прочих европейцев, - и произведения Тургенева, Толстого, Щедрина, Успенского, Решетникова, Некрасова и других, - для нас эта догма редакции «Правди» только набор пустых слов, и больше ничего. А если редакция «Правди» не понимает хорошо, почему это так, то мы ей скажем. Если произведения литератур европейских нам нравились, волновали наш эстетический вкус и нашу фантазию, то произведения русских мучили нас, пробуждали нашу совесть, пробуждали в нас человека, пробуждали любовь к бедным и обиженным. Вот именно это, а не пропаганду общерусскости имели целью прежние статьи г. Украинца в «Правди» - это доказывает и статья г. Чудака в «Зорі».

Конечно, статьи эти, кроме общечеловеческой, демократической стороны, имеют еще и политическую сторону, и ред[акция] «Правди» снова отгородилась от нее догмой: отношение галичан к русскому народу должно быть таким же, как и ко всякому другому народу. Если бы это сказал ученик, который в первый раз узнал, что дважды два - четыре, и в великой радости прилагает эту аксиому всюду, где нужно и где не нужно, мы бы не удивлялись. Удивительно нам, и что это говорит редакция органа политического, которой должны быть известны факты и обстоятельства, а в числе их и такие, что большая часть украинцев живет в России, непосредственно связана с народом русским, что этот народ русский создал великое государство, на которое так или иначе обращены взоры всего славянства, что это государство охватывает с двух сторон и Галицкую Украину, что этот русский народ создал духовную, литературную и научную жизнь, которая также тысячами путей непрестанно влияет и на Украину, и на нас. Зачем далеко ходить! Возьмем пример Венгрии, и пусть редакция «Правди» скажет по совести: разве закарпатские украинцы меньше ориентируются на мадьяр, чем на Россию? А все-таки, пока закарпатские украинцы обращали свои взоры на Россию, у них проявлялась хоть какая-то народная жизнь, были хоть какие-то писатели, газеты, начиналось и движение народное, пробуждалось и «народовство» среди молодежи. А теперь, когда связи с Россией оборвались, когда взоры закарпатской интеллигенции обратились к Пешту, - что там осталось?

Пора нам кончать эту заметку. С сожалением мы должны сказать: совсем не того мы ждали от «Правды», совсем не на это надеялись в то время, когда она основывалась и когда и сами мы готовы были помогать ее росту. И если бы мы должны были считать «Правду», какова она теперь, мерой того, чем стала украинская интеллигенция и к чему пришла ее политическая и общественная мысль, нам осталось бы только руки ломать с горя. К счастью, это не так, и в самой «Правды» некоторые статьи (например, очень интересная во многих отношениях статья «Славянским гостям») показывают, что там не перевелись еще люди, у которых слово украинское служит не только для того, чтобы молотить ни к селу ни к городу все, что только на язык придет,— про Сербию, про Занзибар, про шведскую конституцию, про штунду, про швейцарские альменды¹¹ и про колонизацию украинцев в Галиции,— но служит для выражения серьезных и глубоко продуманных взглядов. Нам остается только пожелать, чтобы такие серьезные люди взяли в редакции «Правды» верх над теми, кто, по слову старика Софокла, «должно быть, ветряными мельницами родились - вот и мелют».

Источник: Франко Иван. Сочинения в десяти томах. Т. 10. Статьи, письма. М., 1959. С. 233-243.

ПОЯСНЕНИЯ

1. «Правда» - литературный и литературно-политический ежемесячник галицких украинофилов-«народовцев». Издавался во Львове в 1867-1870, 1872-1880, 1884-1898 гг. В 60-х г. держался сравнительно прогрессивных позиций, с 70-х годов стал органом украинского национализма. Статья Франко по существу посвящена разоблачению этой позиции.

2. «Ognisko» («Огниско» - костер) - польский социалистический журнал. Выходил в Кракове в 1889 г.

3. Гартман Эдуард (1842-1906) - немецкий философ-идеалист, по поручению Бисмарка разработал и опубликовал в 1888 г. проект «самостоятельного» Киевского королевства.

4. Искоренить (немецкое).

5. Раздача выгодных должностей, званий и т.п. по протекции родственникам, близким людям (от латинского *perotulus*),

6. Имеется в виду процесс против видного деятеля русинского Возрождения в Австро-Венгрии **Адольфа Ивановича ДОБРЯНСКОГО** (1817-1901), его дочери **Ольги ГРАБАРЬ** и других русским патриотов. Они были арестованы во Львове в январе 1882 г. и посажены в тюрьму, где просидели полгода. В апреле им был предъявлен обвинительный акт, содержащий нелепые обвинения в государственной измене и требующий предания их смертной казни. Это была месть за пропаганду русскости, православия и попытку сплочения

русских галичан. В июле присяжные вынесли А.И. Добрянскому и шести другим подсудимым (всего их было 11 человек) оправдательный приговор. Когда Добрянский вышел из зала суда, его встречала криками «ура» тысячная толпа, галицкая молодежь подхватила его на руки.

7. **ШАШКЕВИЧ Маркиан Семенович** (1811-1843). Родился в с. Подлысье Золочевского уезда. Учился в Золочеве, Бережанах и Львове. Как студент богословского факультета отличался живым темпераментом, скоро подружился с Я.Ф. Головацким и И.Н. Вагилевичем. В 1837 г. окончил университет и исполнял должность душпастьера в Гумнисках, Нестаничах и Новоселках, которые входили в состав Каменка-Бугского уезда. Умер на 32-м году жизни. Из Новоселок его останки были перевезены на Лычаковское кладбище во Львове. На могиле отлит прекрасный памятник.

Литературное наследие Маркиана Шашкевича заключается в лирических стихотворениях: «Вестіка», «Підлисе», «Лиха доля», «Розпука», «Згадка», «Нещастний», «Болеслав Кривоустий під Галичем», «Бандурист». Удачно передавал своими словами в форме парафраза псалмы Давида. В одной из них подчеркнул: «Вирвеш мі очі і душу ми вирвеш, а не возьмеш милості і віри не возьмеш, бо серце мі руске тай віра руска».

Новелла «Олена» приурочена к периоду карпатских опришков, мстителей барщинным угнетателям галицкого населения.

Следует отметить, что Шашкевич, как и остальные члены кружка «Русская триада» (Головацкий и Вагилевич), свой русинский язык и литературу, а равно и свой народ называл русским, себя называл русин, русский и свою страну Галичиной, Галицкой Русью. В произведениях Шашкевича нет выражений «украинец», «украинский», а только «русин», «русский», «русский». Его национальное кредо:

Руска мати нас родила,
 Руска мати нас повила,
 Руска мати нас любила -
 Чому ж мова ей не мила?
 Чом ся нев стыдати маем,
 Чом чужую полюбляем?
 Чом чужую полюбляем?

8. **НАУМОВИЧ Иоанн Григорьевич** (1826 -1891). Сын учителя начального училища. Родился в Козлове Каменка-Бугского уезда. Учился в Буске у отца. Гимназию и университет окончил во Львове. В молодости увлекался идеей польских повстанцев и старался привлекать русских крестьян в ряды польского легиона. И те же крестьяне выбили из его головы затею польской шляхты. На одной из встреч ему сказали: «Кажется, вы - русская детина. Вам приличнее держать с родным народом, чем служить его врагам».

С тех пор Иоанн Наумович, рукоположенный в священники, просвещал народ, утверждал его в заветах и вере отцом и дедов в Городке, Ляшках, Коростне, Стрельче и Скалате. Права его защищал как депутат Галицкого сейма и Австрийского парламента.

Иоанн Григорьевич - один из самых талантливых и плодовитых галицких писателей. В его поэзии заметно влияние народной словесности и богослов-

кой традиции: «Бандурист», «Песнь о Руси», «Ласточка-щеглушка», «Еврейские мелодии» отличаются душевной простотой и неподдельной красотой.

У него много повестей, рассказов, новелл из жизни простонародья: «Заветные тополи», «Онуфрий-чаровник», «Сироты», «Повесть о 12 разбойниках», «Луцк Заливайко», «Село Тындырынды», «Горшкодрай», «Псалтырник», «Ксенька Ковалиха» отличаются глубокими нравственными, патриотическими, философскими и художественными достоинствами и жизненной истиной.

В сатире-комедии «Знемченый Юрко» вывел Наумович деревенского парня, который коверкает родной язык немецкими словами, чем вызывает комичность и насмешки своих односельчан. Пьеса ставилась многократно на сценах любительских театров.

Иоанн Наумович - насквозь народный писатель. В своих произведениях он беседовал с крестьянами простым, понятным языком. Как выразитель идеологических стремлений галицко-русского народа он видел его спасение от гибели в польской неволе в единстве со всем русским этносом. В 1866 г. он заявил в семье: «Панове, вам не уничтожить Руси, она была, есть и будет! Все её племена составляют один могучий русский народ».

Иоанн Наумович - гражданин и патриот чистойшей воды. Веру, родину и народ он ставил выше всего. Он считал, что вера в освещении православной церкви является источником всех достижений, побед и величия русского народа в татарские нашествия, в польское лихолетие и нападения шведов, французов и немцев на Русь.

Служба родному народу была целью жизни Иоанна Наумовича. Ему в жертву он принес все свое достояние. Для него он основал культурно-просветительное общество, в углах которого поставил кличи: «Молись, учись, трудись, трезвьись!»

Талантливый популяризатор, о. Наумович стал издавать в Коломии первую политическую газету для народа «Русская Рада», затем журнал «Наука» (издания, расхोдившиеся в 1000 -1500 экземплярах), писал отдельные книжки; в своих изданиях он первый провел мысль об устройстве по селам читален, ссудосберегательных касс, братств трезвости, общественных магазинов, учил рациональному ведению хозяйства, устройству пасек и т. д.

В 1882 г. он был арестован и судим за государственную измену. Папа отлучил его от римской церкви.

Вышедши из тюрьмы, о. Иоанн Наумович, лишенный сана и прихода, присоединился к православию и переселился в Киев. Скончался великий сын Галицкой Руси внезапно в Новороссийске, был похоронен в Киеве на Аскольдовой могиле.

ДЕДИЦКИЙ Богдан Андреевич (1827 -1909). Первый профессионал-журналист Галицкой Руси. Родился в Угневе Рава-Русского уезда. Учился в Перемышле и Львове, а филологический факультет закончил в Вене. Русское сознание проснулось в нем после разговора со священником русского отряда, проходившего в 1849 г. за Карпаты в Венгрию. Под влиянием этого разговора он написал брошюрку, в которой поясняет, что русин может научиться читать по-русски за один час.

При помощи галицко-русского общественного деятеля М. Качковского в 1861 г. Богдан Дедицкий возглавил редакцию первой независимой галицко-русской газеты «Слово». В то же время он издал большой сборник «Галицкая Зоря-альбом», где печатались лучшие представители галицко-русской литературы того времени.

Острой критике подверг Богдан Дедицкий попытку галицкого наместника гр. Агенора Голуховского набросить Галицкой Руси латинский алфавит: «О неудобности латинской азбуки в письменности русской» (1859). Годом раньше вышли его «Народная история Руси». Как поэт Богдан Дедицкий подарил Галицкой Руси «Песни русского Кобзаря» (1853) и две поэмы - «Конюший» (1853) и «Буйтур Всеволод, князь Курский» (1860). Повесть «О. Игнатий» бросает свет на жизнь-бытьё галицкой интеллигенции.

КАЧКОВСКИЙ Михаил (1802-1872). Сын сельского священника, изучал право в Львове, был судьёю, путешествовал по России. Проникнутый горячей любовью к своему народу, Михаил Качковский во всем себе отказывал и, будучи холостяком, копил из своего небольшого жалованья средства на народное дело. В 1861 г. он основал во Львове «Слово», первую независимую большую политическую русскую газету в Галиции, которая служила органом старорусской партии и просуществовала до 1887 г.; редактором ее он избрал Б.А. Дедицкого, который благодаря поддержке Качковского имел возможность сделаться первым в Галиции русским литератором по профессии. Все свои средства, около 60000 руб., К. завещал на народные цели. На эти средства и в память о заслугах Качковского в 1874 г. по инициативе И. Наумовича в Галицкой Руси было основано «Общество имени М. Качковского». Своей задачей общество ставило поднятие умственного и экономического уровня русин и утверждение народа в любви к прадедовским церковным обрядам путем распространения общепользных знаний, издания народных книжек, устройства по городам и селам бесплатных народных читален, учреждения обществ трезвости, приютов и бурс для беднейших русских учеников, общественных хлебных складов, ссудных и сберегательных касс, экономических выставок и народных чтений. Общество имело свои отделения (филии) по всей Восточной Галиции. Почти все читальни, возникшие между 1871-1878 гг., обязаны своим существованием деятельности Наумовича. Вообще, из 161 читальни, основанной по селам за 1871-1878 гг., только шесть было устроено украинскими националистами-«народовцами». «Просвита» почти не имела членов крестьян (до 1873 г. - только 2), тогда как в «Обществе им. Качковского» в 1875, 1876, 1877 гг. было 645, 4791, 6123 члена соответственно, преимущественно крестьяне. На могиле Михаила Качковского в Кронштадте членами Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества был поставлен памятник.

9. «Наука» - журнал галицких русинов. Издатель и редактор Иван Наумович. Выходил с 1871 по 1883 г. в Коломые, затем во Львове; с 1886 по 1901 г. - в Вене, в 1902 г. - в Черновцах, с 1906 по 1914 г. - снова во Львове.

10. **КУПЧАНКО Григорий Иванович** (1849-1902) – русский этнограф, издатель, журналист, общественно-политический деятель. Родился в с. Бергомет в австрийской части Буковины (теперь Кицманский район Черновиц-

кой обл. Украины). Постоянно подвергался преследованиям со стороны австрийских властей и нападкам украинофилов за свои убеждения. Отдельные номера его изданий конфисковывались или не пропускались цензурой, издания запрещались. Издатель вынужден был постоянно менять названия своих изданий, например, его издания носили последовательно названия: «Червоная Русь», «Галицкая Русь», «Галичанин».

Его «Русская Правда», издаваемая с 1888 г., иллюстрированная «газета для русских мужиков», выходила в Вене тиражом более 3 тыс. экз. на галицко-русском наречии. Ее подписчиками были русские крестьяне Галичины, Буковины и Угорской Руси.

Купчанко выпустил ряд трудов по этнографии русского (русинского) населения Галичины, Угорской Руси и Буковины, в том числе: «Некоторые историко-географические сведения о Буковине» (Записки юго-западного отделения Географического общества, 1874 г., т. 2, с. 289-369), «Песни буковинского народа» (Записки юго-западного отделения Географического общества, 1875 г., т. 2, с. 371-600), «Буковина и ее русские жители» (Вена, 1895 г.), «Галичина и ее русские жители» (Вена, 1896 г.), «Угорская Русь и ее русские жители» (Вена, 1897 г.).

О себе писал: «Я родился 27 июля 1849 г. отъ русскихъ православныхъ родителей изъ крестьянскаго сословія въ русскомъ православномъ селе Берегомети на Пруте Коцманскаго уезда, въ Северной Буковине».

11. Швейцарские альменды - в Швейцарии право членов общины пользоваться общинными угодьями и доходами.

12. Иван Франко закончил статью следующим примечанием:

«Яркий пример непонимания этих элементарных вещей увидели мы в воззвании кружка украинской студенческой молодежи по поводу первой артистической поездки или скорее устройства ряда концертов в провинции для усиления фонда на постройку украинского театра во Львове. Вознося это дело, - по правде говоря, дело доброе и полезное, но не такое уж трудное или важное, - на высоту тяжкого патриотического подвига, молодые охотники до концертов не просят, а призывают всех интеллигентных украинцев в провинции создавать комитеты для устройства концертов, призывают даже простой люд поспешить с помощью; и это в то время, когда украинские газеты переполнены известиями о неурожае, угрозе голода, о падеже скота, о стоящем принудительном взыскании податей. Этот факт лучше всего показывает, до какой наивной иронии может довести искренних и пылких людей чисто формальный патриотизм, не обращающий внимания на нужды, жизнь и интересы живого народа. Нам страшно даже подумать, с каким чувством прочитали это воззвание наши селяне, среди которых царит уже сейчас панический ужас перед голодом и разорением, и что они подумают о патриотизме авторов этого воззвания».

Андрей САХАРОВ,
директор Института
российской истории РАН,
член-корр. Российской академии наук

РЮРИК И СУДЬБЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1140 лет назад, в 862 г., согласно "Повести временных лет", прильменские славяне, местные угро-финские племена пригласили на княжение варягов Рюрика и его братьев, которые и прибыли в земли восточных славян "с роды своими".

К этому шагу местные племенные конфедерации побудила нескончаемая междоусобица ("вста родь на родь"), возникшая после того, как они прогнали варягов за море и перестали им платить дань. Послы из восточнославянских земель, согласно летописи, заявили варягам: "Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет. Да поидите княжить и володети нами". Текст предельно ясен: для прекращения раздоров, междоусобиц соперничавшие политические структуры приглашали нейтрального правителя, который бы установил "наряд", то есть власть (а не порядок, как почему-то трактуют это понятие), и судил бы по справедливости. Летописец не только рассказал о факте "призвания варягов", которое сегодня историческая наука признает соответствующим политическим реалиям того времени, но и точно определил, кто такие были варяги Рюрика, откуда они явились, в каком отношении к восточным славянам они находились. Он отмечает, что варяги живут "за морем", что они зовутся "русь", причем летописец - осведомленный и внимательный автор - подчеркивает их этническое отличие от шведов, норманнов, англов, готландцев.

Рюрик выполнил предначертанную ему историческую миссию. Он стал княжить в Новгороде, его братья - в других городах, варяги положили конец междоусобицам, объединили страну. Позднее, после смерти братьев, Рюрик объединил под своей властью все северо-западные восточнославянские земли, создал здесь сильное государство, повел наступление на юг. Его преемники подчинили себе другие восточнославянские земли, в том числе Поднепровье с центром в Киеве. На европейской арене появилось мощное восточнославянское государство Русь, охватившее огромную территорию. Оно сыграло выдающуюся роль в становлении российской цивилизации, в развитии российской

государственности, в формировании средневековых социальных, экономических, культурных, религиозных, этнических процессов на Восточно-европейской равнине. Государство Русь послужило основой для последующего развития русской, украинской и белорусской наций, формирования их государственных начал. Рюриковичи стояли во главе всех этих процессов. Они же уже в новых исторических условиях стали символами политического распада Руси, безудержной амбициозной и эгоистической борьбы за первенство в русских землях, они же позднее жертвенно прошли через пламя татаро-монгольского нашествия, насилия и позор татаро-монгольского ига, через отчаянную борьбу с агрессивными западными соседями за выживание российской самобытности и российской национальной государственности в XIII-XV вв. Именно Рюриковичи приступили на северо-востоке славянских земель с центрами во Владимире, Твери и Москве к собиранию хранины развалившегося было российского государственного устройства, чтобы вывести его через муки и тернии к мощи Русского централизованного государства.

Поэтому с такой чуткой внимательностью историки относятся ко всему, что связано с пониманием факта "призвания варягов" и трактовки этого события в масштабах всей российской истории.

Еще в начале XVII в. в агрессивных экспансионистских кругах Швеции, борющейся за отторжение у России ее северо-западных земель с Новгородом, Рюрик и варяги были объявлены скандинавами, шведами, привнесшими государственность в дикие восточнославянские земли. Так стала формироваться "норманская теория" возникновения Русского государства. Позднее эту теорию оживили и придали ей законченный характер немецкие историки XVIII в. С тех пор "норманизм", питаемый в основном политическими импульсами и амбициями из-за рубежа, прочно свил себе гнездо и на русской почве.

Однако уже в давние времена российские ученые, а позднее и объективные исследователи на Западе стремились перевести разного рода политические спекуляции на этот счет в научную плоскость. Уместно здесь вспомнить имена В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, С.А. Геденова, советских академиков Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомирова, выдающегося польского русиста Х. Ловьянского и многих других. Именно их усилиями одна из составных частей норманизма - утверждение о том, что "призвание варягов" означало начало российской государственности, привнесенное на восточнославянские земли извне, была полностью опровергнута, и сегодня лишь дилетанты возвращаются к этим мыслям.

В последние десятилетия отечественными и зарубежными историками, археологами, лингвистами было неопровержимо доказано, что

российская государственность проделала многовековой путь развития. Ее истоки зарождались по мере эволюции восточнославянского общества, перехода от родоплеменных отношений к началам раннефеодального развития, складывания института частной собственности, появления социального неравенства, зарождения военной организации, перерастания власти племенных вождей в княжескую власть.

К IX в. относится несколько исторически четких упоминаний о наличии на Руси государственных образований. Это нападение русских войск на Византию в начале IX в., посольство Руси в Византию и Франкское государство в 838 - 839 гг. Однако наиболее впечатляющим фактом русской, восточнославянской государственности стало нападение войска руссов-славян 18 июня 860 г. на столицу Византии, заключение договора "мира и любви" между Византией и Русью 25 июня 860 г., официальное признание тем самым Руси могучей Византийской империей. День 25 июня 860 г. может стать официальной датой исторического возникновения российской государственности. Это было за два года до "призвания варягов".

Власть Рюрика, его братьев и их "родов" наложилась на уже существующие государственные тенденции и традиции восточнославянских земель.

Но продолжала существовать другая часть норманистской версии - теория о том, что варяги - это скандинавы, что Рюрик - это выходец из германских либо шведских земель. По своей сути эта сторона норманизма мало чем отличается от своей второй ипостаси. Государство Русь объявляется конгломератом скандинавских конунгов. Приоритеты на этом этапе российской истории искусственно подгоняются под иностранные модели, славянский мир оказывается разорванным, что противоречит исторической правде.

В последние двадцать с лишним лет эта сторона норманизма яростно и агрессивно отстаивается в основном небольшой группой филологов, работавших долгие годы со шведскими, норвежскими, немецкими, исландскими, восточными источниками и сделавших эти источники по существу наиболее важными свидетельствами по истории древних славян. Построившие на этой туманной и шаткой, в основном филологической, порой глубоко тенденциозной основе свои исторические конструкции, эти "специалисты" стремятся монополизировать историю древней Руси, всячески дискредитировать своих научных оппонентов. Слабо разбирающиеся в русских источниках, в первую очередь в летописных текстах, не знающие древнерусского языка, замалчивающие работы, в которых утверждается славянское происхождение Рюрика и его соратников, они требуют вывести антинорманизм вообще за рамки науки, приклеивают своим оппонентам, всем, кто

покушается на эту монополию, ярлыки псевдопатриотов, шовинистов и даже сталинистов. Определенную поддержку новейшие норманисты имеют среди некоторых ученых Запада и, в первую очередь, в научных кругах Скандинавских стран.

Российские и зарубежные ученые многократно отмечали широкое доминирование славянского этнического элемента на обширных пространствах Восточной Европы от южного берега Балтики до Подунавья, Карпат и Балканского полуострова. На этих пространствах сравнительно рано, намного раньше, чем в Скандинавии, возникли первые государственные образования. Среди них важную цивилизационную роль играли государственные конгломераты, созданные южнобалтийскими поморскими славянами - лютичами, ободритами, ругянами, ваграми, ранами, которые имели сложившуюся государственную, княжескую власть, дружинный строй, высокоразвитое для того времени хозяйство, стройные религиозные представления. Эти княжества-государства поморских славян существовали не одно столетие, пока они не подверглись в конце I тысячелетия и в начале II мощному натиску со стороны немецких завоевателей. Повсюду в Восточной Европе на этих обширных пространствах существовали этнонимы "русь", "русины", "рутены", "руссы", "руги" и другие близкие им, которыми характеризовались различные славянские племена, племенные конфедерации и славянские государственные образования, часть их была географически связана с южнобалтийским Поморьем. Но этих этнонимов, как и этнонима "русь", не знает Скандинавия.

При определении этнической принадлежности Рюрика и варягов следует иметь в виду и постоянные миграционные процессы славянского элемента как из Южной Европы в Поднепровье, что также отмечено в наших летописях, так и из Южной Прибалтики на Восток, особенно под натиском немецкой агрессии. Не случайно лингвисты отмечают, что новгородский диалект древнерусского языка во многом сходен с наречиями прибалтийских славян. Не случайно Х.Ловьямянский обратил внимание на то, что Рюрик взял с собой в земли восточных славян "всю русь", то есть не только дружинников, но и жителей того славянского района, откуда он вышел.

Наконец, наиболее впечатляющим фактом, говорящим о том, что варяги-русь - это славянский государственный анклав на южном берегу Балтики, является упоминаемый в летописи факт заключения на исходе IX в. Олегом, утвердившимся в Новгороде после смерти Рюрика, с варягами договора о мире на русских северо-западных границах, который, по свидетельству летописи, действовал более 150 лет. В Скандинавии в то время не было таких государственных образований, тем более способных существовать более сотни лет. В.Н. Татищев, кото-

рый располагал в XVIII в. не известными нам летописными материалами, непосредственно выводит династию Рюрика из славянских южнобалтийских земель. В последнее время в нашей исторической литературе появилась серия статей молодых ученых, убедительно доказывающих славянскую общность Рюрика, варягов IX в. и восточных славян.

Ярким подтверждением исторической реальности славянского происхождения варягов IX в. стали последние находки калининградских археологов. Именно на этой древней славянской земле, поглощенной затем немецким нашествием, возникали первые государственные образования, именно здесь появлялись первые южнобалтийские князья, одним из которых был знаменитый в нашей истории Рюрик.

Наивно было бы думать, что все абсолютно ясно с этнонимом варяги. В полиэтническом Балтийском регионе он с десятилетиями наполнялся новым смыслом в связи с бурными переменами, происходившими как в Южной Прибалтике, так и в Скандинавии. Сходили с исторической арены поморские славянские государства, набирали силу скандинавские государственные образования. Но все это уже не имело никакого отношения к такому единичному политическому акту, каким стало "призвание варягов", появление Рюрика в восточнославянских землях, определившее новый этап в развитии восточнославянской и российской государственности.

Источник: Российская газета. 27 сентября 2002 г., № 183 (3051).

**Официальный сайт депутата
Государственной Думы России
Андрея Николаевича
Савельева
(фракция РОДИНА):
www.savelev.ru**

ОТ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «РУСИН»: С этого номера мы вводим новую постоянную рубрику «Архив». В ней мы будем публиковать документы прошлых лет, представляющие ценность для разработки истории русинов. Открывает рубрику печально известный «**План мероприятий по решению проблем украинцев-русинов**», принятый в 1996 г. при президенте Л. Кучме. Этот «план», противоречащий международному праву и законодательству самой Украины, официально провозгласившей этноцид русинов и вмешательство во внутренние дела других государств, давно стал притчей во языцех. В открытой печати данный план полностью публикуется впервые. Надеемся, что новая украинская власть, декларирующая на словах приверженность к общемировым и общеевропейским ценностям, найдет в себе силы публично окреститься от такого наследия прошлого.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ УКРАИНЫ ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ И МИГРАЦИИ

252021 г. Киев, ул. Институтская, 21/8, тел. 293-53-33, 293-22-07
Р/с в Оперу Национального банка Украины 269120278 МФО 300001

7 октября 1996 г.

№ 13-884/2

**Вице-премьер – министру Украины
И.Ф. Курасу**

Уважаемый Иван Федорович!

Во исполнении поручений Кабинета Министров Украины от 05.09.96 № 17626/84 направляем доработанный в соответствии с замечаниями и предложениями министерств и ведомств «План мероприятий по решению проблем украинцев-русинов».

Приложение: указанное на 5 лис.

С уважением
Первый заместитель председателя В. Трощинский

ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ УКРАИНЦЕВ-РУСИНОВ

1. Четко очертить и задекларировать, основываясь на положениях Конституции Украины, в частности ее статьи 2, позицию Украинского Государства в отношении бесперспективности идей отделения или автономизации Закарпаття на любой основе – культурной, этнической, административно-территориальной и т.д.. Возложить на посольства Украины в Словакии, Чехии, Венгрии, Польши организацию серий публикаций у СМИ стран пребывания в отношении позиции Украины в вопросе русинства. Обеспечить посольства Украины в указанных странах необходимыми для организации публикаций материалами.

Министерство иностранных дел Украины,
Министерство юстиции Украины,
Национальная академия наук Украины.
1996 г.

2. Осуществить систему мер, направленных на усиление позиций украинскости Закарпатья (язык, культура, подбор кадров и др.), интеграцию его населения в социально-политическое и духовно-культурное пространство Украины. Создать межведомственную группу, на которую возложить координацию деятельности министерств в ведомств в этом направлении.

Министерство культуры и искусств Украины,
Министерство образования Украины,
Закарпатская областная администрация.
1996-1997 гг.

3. Предотвратить проведение локальных референдумов с целью выявления «самоидентификации» украинцев Закарпатья (русины или украинцы), учитывая, во-первых, научную некорректность постановки такого вопроса в принципе и, во-вторых, живую традицию древнего самоназвания «Русин», что может повлиять на результаты такого опроса и дальнейшую политическую интерпретацию его последствий (проведенный в Восточной Словакии подобный опрос дал так называемые «законные основания» для признания русинов Словакии отдельной нацией).

Закарпатская областная
госадминистрация.
Постоянно.

4. Создать постоянную межведомственную группу по координации изучения проблем русинства.

Национальная академия наук Украины,
Министерство образования Украины,
Министерство культуры и искусств Украины,
Государственный комитет Украины
по делам национальностей и миграции.
1996 г.

5. Провести научную экспертизу и внести необходимые уточнения к проектам учета национальностей и языков с целью разработки на этой основе окончательного варианта Словарей Национальностей и Языков Украины.

Национальная академия наук Украины,
Министерство статистики Украины.
1996 г.

6. Осуществить научные разработки с последующим широким освещением этнических, лингвистических, культурных и политических аспектов истории украинцев-русинов Закарпатья как составной части истории украинского этноса.

Национальная академия наук Украины,
Министерство просвещения Украины.
1996-1997 гг.

7. Исползовать полномочия, которые предоставляются органам местного самоуправления в соответствии с разделом XI Конституции Украины, а также Законом Украины «О принципах местного самоуправления Украины» (после утверждения его Верховной Радой Украины) с целью решения языково-культурных проблем региона в рамках компетенции органов местного самоуправления Закарпатской области.

Органы местного самоуправления Закарпатской области,
Закарпатская областная госадминистрация.
Постоянно.

8. Осуществить систему мер относительно идеологической, материальной, кадровой и культурной поддержки украинских обществ Восточной Словакии, Венгрии, Румынии, Югославии, Польши в соответствии со сферой своей компетенции.

Министерство иностранных дел Украины,
Государственный комитет Украины
по делам национальностей и миграции,
Министерство культуры и искусств Украины,
Министерство образования Украины,
Министерство информации,
Общество «Украина».
1996-1997 гг.

9. Расширить распространение в средствах массовой информации материалов о Закарпатье, акцентируя внимание на том, что регион является испокон веков украинской землей, а местные украинцы – неотъемлемой составной частью украинской нации.

Министерство информации Украины,
Государственный комитет телевидения и радиовещания
1996-1997 гг.

10. Осуществить предупредительно-разъяснительную работу с лидерами и активистами движения «политического русинства», направленную на предупреждение расширения его влияния и недопущения создания политических структур с явно выраженной сепаратистской направленностью. Применить к членам не зарегистрированного областного «Товарищества (или союза) подкарпатских русинов» и созданного им временного правительства соответственные нормы действующего административного и уголовного (ст. 187-8 КК Украины) законодательства. Применить меры административного воздействия к функционерам зарегистрированных на территории области районных и городских организаций «Товарищества» (г.г. Ужгород, Мукачево, Свалява) в случае нарушения ими требований Закона Украины «Об объединении граждан».

Генеральная Прокуратура Украины,
Министерство внутренних дел Украины,
Закарпатская областная госадминистрация.
Постоянно.

КРЕПНУТ СВЯЗИ МЕЖДУ РУСИНАМИ

Президент Общественной организации «Русь» Сергей Суляк вручает икону Святого Штефана Великого председателю Культурного Союза русинов Румынии, депутату румынского парламента Георгию Фирцаку

В начале июня представители русинов Молдавии были приглашены на Храмовый праздник Вознесения Господня в с. Дэрмэнешть (старое русинское название села - Гатна) Сучавского уезда Румынии. Организаторами мероприятия выступили Культурный Союз рутенов (*русинов*) Румынии и руководство села. Участие в праздничном концерте приняли русины из Марамуреша, Арада, Бухареста, Девы, г. Алба-Юлии.

На сцене сельского дома культуры выступали ученики местного лица и коллективы из других регионов Румынии. Многие песни исполнялись на русинском языке. Автор некоторых песен, известный русинский поэт и журналист Иван Мойсюк читал свои новые стихи. Президент Общественной организации «Русь» Сергей Суляк вручил председателю Культурного Союза русинов Румынии, депутату румынского парламента Георгию Фирцаку в дар от молдавских русинов икону Святого Штефана Великого.

Сегодня в Румынии проживают около 150 тыс. русинов. Этнокультурная организация русинов - Культурный Союз русинов Румынии существует с 2000 г. Союз имеет филиалы в Бухаресте, Сучаве, Байя-Маре, Араде и др. населенных пунктах. Действует молодежная организация. Румынское правительство ежегодно выделяет значительные суммы для поддержания деятельности организаций национальных

турная организация русинов - Культурный Союз русинов Румынии существует с 2000 г. Союз имеет филиалы в Бухаресте, Сучаве, Байя-Маре, Араде и др. населенных пунктах. Действует молодежная организация. Румынское правительство ежегодно выделяет значительные суммы для поддержания деятельности организаций национальных

Известный русинский поэт Иван Мойсюк (Румыния) читает свои стихи

меньшинств Румынии. На эти цели Культурный Союз русинов Румынии получает от государства около 3 миллиардов леев (около 100 тыс. долларов США). Средства выделяются ежеквартально и расходуются на содержание штата организации, издание книг, журнала «Руська Віра», проведение различных мероприятий, участие в

симпозиумах и конгрессах за рубежом.

С 2000 г. русинов в парламенте Румынии представляет председатель Культурного Союза русинов Румынии, доктор исторических наук Георгий Фирцак.

Русинские песни исполняют ученики лицея с. Дэрмэнешть Сучавского уезда Румынии

Православный храм святого великомученика Димитрия Солунского в с. Булгак Рышканского района Республики Молдова.

Макет разработал художник Сергей Сулин (Молдавия).

Жители села Булгак обращаются с просьбой о помощи в строительстве храма!

Просим перечислять средства на счета Общественной организации «Русь».

В платежных документах просим указывать: благотворительный взнос на строительство храма.

Общественная организация «Русь» опубликует отчет в журнале «Русин» о поступлении и расходовании данных средств.

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ:**USD**

Correspondent Bank: CITIBANK N.A., New York, USA, SWIFT: CITI
US 33

Beneficiary's Bank: Victoriabank, Chisinau, Moldova, SWIFT:
VICBMD2X

Beneficiary: **Organizatia Obsteasca «Rusi»**

Account: **222400100181787**

EURO

Correspondent Bank: COMMERZBANK AG, Frankfurt/Main,
Germany, SWIFT: COBA DE FF

Beneficiary's Bank: Victoriabank, Chisinau, Moldova, SWIFT:
VICBMD2X

Beneficiary: **Organizatia Obsteasca «Rusi»**

Account: **222401700181787**

ГРИВНЫ

АБ «АЖИО», г. Киев, МФО 300175, ОКПО 14351016

АКБ «Викториабанк», г. Кишинев, Молдова, корреспондентский
счет № **16000249802**

Для **Общественной организации «Русь»** счет № **222405100181787**

РОССИЙСКИЕ РУБЛИ

СБЕРБАНК РОССИИ, г. Москва, БИК 044525225

К/с **3010181040000000225** в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка Рос-
сии, ИНН **7707083893**

КБ «Викториабанк» АО:

Банковский счет № **30231810300000000220**

Специальный банковский счет типа «С» № **30230810900001400220;**

Специальный банковский счет типа «А» № **30230810800001500220;**

Специальный банковский счет типа «О» № **30230810700001600220;**

Специальный банковский счет типа «В1» № **30230810600001700220;**

Специальный банковский счет типа «В2» № **30230810500001800220;**

Для **Общественной организации «Русь»** счет № **222405000181787**

МОЛДАВСКИЕ ЛЕЙ

**Общественная организация «Русь» (Organizația obștească
«Rusi»)**, расчетный счет **225100000181787**, фискальный код
40038013 в ВСА «Victoriabank» SA, филиал 3, код банка
280101416.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

АЛМАШИЙ Михаил (Украина, Закарпатье). Родился в 1930 г. Закончил филологический факультет Ужгородского государственного университета. Председатель Закарпатского научно-культурологического общества им. А. Духновича, член Всемирного Совета русинов, старший преподаватель Закарпатского филиала Киевского славистического университета, член Лиги национальных композиторов Украины, руководитель хора «Стара спиванка», заслуженный учитель Украины. Работы: «Наша школа (концепция народоведения)» (1991), «Система работы школы по вопросам организации самовоспитания учащихся» (1994), «Ромочевница. Историко-этнографический очерк» (1999). В соавторстве: «Русинсько-українсько-руський словарь» (2001), «Энциклопедія Подкарпатської Русі» (2001) и др. Автор монографии «Русинська педагогічна енциклопедія» (Ужгород, 2005). Член редколлегии международного журнала «Русин».

БОЛТУНОВА Екатерина (Россия). Родилась в 1975 г. Окончила историко-филологический факультет Российской государственной гуманитарной академии (Москва), магистратуру Центрально-Европейского университета (Будапешт). Кандидат исторических наук. Научный сотрудник Института российской истории Российской Академии наук.

ГОРНЯК Михаил (Сербия). Родился в 1929 г. Закончил Высшую дипломатическую школу и философский факультет (история) в Белграде. Работал в газете «Руске слово», в Министерстве иностранных дел, Министерстве образования, науки и культуры. Был дипломатом в Бухаресте, Пекине, Ханое, Токио. В настоящее время на пенсии. Активно занимается общественной работой. Автор многочисленных публикаций по русской и русинской истории. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ГУБОГЛО Михаил (Россия). Родился в 1938 г. Ведущий российский социолог и этнолог, специалист в области истории и социологии, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (1999), почетный действительный член Академии наук Республики Молдова (2003). Руководитель Центра по изучению межэтнических отношений, автор более 400 публикаций, в том числе 14 книг по проблемам этносоциологии и тюркологии, посвященных проблемам этноязыковых и этнополитических процессов. В качестве эксперта Государственной Думы принимал участие в разработке законопроектов в области национальной политики и межэтнических отношений. С лекциями и докладами выступал на международных конгрессах, симпозиумах в ряде американских, европейских и вьетнамских университетов в 20 странах мира. Член редколлегии журнала «Русин».

ДРОНОВ Михаил (Россия). Родился в 1980 г. Один из популяризаторов русинистики в России. Автор публикаций о русинах в российских изданиях и русинской периодике зарубежья («Бесіда», «Вседержавный Русинский Вісник», «Карпатський Євроміст», «Народны новинки», «Наш чесько-русинський календар», «НГ-Религии», «Правда русиньска», «Русин», «Русский вестник» и др.). Гость VI, VII и VIII Всемирных конгрессов русинов. Член редколлегии международного журнала «Русин».

КОСТЕЦКИЙ Виктор (Молдавия) Родился в 1947 г. Закончил филологический факультет Бельцкого педагогического института, аспирантуру при Научно-исследовательском институте преподавания русского языка в национальной школе Академии педагогических наук СССР.

Доктор педагогики, конференциар. Автор более 60 научных статей и монографий по лингводидактике, учебников и учебных пособий по русскому языку для школ Молдавии и Румынии. Председатель Молдавского общества преподавателей русского языка и литературы (МОПРЯЛ). Награжден международной медалью им. А.С. Пушкина «За распространение русского языка в мире». С 1997 г. - проректор по учебно-методической работе, с 2001 г. – ректор Славянского университета Республики Молдова.

МЕРКУЛОВ Всеволод (Россия). Родился в 1978 г. Закончил исторический факультет Московского педагогического государственного университета, аспирантуру на кафедре истории России. Кандидат исторических наук, член Русского исторического общества. Автор 50 научных и публицистических статей по истории России, монографии "Откуда родом варяжские гости?", один из составителей альманаха "Традиции и современность". Круг научных интересов: начало Руси, происхождение русского народа, генеалогия, русско-немецкие связи, развитие российской государственности. Занимается научно-исследовательской и общественно-политической деятельностью. Член редколлегии международного журнала "Русин".

НИКОЛАЕНКО Александр (Россия). Родился в 1934 г. Закончил Запорожский машиностроительный институт. С 1957 по 1991 гг. работал на Таганрогском комбайновом заводе. Последняя должность - главный инженер конструкторского бюро по зерноуборочным комбайнам. Кандидат технических наук, лауреат премии Совета Министров СССР (1984), член Союза журналистов РФ (1995). С 1994 г. на пенсии. Изучает творчество русского писателя Н.В. Кукольника.

ПАДЯК Валерий (Украина, Закарпатье). Родился в 1959 г. Закончил Ужгородский государственный университет. Кандидат филологических наук, литературовед, историк русинского литературного процесса. В последнее время также известен как профессиональный издатель, директор частного издательского предприятия «Издательство В. Падыка» (с 2000 г.), которое первым в Украине стало издавать книги на русинском языке, а также литературу по истории и культуре, фольклору, этнографии русинов Подкарпатья. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. трех книг, четырех школьных учебников. Участник V, VII, VIII Всемирных конгрессов русинов. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ПЕТРОВА Нина (Россия). Родилась в 1937 г. Закончила исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. С 1959 г. до настоящего времени работает в РАН. Доктор исторических наук. Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Академик Международной славянской академии (МСА). Член Центрального правления Международного фонда «Победа – 1945 год», член правления ассоциации «Россия – США» и др. Автор свыше 250 опубликованных работ, в том числе девяти монографий по отечественной и всеобщей истории, внешней политике России, истории рабочего класса, Великой Отечественной войне.

ПЛИШКОВА Анна (Словакия). Родилась в 1964 г. Журналистка, лингвист, преподаватель Высшей школы и общественный деятель. Закончила философский факультет университета П.Й. Шафарика в Пряшеве. Работала редактором еженедельника «Нове життя» в Пряшеве (1987-1991), где по 1989 г. издавались страницы на русинском языке «Голос русинів». С 1991 г. заместитель главного редактора журнала «Русин» и газеты «Народны новинки». Участвовала в кодификации русинского языка в Словакии, была членом языковой комиссии по созданию единого литературного русинского языка (1992). С 1999 г. работает в Пряшевском университете, где преподает русинский язык и участвует в составлении учебников русинского языка для средней школы. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ПОЖАР Сергей (Молдавия). Родился в 1961 г. Выпускник музыкального училища имени Шт. Няги, Молдавской Государственной консерватории имени Г. Музическу, Университета марксизма-ленинизма (факультет этики и эстетики). Музыковед, журналист, композитор, лектор. Преподаватель музыкально-теоретических дисциплин и фортепиано Школы искусств имени В.Полякова. Автор монографической серии «Гордость музыкальной Молдовы», нотных альбомов, книги «История музыкального Кишинева» (2006). Опубли-

ковал свыше 1500 газетных и 150 журнальных материалов, научные и энциклопедические статьи. Член Союза композиторов и музыковедов, Союза музыкальных деятелей, Союза журналистов Молдовы.

ПОП Дмитрий (Украина, Закарпатье). Родился в 1941 г. Филолог-славист. В 1963 г. закончил Ленинградский университет по специальности «Чешский язык и литература». Активный участник русинского движения с 1999 г. В 2000-2002 гг. - председатель областного Общества карпатских русинов. Основатель русинских классов в Ужгородской области. Соавтор «Русинсько-українсько-руського словаря» (Ужгород, 2001), «Русинського синонімічного словаря» (Ужгород, 2001), автор исторического очерка «Мукачево», монографии «Замки Подкарпатської Русі» (в соавторстве с И. Попом), «Історія Подкарпатської Русі (Ужгород, 2005). Член редколлегии международного журнала «Русин».

ПЧЕЛОВ Евгений (Россия). Родился в 1971 г. Выпускник Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (1994), кандидат исторических наук (1997), доцент (2002), старший научный сотрудник Института российской истории РАН. Автор работ по истории России, истории культуры, источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам (генеалогия, геральдика, история алфавита и др.).

РАМАЧ Юлия (Сербия). Родился в 1940 г. Закончил филологический факультет (славистика) в Белграде. С 1972 г. преподаватель русского (русинского) языка на философском факультете в Новом Саде (Воеводина). С открытием в 1981 г. кафедры русского языка и литературы - ординарный профессор кафедры. Доктор лингвистики. Главный редактор двухтомного "Сербско-русского словника" (1995-1997), автор "Граматики русского языка" (2002) и др. Член редколлегии международного журнала «Русин».

РУССЕВ Николай (Молдавия). Родился в 1958 г. Доктор хабилитат истории. Специалист по средневековой истории, археологии и нумизматике Юго-Восточной Европы. Автор более 100 научных и научно-популярных работ. Завкафедрой антропологии и социальных технологий университета Высшая антропологическая школа (Молдавия). Член редколлегии международного журнала "Русин".

Прот. Димитрий СИДОР (Украина, Закарпатье). Родился в 1955 г. В 1981 г. закончил Духовную академию и семинарию со степенью кандидата богословия. В 1991 г. назначен в Ужгород настоятелем православной общины. В 1992 г. начал строительство нового православного Кафедрального со-

бора. Настоятель Крестовоздвиженского кафедрального собора г. Ужгорода. В 1996 г. возглавил русинское Общество Кирилла и Мефодия. С 1996 г. - редактор русинской газеты «Християнска родина». Автор русинской грамматики и перевода Евангелия на русинский язык. Член Национального Союза журналистов Украины. Автор сотен научных статей и исследований по истории русинов, богословию, русинской лингвистике. Организовал в Ужгороде V Конгресс русинов мира. Делегат Всемирных конгрессов русинов. Делегат Всемирного русского Собора в Москве. Член редколлегии международного журнала «Русин».

СИЛАДИЙ Мирослав (Сербия). Родился в 1957 г. Председатель правления местного отделения "Руской матки" в Вербаше, член главного правления "Руской матки" Сербии и Черногории, один из основателей "Рускей фондацији", которая действует в рамках "Руской матки" и занимается помощью в издании и пропаганде русинской литературы и культуры. Член культурно-просветительского содружества "Карпати", основатель веб-сайта <http://rusnak.netfirms.com>. Член редколлегии международного журнала «Русин».

СУЛЯК Сергей (Молдавия). Родился в 1963 г. Закончил факультет журналистики Кишиневского государственного университета. С 1990 г. возглавляет фирму "Татьяна" (с 1998 г. - Издательский дом «Татьяна»). Выпускал 14 периодических изданий. Президент Общественной организации «Русь». Автор монографии «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии», многих научных публикаций по истории и культуре русинов Молдавии. Главный редактор международного журнала «Русин».

ТЕЛЬНОВ Николай (Молдавия). Родился в 1948 г. Закончил исторический факультет Одесского государственного университета. С 1979 года и по настоящее время сотрудник Института археологии и этнографии Академии наук Республики Молдова. Заведующий отделом античной и средневековой археологии, старший научный сотрудник. Доктор истории. Руководил работами многочисленных археологических экспедиций. Автор свыше 100 научных работ. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ТОМА Людмила (Молдавия). Родилась в 1939 г. Закончила факультет теории и истории искусств Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина в Ленинграде (1958-1963) и аспирантуру Института искусствознания Академии наук Молдовы (1971-1974). Работала в Националь-

ном художественном музее Молдавии (1963-1971), в Институте искусствознания Академии наук Республики Молдова (1974-1983; 1991 - по настоящее время). Преподаватель истории искусств в колледже им. А. Плэмэдялэ (1983-1996), в Академии искусств Республики Молдовы (с 2005). Член Союза художников (с 1969), доктор искусствознания (1979). Удостоена звания «Ом емерит» (заслуженный деятель, 1996). Автор 10 монографий, 9 брошюр и около 100 научных и научно-популярных статей.

Прот. Николай ФЛОРинский (Молдавия). Родился в 1960 г. После окончания школы служил в Советской Армии. В 1985 г. закончил Московскую духовную семинарию. В 1993 г. - заочно Московскую духовную академию. С 1993 г. - председатель Собора русских общин Республики Молдова. Преподает церковнославянский язык в Кишиневской духовной семинарии. Автор книг «Памяти архиепископа Венедикта Полякова» (2001), «Жизнь и деятельность митрополита Гавриила Банулеску-Бодони» (2005), многих публицистических работ по православию. Митрофорный протоиерей, настоятель Свято-Георгиевского храма в г. Кишиневе. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ШАПКА Роман (Канада). Родился в 1948 г. Потомок галицких и буковинских русинов, переселившихся в Канаду в 1899 и 1921 гг. После окончания университета 30 лет работает учителем. Из них 18 - в психиатрическом отделе больницы с детьми, страдающими психическими заболеваниями. Собирает материалы по русинистике. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ШОРНИКОВ Петр (Молдавия). Родился в 1949 г. Председатель Республиканского Совета движения за равноправие «Унитате-Единство» (1990-1999). Депутат парламента (1990-1998). Доктор истории. Автор более 150 научных работ, посвященных истории Молдавии периода второй мировой войны и молдавской этнокультурной идентичности. Заместитель главного редактора международного журнала «Русин».

ЮРЧЕНКО Наталия (Молдавия). Родилась в 1952 г. Искусствовед. Закончила Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Академии художеств СССР в Ленинграде. Стажировалась в Москве в Государственном институте искусствознания Министерства культуры РФ. Специалист в области истории архитектуры дореволюционного периода. В Академии наук Республики Молдова работает с 1975 г. В настоящее время научный сотрудник Института межэтнических исследований АНРМ. Занимается изучением архитектуры Кишинева XIX- начала XX вв. Автор более двадцати статей в этой области.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2006, № 3 (5)

Кишинев

Республиканская общественная организация «Русь»,
Издательский дом «Татьяна».
2006. - 208 стр.

Республиканская общественная организация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Тел.: (37322) 27-02-84, 27-44-30, факс: 27-15-15.
E-mail: tatianas@cni.md, sergei_suleak@rambler.ru

Издательский дом «Татьяна».

MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.

Подписано к печати 05.09.2006. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 600 экз.

Заказ 122.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

МОЄ ЗАВІЩАННЯ

Исидор Воробкевич (1836-1903)

Маєтку, сину, я не маю,
Його в житті я не шукав;
Щоб нарід наш раз просвітився,
Сю думку грів я і плекав.
Тож срібла, злота не надійся;
Тобі сю спадщину даю:
Рости і зрій, цілим стань мужем
І Русь люби, як мати свою!

Держися прадідної віри,
Бо віра - певний наш покров!
За правду, поступ і науку
Умерти, сину, будь готов!
Горни до серця рідну мову,
Гірким будь ядом ворогам -
Рости і зрій, цілим стань мужем
І не служи чужим богам!

Коли тебе обсядуть діти,
То без втоми їх навчай,
Щоб жили згідно і в любові,
Щоб тут на світі мали рай;
Щоб рідну неню шанували,
Виною не були сльозам, -
Рости і зрій, цілим стань мужем
І не служи чужим богам!

Люби свій нарід, як невісту,
І до розвою причинись!
Де бачиш гній, гідку
застою,
Як від зарази, відступись!
Я гину, сину, - так судилось,
Раз умирати треба нам -
Рости і зрій, цілим стань
мужем
І не служи чужим богам!

Се спадщина моя, мій сину,
Передаю тобі цілу:
Люби ти віру, рідне слово
І твою матір, Русь святу!
Така любов - на морі якор
І ясна провідна звізда!
Нас обминуть зловіщі бурі,
Незгода згине і біда...

1886

